

«УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ»
научно-практический журнал

ДЕМОГРАФИЯ И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
ИЗУЧЕНИЯ КАЧЕСТВА И УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ**

Бобков В.Н.	Теоретические и методологические вопросы определения качества и уровня жизни населения и их оценивание в Дальневосточном федеральном округе России.....	4
Бобков В.Н., Елизаров В.В., Джанаева Н.Г., Данилова И.А., Маликов Н.С., Синица А.Л.	Методологические основы разработки региональных программ демографического развития с учетом региональных особенностей (на примере Дальневосточного федерального округа)	10
Мотрич Е.Л., Найден С.Н.	Уровень жизни населения и потенциал социальной сферы в регионах Дальнего Востока России	18
Мотрич Е.Л.	Роль миграции в воспроизводстве населения на российском Дальнем Востоке	25

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Сукнёва С.А.	Демографическое развитие Республики Саха (Якутия): состояние и перспективы	33
Авдеев Ю.А., Ушакова В.Л.	Демографическая структура населения Приморского края и ее влияние на показатели уровня жизни	41
Мищук С.Н., Аносова С.В.	Миграционная ситуация как отражение социально-экономических процессов в Еврейской автономной области.....	47
Мошков А.В.	Уровень жизни населения как важнейшая составляющая стратегии социально-экономического развития города (на примере Владивостока) ..	54

УРОВЕНЬ И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Сидоркина З.И., Романов М.Т.	Региональные особенности занятости и уровня жизни населения в Дальневосточном макрорегионе	61
Бардаль А.Б.	Обеспечение транспортной подвижности населения в Дальневосточном федеральном округе	71
Байков Н.М.	Социальное самочувствие пожилых людей как интегральный показатель жизненных сил дальневосточного региона	82
Заусаев В.К., Марков Д.Н.	Мультипликативный характер воздействия туризма на экономику дальневосточного региона	88
Березутский Ю.В.	Социальное развитие молодежи дальневосточного региона в социологическом измерении	95
Сухомиров Г.И.	Продовольственная безопасность Дальнего Востока	101
Найден С.Н.	Расходы населения на содержание жилья и коммунальные услуги: пространственная дифференциация на Дальнем Востоке	108

Залеская О.В.	Китайские мигранты на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XXI вв.: основные вехи присутствия и деятельности	115
----------------------	--	-----

ПУБЛИКАЦИИ СОИСКАТЕЛЕЙ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ

Столярова А.В., Вашаломидзе Е.В.	Оптимизация структуры и содержания квалификационных требований к профессиональным знаниям и навыкам государственных гражданских служащих	121
Куклин А.А., Леонтьева А.Г., Никулина Н.Л.	Социальная защита населения как фактор роста продолжительности жизни	130

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И АННОТИРОВАННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Страницы журнала открыты для дискуссионных материалов,
поэтому мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

**Издательский отдел ОАО «ВЦУЖ» осуществляет размещение рекламных
и рекламно-информационных материалов в журнале**

«Уровень жизни населения регионов России»

телефон издательского отдела:

8 (499) 164-97-44, 164-97-61

Реклама на 2,3,4-й полосах обложки:

полноцветная печать –

<i>полоса 203x290 мм (А4)</i>	<i>– 10 тыс. рублей;</i>
<i>вставка (4 полосы)</i>	<i>– 20 тыс. рублей;</i>
<i>рекламно-информационный блок (8 полос)</i>	<i>– 30 тыс. рублей.</i>

черно-белая печать –

<i>текстовый блок, 1 полоса</i>	<i>– 5 тыс. рублей;</i>
<i>1/2 полосы</i>	<i>– 4 тыс. рублей;</i>
<i>меньше 1/2 полосы</i>	<i>– 3 тыс. рублей.</i>

Уважаемые читатели!

Предлагаем вашему вниманию выпуск журнала, посвященный уровню и качеству жизни населения российского Дальнего Востока и связанной с ними демографической ситуацией в регионе. В номере журнала рассматриваются теоретические и методологические вопросы изучения качества и уровня жизни населения, демографическое развитие субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО), а также уровень и условия жизни на российском Дальнем Востоке.

Номер открывают статьи генерального директора ОАО «ВЦУЖ», Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, д.э.н., профессора **Бобкова В.Н.**, и авторского коллектива в составе: генерального директора ОАО «ВЦУЖ», Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, д.э.н., профессора **Бобкова В.Н.**, руководителя Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, к.э.н. **Елизарова В.В.**, заведующей сектором Лаборатории народонаселения и демографии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, к.э.н. **Даниловой И.А.**, с.н.с. Лаборатории экономики народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, к.э.н. **Джанаевой Н.Г.**, к.ф.н. **Маликова Н.С.** и н.с. Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, к.э.н. **Синицы А.Л.**

Связь уровня жизни населения и потенциала социальной сферы, миграция в воспроизводстве населения на Дальнем Востоке представлены в двух статьях: заведующей сектором проблем социального развития, в.н.с., д.э.н. **Мотрич Е.Л.**, заведующей отделом научно-образовательных проектов, к.э.н. **Найден С.Н.** ФГБУН «Институт экономических исследований» Дальневосточного отделения РАН и авторская статья заведующей сектором проблем социального развития, в.н.с., д.э.н. **Мотрич Е.Л.**

Демографическое развитие дальневосточного региона и влияние на него уровня жизни населения исследовано в работах:

– заведующей отделом НИИ Региональной экономики Севера Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова, д.э.н., доцента **Сукневой С.А.**;

– в.н.с., к.э.н. **Авдеева Ю.А.** и н.с. **Ушаковой В.Л.** ФГБУН «Тихоокеанский институт географии» Дальневосточного отделения РАН;

– с.н.с., к.э.н. **Мищук С.Н.** и н.с. **Аносовой С.В.** ФГБУН «Институт комплексного анализа региональных проблем» Дальневосточного отделения РАН;

– в.н.с. ФГБУН «Тихоокеанский институт географии» Дальневосточного отделения РАН, д.геогр.н. **Мошкова А.В.**

Возможные направления социально-экономического развития дальневосточного региона, улучшающие условия жизни населения на этой территории, представлены в статьях заведующего Лабораторией территориально-хозяйственных структур, д.геогр.н. **Романова М.Т.** и с.н.с., к.геогр.н. **Сидоркиной З.И.** ФГБУН «Тихоокеанский институт географии» Дальневосточного отделения РАН; заведующей сектором транспортной инфраструктуры ФГБУН «Институт экономических исследований» Дальневосточного отделения РАН, к.э.н., доцента **Бардаль А.Б.**; заместителя директора по научной работе Дальневосточного института управления – филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», д.соц.н., профессора **Байкова Н.М.**; директора, д.э.н., профессора **Заусаева В.К.** и ведущего экономиста **Маркова Д.Н.** ФАУ «Дальневосточный научно-исследовательский институт рынка»; начальника отдела организации и координации научных исследований Дальневосточного института управления – филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», к.соц.н., доцента **Березутского Ю.В.**; с.н.с. ФГБУН «Институт экономических исследований» Дальневосточного отделения РАН, к.с.-х.н. **Сухомирова Г.И.**; заведующей отделом научно-образовательных проектов ФГБУН «Институт экономических исследований» Дальневосточного отделения РАН, к.э.н. **Найден С.Н.**

Влияние миграции китайского населения на развитие ДФО рассмотрено в публикации заведующей кафедрой китаеведения Благовещенского государственного педагогического университета, д.и.н. **Залесской О.В.**

В рубрику «Публикации соискателей ученых степеней» включены работы: профессора Финансового Университета при Правительстве РФ, д.э.н. **Столяровой В.А.** и заведующей отделом аспирантуры НИИ труда и социального страхования, к.э.н. **Вашаломидзе Е.В.**; руководителя Центра экономической безопасности Института экономики Уральского отделения РАН, д.э.н., профессора **Куклина А.А.**, профессора кафедры математических методов, информационных технологий и систем управления в экономике Тюменского государственного университета, к.э.н. **Леонтьевой А.Г.** и заведующей сектором, с.н.с. Центра экономической безопасности Института экономики Уральского отделения РАН, к.э.н. **Никулиной Н.Л.**

**Главный редактор,
Заслуженный деятель
науки Российской Федерации,
доктор экономических наук, профессор
В.Н. Бобков**

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАЧЕСТВА И УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ И ИХ ОЦЕНИВАНИЕ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ РОССИИ

Бобков В.Н.

Рассмотрен категориальный аппарат изучения уровня и качества жизни, проведено оценивание качества населения, уровня потребления и его дифференциации в регионах Дальневосточного федерального округа.

Ключевые слова: качество жизни населения, уровень жизни населения, численность и качество населения, социальная структура населения по уровню материального достатка, бедность, экономическое неравенство, индекс развития человеческого потенциала.

Качество жизни

Качество жизни населения определяется многообразным комплексом характеристик развитости человека, социальных групп и общества в целом, а также условий их жизнедеятельности. В сложном, высокоразвитом обществе процессы и структуры, формирующие качество жизни, протекают в следующих областях:

- 1.1. Охраны здоровья и безопасности человека.
- 1.2. Мировоззренческой, включающей опережающее развитие человека по сравнению с развитием других сфер жизни.
- 1.3. Интеллектуально-образовательной, включающей формирование образовательного общества с гуманистическим содержанием образования и его высоким качеством.
- 1.4. Духовно-культурной, обеспечивающей нравственные, ценностные основания жизни и готовность их защищать.
- 1.5. Профессионально – трудовой или профессионально – предпринимательской.
- 1.6. Семейно-личностной.
- 1.7. Гражданско-общественной, обеспечивающей высоко развитое самоуправление.
- 1.8. Антропо-природной, обеспечивающей устойчивое развитие человека, семьи и общества, их гармонии с природой.
- 1.9. Экономической, обеспечивающей рациональное использование ресурсов, сознательное ограничение потребительства и роскоши, управляемое развитие экономики и уровня жизни.

Важнейшими компонентами качества жизни являются: *качество общества (личности, населения, отдельных социальных групп и организаций гражданского общества); качество трудовой и предпринимательской жизни; качество социальной инфраструктуры; качество окружающей среды; личная безопасность; удовлетворенность людей качеством своей жизни*¹.

Таким образом, **категория «качество жизни»** характеризует сущность развитости личности, социальных групп и всего общества страны в увязке со степенью удовлетворения ими своих потребностей, обусловленной условиями жизнедеятельности.

Качество общества наряду с качеством внешней среды его жизнедеятельности является одним из основополагающих компонентов качества жизни. Категория качества общества раскрывает существенное в отдельных личностях (здоровье, образование, мировоззрение и др.), в населении (рождаемость, смертность, объем рабочей силы и др.), в семейной жизни (создание, сохранение и крепость института семьи; защита прав и воспитание детей и пр.), в отдельных социальных группах: группах риска (больные алкоголизмом, токсикоманией и наркоманией, психическими расстройствами и др. социальными болезнями; в группах с ограниченными возможностями (утративших трудоспособность по возрасту и инвалидности и др.). Характеристика общества включает его структуризацию как гражданского общества в лице представляющих его организаций (профсоюзов, общественных движений и политических партий и др.), способных защитить его многообразные интересы и возможность выбора. Для решения практических задач качество общества, как правило, характеризуют более узким составом компонентов – численностью и качеством населения (здоровьем, образованием, развитием гражданского самосознания и организации и др.).

Численность населения является важнейшей характеристикой демографических процессов. Они в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) в прошедшем десятилетии² развивались в соответствии с общероссийскими тенденциями. Однако уменьшение численности населения в ДФО было выше (94,0%³), чем в целом по Российской Федерации.

¹ См. Качество и уровень жизни населения в современной России. Рук авт. колл. В. Н. Бобков. – М.: ВЦУЖ, 2007 г.

² Для характеристики демографической ситуации анализируется период между Всероссийскими переписями населения 2002–2010 гг.

³ Здесь и далее в относительных единицах показаны индикаторы, характеризующие динамику 2010/2002 гг.

Таблица 1

Численность населения*, тыс. чел.

Субъекты ДФО	2002	2010	2010 к 2002**, %
Республика Саха (Якутия)	949	959	101,0
Камчатский край	374	322	86,1
Приморский край	2071	1956	94,5
Хабаровский край	1436	1344	93,6
Амурская область	903	830	91,9
Магаданская область	183	157	85,8
Сахалинская область	547	498	91,0
Еврейская автономная область	191	177	92,4
Чукотский автономный округ	54	51	93,6
Дальневосточный федеральный округ	6693	6293 (менее 5% от населения страны)	94,0
Россия (справочно)	145167	142857	98,4

*Таблица составлена по материалам Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.

**Расчеты авторов.

ской Федерации (98,4%). Население уменьшилось в 8-ми из 9-ти субъектов ДФО, что подтверждается данными таблицы 1.

Наиболее значительное уменьшение населения наблюдалось в Магаданской области (85,8%) и в Камчатском крае (86,1%). Республика Саха (Якутия) является единственным регионом на Дальнем Востоке России, сохранившим население в результате роста рождаемости и сокращения смертности. Рождаемость в Якутии за 2002–2010 гг. увеличилась с 14,6 до 16,8, а смертность сократилась с 10,2 до 9,8 случая на 1000 населения. По уровню рождаемости Якутия лидирует в ДФО, а ее динамика уступала в округе лишь Хабаровскому краю, Чукотскому автономному округу и Еврейской автономной области. Уровень смертности в Якутии существенно ниже общероссийского показателя и самый низкий среди регионов Дальнего Востока.

Качество населения

Качество населения в первом приближении характеризует индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), в котором отражаются – ожидаемая продолжительность жизни при рождении и образованность.

Ожидаемую продолжительность жизни (ОПЖ) часто рассматривают как обобщающий индикатор качества населения, характеристика которого представлена в таблице 2. В 2009 г.⁴ наиболее высокой ОПЖ была в Приморском крае (66,7 г.), Рес-

спублике Саха (Якутия) (66,5 г.) и Хабаровском крае (66,3 г.). Ниже, чем в других субъектах ДФО, ОПЖ была в Чукотском автономном округе (58,2 г.), Еврейской автономной области (63,3 г.), а также в Магаданской области (64,1 г.). За рассматриваемый период ОПЖ выросла во всех субъектах ДФО. Наиболее высокий прирост ОПЖ наблюдался в Хабаровском крае (4,2 г.), Амурской области (3,3 г.), а также в Республике Саха и Приморском крае (3,0 г.). Менее, чем в других субъектах ДФО, ОПЖ выросла в Чукотском автономном округе (0,2 г.) и в Магаданской области (1,9 г.)

Образованность определяется в ИРЧП индексом образования, который, в свою очередь, рассчитывается взвешиванием показателей грамотности населения (с весом в 2/3) и доли учащихся среди детей и молодежи в возрасте от 6 до 23 лет (с весом в 1/3). Для индекса образования установлены фиксированные минимальные и максимальные значения:

- грамотность взрослого населения: 0% и 100%;
- совокупная доля учащихся среди детей и молодежи: 0% и 100%.

Охват образованием рассчитывается как отношение числа учащихся учебных заведений всех видов (школы, начальные, средние и высшие профессиональные учебные заведения) к численности населения в возрастах 6–23 года. В 2009 г. наиболее высокий индекс образования был достигнут

⁴ Значения ИРЧП опубликованы за 2009 г.

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность жизни*, лет

Субъекты ДФО	2002	2009	2009 к 2002**, лет
Республика Саха (Якутия)	63,5	66,45	3,0
Камчатский край	63,4	66,06	2,7
Приморский край	63,7	66,72	3,0
Хабаровский край	62,1	66,33	4,2
Амурская область	61,1	64,41	3,3
Магаданская область	62,2	64,06	1,9
Сахалинская область	62,0	64,83	2,8
Еврейская автономная область	60,6	63,34	2,7
Чукотский автономный округ	58,0	58,22	0,2
Россия (справочно)	65,0	68,67	3,7

*Таблица составлена по материалам Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.

**Ожидаемая продолжительность жизни, данные ПРООН.

в Магаданской области (0,946), Республике Саха (Якутия) (0,922) и в Хабаровском крае (0,919). Ниже, чем в других субъектах ДФО, индекс образования сложился в Сахалинской области (0,887), Чукотском автономном округе (0,877) и Еврейской автономной области (0,880). По совокупности двух индикаторов качества жизни, а именно, по динамике численности населения (1-е место) и качества населения (индексы ожидаемой продолжительности жизни и образованности – 2-е места) на российском Дальнем Востоке безусловным лидером является Республика Саха (Якутия)⁵.

Уровень жизни

Уровень жизни – это категория, обусловленная экономическим и социальным положением человека, социальных групп и всего общества и характеризующая их возможности удовлетворять детерминированные обществом нормативные потребности в материальных, культурных и социальных благах. Уровень жизни определяется соотношением фактической реальной имущественной обеспеченности людей с детерминированными обществом нормативами их реальной имущественной обеспеченности. Чем выше рассматриваемое соотношение, тем больше возможность повысить степень удовлетворения потребностей, а чем выше (полнее) удовлетворение потребностей человека в процессе потребления, тем более возвышаются его потребности и полноценнее его развитие как цели всего общественного прогресса.

Для решения практических задач уровень жизни характеризуют, как правило, достаточно

узким составом элементов: среднедушевая структура расходов населения, индексы потребительских цен, бедность и экономическое неравенство, экономическое положение социально уязвимых категорий, доступность товаров и услуг и некоторые другие. Наиболее чувствительные индикаторы уровня жизни населения представлены в таблице 3.

Покупательная способность денежных доходов населения, рассчитываемая как отношение среднедушевых денежных доходов населения и величины прожиточного минимума, в большинстве регионов округа относится к низким значениям (1–3 бюджета прожиточного минимума (БПМ)). В трех субъектах ДФО (Сахалинской, Магаданской областях и Чукотском автономном округе) покупательная способность доходов населения классифицируется как показатель ниже среднего уровня, определяемого диапазоном 3–7 БПМ.

Абсолютная бедность, показывающая долю населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения региона, в 2011 г. сложилась преимущественно на среднем уровне, то есть в пределах 1,5 раза выше/ниже среднероссийского уровня. В двух субъектах – в Амурской области и Еврейской автономной области – значения индикатора были высокими, составив 19,8% и 20,4%, соответственно.

Относительная бедность, определяемая как доля населения с денежными доходами ниже 60% медианного дохода, в субъектах Дальневосточного федерального округа не достигала уровня по-

⁵ Для всестороннего оценивания качества жизни населения необходимо рассмотрение всего комплекса индикаторов, характеризующих сферы его формирования. В данной публикации они обозначены как 1.1. – 1.9.

Таблица 3

Значения индикаторов качества и уровня жизни населения⁶, 2011 г.

Субъекты	ИРЧП ^[1] , 2009 г.	ПС ^[2] , кол-во наборов БПМ	Абсолют- ная бед- ность ^[3] , %	Относи- тельная бедность ^[4] , (%)	К-т Джини ^[3]	К-т фондов ^[3]	ВРП по ППС ^[5] , в долл. США 2009 г.
Сахалинская область	0,855	3,2	12,3	25,8	0,41	15,1	43462
Республика Саха (Якутия)	0,836	2,56	18,7	25,4	0,40	14,5	21159
Магаданская область	0,817	3,07	13,4	25,6	0,41	15,2	16748
Чукотский автономный округ	0,809	3,47	10,2	24,5	0,41	14,9	39220
Приморский край	0,804	2,62	16	24,0	0,39	13,0	12574
Хабаровский край	0,804	2,7	15,3	24,0	0,39	13,2	12320
Камчатский край	0,798	2,45	17,7	23,8	0,38	12,5	12931
Амурская область	0,789	2,29	19,8	22,6	0,38	12,2	13115
Еврейская автономная область	0,762	2,22	20,4	23,3	0,37	11,9	9849
Россия	0,840	3,25	12,8	25,9	0,416	16,1	18869

^[1] Индекс развития человеческого потенциала, данные ПРООН.

^[2] Покупательная способность денежных доходов населения, оценка ОАО «ВЦУЖ».

^[3] Данные Росстата.

^[4] Оценка ОАО «ВЦУЖ».

^[5] Валовой региональный продукт по паритету покупательной способности, данные ПРООН.

казателя в целом по стране (25,9%). Наиболее высокая относительная бедность была отмечена в Сахалинской области (25,8%), наиболее низкая – в Амурской области (22,6%).

При преимущественно высоких значениях (не менее 10 тыс. долл.) душевого валового регионального продукта по паритету покупательной способности (ВРП по ППС), коэффициент Джини в большинстве регионов в 2011 г. был избыточным относительно уровня ВРП, согласно стандартам, определенным в ОАО «ВЦУЖ»⁷.

Коэффициент фондов в регионах ДФО находится на уровне средних значений, то есть в пределах 1,5 раза выше/ниже среднероссийского уровня. Наибольшее значение показателя было отмечено в Магаданской и Сахалинской областях, где оно составило 15,2 и 15,1 раза, соответственно. Минимальным, равным 11,9 раза, было значение индикатора в Еврейской автономной области.

Оценивание распределения населения по денежным доходам проведено на примере Республики Саха (Якутия) в сравнении с Российской Федерацией и представлено в таблице 4.

Из таблицы 4 следует, что около 2/3 населения в Республике Саха являются бедными и низко обеспеченными. Еще примерно у четверти населения данного субъекта ДФО уровень жизни не достигает средних стандартов и только 4% населения имеют средний и высокий уровень жизни. За рассматриваемый период уровень жизни в Якутии вырос во всех группах, сформированных по стандартам материального достатка. Это, однако, не позволило качественно переломить неблагоприятную структуру соотношения населения по уровню материального достатка. Население Якутии живет хуже, чем в целом по стране, а положительная динамика уровня жизни является менее выраженной. Во многом это является следствием более суровых условий жизни, а так же недостаточного наполнения ресурсами потребления бюджета республики и фондов потребления организаций рыночного сектора экономики. Одной из основных причин этого является недостаточное внимание к развитию человеческого потенциала российских северных и восточных территорий со стороны федерального центра и перекосов налоговой, бюд-

⁶ Разработана экспертом ОАО «ВЦУЖ» Гулюгиной А. А.

⁷ См. В. Н. Бобков, А. А. Гулюгина. Мониторинг доходов и уровня жизни/Уровень жизни населения регионов России. – 2012, № 12.

Таблица 4

Распределение населения по доходам: Республика Якутия/Россия, в среднем за месяц,
в % к общей численности населения

	Удельный вес населения, %		Изменения в 2011 г. Якутия/Россия, п. п.
	2002 г.	2011 г.	
Наиболее нуждающиеся – ниже прожиточного минимума – (БПМ)	23,7/27,6	18,7/12,8	-5,0/-14,8
Низкообеспеченные (от ПМ до 3 ПМ)	57,8/53,7	53,5/48,4	-4,9/-5,3
Обеспеченные ниже среднего уровня (от 3 БПМ до 7 БПМ)	16,9/16,6	23,6/30,4	6,7/13,8
Средне обеспеченные (от 7 БПМ до 11 БПМ)	1,4/1,7	3,2/5,9	1,8/4,2
Высоко обеспеченные (выше 11 БПМ)	0,2/0,5	1,0/2,5	0,8/2,0
Итого	100	100	

жетной и в целом экономической политики в нашей стране.

Качество и уровень жизни: синтез

Уровень жизни является не только важной характеристикой ее качества, но и непосредственно влияет на качество жизни со стороны ее экономической определенности. Различия в текущем потреблении людей с доходами, соответствующими прожиточному минимуму, социально приемлемому (восстановительному) потребительскому бюджету, потребительскому бюджету среднего достатка и бюджету высокого достатка, а также огромное неравенство в размерах других активов – недвижимого и движимого имущества, свидетельствуют о различиях в уровне и качестве жизни.

Наиболее простым интегральным индикатором качества и уровня жизни населения является *индекс развития человеческого потенциала* (ИРЧП). ИРЧП, кроме индекса ожидаемой продолжительности жизни и индекса образования, включает в себя также индекс валового регионального продукта. Последний, будучи исчисленным по паритету покупательной способности национальных валют (ППС), характеризует производство ресурсов, необходимых для обеспечения жизни людей. Значения ИРЧП представлены в таблице 5.

В ДФО шесть субъектов в 2009 г. имели высокий ИРЧП (более 0,8). Среди них наибольшие значения были отмечены в Сахалинской области (0,855), Республике Саха (Якутия) (0,836) и Магаданской области (0,817). В Чукотском автономном округе, Хабаровском и Приморском краях значения ИРЧП были на уровне 0,809–0,804. Остальные 3 субъекта, входящих в ДФО, имели средний ИРЧП: Камчатский

край – 0,798, Амурская область – 0,789, Еврейская автономная область – 0,762.

Сахалинская область имеет самый высокий в ДФО ИРЧП и занимает 5-е место в России, Республика Саха – 2-е в Дальневосточном федеральном округе и 8-е место в России, опережая Сахалинскую область по индексу продолжительности жизни и индексу образования. Остальные субъекты ДФО значительно отстают от Сахалинской области и Республики Саха (Якутии) по ИРЧП. Наиболее отстают Амурская область и Еврейская автономная область, занимающие по этому индикатору, соответственно, 68-е и 79-е место в РФ.

Выше приведенный анализ значений индикаторов качества и уровня жизни в регионах ДФО показывает их противоречивую характеристику жизни населения. Так, например, в Чукотском автономном округе наблюдался самый низкий уровень абсолютной бедности (10,2%) и наиболее высокий в ДФО уровень средней покупательной способности доходов населения (3,47 ПМ). Казалось бы, эти индикаторы, положительно характеризуют уровень жизни в этом субъекте, должны отразиться на повышении качества жизни. Однако, как показывает выше приведенный анализ, этого недостаточно для перелома индикаторов качества жизни. Даже на временном отрезке в 8–10 лет. В Чукотском автономном округе зафиксированы: относительное сокращение численности населения (93,6%), наиболее низкая ожидаемая продолжительность жизни (58,2 г.), наиболее низкий индекс образования (0,877).

Еще сложнее определить сравнительную интегральную характеристику качества жизни, например, в Амурской области. Здесь средние для ДФО характеристики относительного сокращения численности населения (91,9%), ожидаемой продол-

Таблица 5

Индекс развития человеческого потенциала***, 2009 год

	ВВП (индекс дохода)	ОПЖ (индекс долголетия)	Образование (индекс образования)	ИРЧП	Место в РФ
Республика Саха (Якутия)	0,894 (3)	0,691 (2)	0,922 (2)	0,836 (2)	8
Камчатский край	0,812	0,684	0,897	0,798	58
Приморский край	0,807	0,695 (1)	0,909	0,804	52
Хабаровский край	0,803	0,689	0,919	0,804	51
Амурская область	0,814	0,657	0,898	0,789	68
Магаданская область	0,855	0,651	0,946 (1)	0,817	30
Сахалинская область	0,914 (2)	0,664 (5)	0,887 (6)	0,855 (1)	5
Еврейская автономная область	0,766	0,639	0,880	0,762	79
Чукотский автономный округ	0,997 (1)	0,554	0,877	0,809	43
Россия (справочно)	0,875	0,728	0,918	0,840	–

***Составлено экспертом ОАО «ВЦУЖ» Одинцовой Е. В. по публикации ПРООН, 2011 г.

жительности жизни (64,4 г.) и индекса образованности (0,898). При этом в данном субъекте – одна из наиболее низких в ДФО среднедушевая покупательная способность населения (2,3 ПМ) и одна из наиболее высоких абсолютная бедность (19,8%). По экономическому потенциалу (душевой ВРП) этот субъект также не входит в число наиболее перспективных регионов ДФО.

Некоторые выводы

1. Вопросы повышения качества и уровня жизни населения требуют гораздо большего внимания федеральных и региональных органов власти. Необходимо кардинальное изменение экономической политики федерального центра в отношении восточных и северных регионов страны, ускоренное развитие их человеческого потенциала, разработка комплексных программ повышения качества и уровня жизни населения с использованием научно обоснованной системы индикаторов и си-

стематический мониторинг реализации этих программ.

2. По совокупности рассмотренных индикаторов качества и уровня жизни, а именно: факторов, определявших динамику численности населения и его качество (ожидаемая продолжительность жизни и образованность), а также материальные условия жизни (средний уровень жизни и неравенство его распределения) в ДФО в более предпочтительном положении находились Республика Саха (Якутия), Хабаровский и Приморский края.

3. В менее предпочтительном положении по качеству и уровню жизни населения находились Магаданская область (наибольшее в округе сокращение численности населения), Чукотский автономный округ (наиболее низкая ожидаемая продолжительность жизни, наиболее низкий уровень образованности населения, наиболее высокое избыточное экономическое неравенство) и Еврейская автономная область (наиболее высокая бедность населения по доходам).

*****

1. Бобков В.Н., Гулюгина А.А. Межрегиональное неравенство уровня жизни: состояние и вектор развития//Уровень жизни населения регионов России. – 2012, № 12.

2. Бобков В.Н. Методические и практические вопросы изучения качества жизни: региональный аспект//Уровень жизни населения регионов России. – 2011, № 9.

3. Бобков В.Н. Влияние экономической активности и уровня жизни населения на рождаемость в современной России//Уровень жизни населения

регионов России. – 2011, № 8.

4. Бобков В.Н. Социальные структуры и неравенство распределения населения по качеству и уровню жизни. – М.: ВЦУЖ, 2011.

5. Доклад о человеческом развитии 2011 //http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2011_RU_Complete.pdf.

6. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2010 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). Росстат. – М., 2011.

7. Качество и уровень жизни населения в современной России (1991–2005 гг.)/Монография. Руководитель В. Н. Бобков. – М.: ВЦУЖ, 2007.

8. Российский статистический ежегодник: Статистический сборник Росстат. – М., 2011.

9. Россия перед лицом демографических вызо-

вов: Доклад о развитии человеческого потенциала в России. Доклад UNDP/Под. ред. А. Г. Вишневского. – М., 2008.

10. Социальное положение и уровень жизни населения России: Статистический сборник/Росстат. – М., 2011.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗРАБОТКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ С УЧЕТОМ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ (на примере Дальневосточного федерального округа)

Бобков В.Н., Елизаров В.В., Джанаева Н.Г., Данилова Н.А., Маликов Н.С., Сеница А.Л.

Статья посвящена методологическим основам разработки региональных программ демографического развития. Отметив определенные успехи, достигнутые органами государственной власти в области проведения демографической политики за последнее время, эффективность таких программ можно увеличить. В статье рассматриваются принципы, на которых должна строиться разработка региональных программ демографического развития. Особое внимание уделяется демографической экспертизе как одному из важнейших этапов разработки данных программ.

Ключевые слова: региональные программы демографического развития, социально-экономическая политика, демографическая экспертиза.

Усилия, предпринятые федеральными и региональными органами управления, которые были направлены на улучшение демографической ситуации, принесли некоторые результаты. Были выполнены цели первого этапа (2007–2010 гг.), поставленные Концепцией демографической политики на период до 2025 г.: значительно сократилась естественная убыль населения, повысилась устойчивость семьи, снизилась внебрачная рождаемость. Тем не менее, перспективы изменения демографической ситуации в ближайшее десятилетие требуют особого внимания к этой сфере.

Придание демографическому развитию устойчивого характера делает необходимым улучшение управления демографическими процессами со стороны органов власти субъектов Российской Федерации.

К сожалению, как показывает практика, демографическая политика во многих регионах остается недостаточно эффективной, в том числе и из-за относительно невысокой демографической грамотности чиновников.

Целью данной статьи является описание методологических основ разработки региональных программ демографического развития современного этапа демографического развития России с учетом региональных особенностей на примере Дальневосточного федерального округа.

Принципы формирования дифференцированных целей демографического развития регионов, исходя из их особенностей

Региональные программы демографического развития (далее – РПДР) являются наиболее эффективной формой проведения демографической политики во всей стране и в ее отдельных регионах. В настоящее время такие программы приняты и действуют практически во всех регионах страны. Однако, как показывает практика, для большинства из них характерно отсутствие системности и комплексности, что в значительной степени обусловлено недостаточной теоретической подготовкой, невысоким уровнем демографической грамотности их составителей.

В процессе формирования РПДР основной является проблема постановки четко сформулированной цели, которая соответствует условиям и возможностям региона.

Достигнутые в последние годы успехи несколько снизили угрозу демографической безопасности страны, но не устранили ее в целом. Поэтому основополагающим принципом этой политики остается принцип сохранения и роста численности населения и повышения его качества.

Вторым основополагающим принципом разработки РПДР в регионах выступает принцип приоритетности демографических целей и задач по отно-

шению к другим целям и задачам, хотя о взаимной связи между социально-демографическими и социально-экономическими процессами забывать не стоит. Действующая Концепция демографической политики требует от регионов при разработке и реализации демографических программ учета уровня и качества жизни, рост реальной оплаты труда, поддержки жилищного строительства, развитие институтов здравоохранения и образования и другие меры, повышающие благосостояние людей и положительно влияющие на демографическую ситуацию в регионе и ее перспективы.

Достижение этих принципов возможно только при условии единства науки и практики, без которого разработка и реализация этих программ будет происходить на основе «проб и ошибок», что увеличит вероятность принятия программы, не отражающей особенности развития данного региона. РПДР должна быть составлена таким образом, чтобы она максимально полно соответствовала временным интервалам других социально-экономических программ региона и страны в целом.

При разработке и реализации РПДР приоритет следует отдавать поддержке семьи, материнства и детства. Это подтверждается и практикой: регионы, в которых этому направлению было придано приоритетное значение, добились больших успехов в своем демографическом развитии относительно регионов, избравших приоритетом демографической политики поддержку и укрепление здоровья населения, сокращения смертности. Безусловно, укрепление здоровья населения, сокращение смертности, особенно смертности населения трудоспособного возраста, рост продолжительности жизни населения также важны, но все же в меньшей степени.

При разработке и реализации РПДР должны быть учтены принципы, сформулированные действующей Концепцией демографической политики:

- комплексность решения демографических задач – мероприятия в этой сфере должны охватывать все направления демографической политики в их взаимосвязи;
- концентрация на приоритетах – выбор по каждому направлению демографического развития наиболее острых вопросов;
- учет особенностей демографического развития региона;
- взаимодействие органов государственной власти друг с другом и с институтами гражданского общества на всех уровнях;

Регионы Дальнего Востока находятся в очень сложном положении: на 36% территории России проживает около 5% всего населения. При этом население сокращается.

Дальневосточный федеральный округ неоднородный с точки зрения убыли населения. В нем можно выделить две группы регионов.

В первой группе наблюдается как естественная убыль населения, так и миграционный отток (например, в Магаданской и Сахалинской областях и Приморском крае). Во второй группе наблюдается естественный прирост, но миграционный отток превышает его, в результате чего численность населения снижается (например, в Чукотском автономном округе, Камчатском крае и Республике Саха (Якутия)).

Социально-демографическая политика в этих регионах должна, кроме общероссийских программ демографической политики, включать весь комплекс мер, направленных на улучшение демографической ситуации, повышение рождаемости, рост числа среднедетных семей, помощь семьям, имеющим детей, снижение смертности во всех возрастах, улучшение качества жизни населения, развитие социальной сферы, улучшение системы здравоохранения и пропаганду здорового образа жизни и самосохранительного поведения, улучшение условий и охраны труда и т.д.

Миграционная политика должна быть дифференцирована в зависимости от конкретных условий. Меры социально-экономической и миграционной политики должны быть направлены, во-первых, на сокращение оттока населения, привлечение и формирование постоянного населения путем развития экономики и социально-экономической сферы, создания рабочих мест и т.д.

Во-вторых, в силу высоких производственных расходов, неблагоприятными условиями труда и жизни, отсутствием достойных льгот и надбавок, компенсирующих комплекс неблагоприятных условий, меры миграционной политики могут быть направлены на развитие различных форм временной миграции (вахтовой, сезонной, отрядной и т.д.).

В-третьих, в некоторых случаях целесообразным является усиление работы по переселению населения из бесперспективных районов с экстремальными и сложными природно-климатическими условиями жизни на территории с более благоприятными природно-климатическими условиями.

Поддержка федерального центра для этих регионов очень необходима, так как их демографи-

ческий потенциал имеет важнейшее геополитическое значение для страны.

Методология разработки регионального прогноза демографического развития с учетом специфики регионов

На всех этапах работы РПДР необходима разработка прогноза демографического развития с учетом специфики регионов. Демографический прогноз – важный этап разработки региональных программ демографического развития, что обусловлено рядом причин. Он представляет собой расчеты численности и возрастно-половой структуры населения, построенные на некоторых гипотезах относительно будущей динамики тех или иных характеристик рождаемости и смертности. На основе этого прогноза и определяются дифференцированные цели и приоритетные направления демографического развития регионов.

Почему демографический прогноз необходим при составлении РПДР?

Во-первых, демографический прогноз, рассчитанный при условии сохранения существующего уровня или тенденций изменения параметров рождаемости, смертности и миграции, позволяет более четко сформулировать цели и задачи РПДР.

Во-вторых, рассчитанный при этих условиях вариант демографического прогноза, впоследствии может служить базой для оценки эффективности проводимой демографической политики, так как позволяет показать, как изменялась бы структура населения при отсутствии специальной региональной демографической политики.

В-третьих, такой прогноз необходим для оценки затрат на различные мероприятия программы с учетом изменения численности различных групп населения.

В-четвертых, расчет демографического прогноза, при условии достижения поставленных в программе целевых ориентиров в отношении рождаемости, смертности и миграции, позволит оценить, какой в этом случае будет динамика численности населения и его половозрастного состава, а стало быть, предусмотреть возможное воздействие изменений в демографической динамике на социально-экономическое развитие, обусловленное реализацией демографической политики.

Необходимо учитывать, что качество прогноза зависит от качества исходных данных, обоснованности гипотез и длительности периода. Региональные различия в этих аспектах весьма ощутимы, по-

этому качество прогноза в разных регионах будет различным.

Демографический прогноз делается с использованием метода «передвижки возрастов», суть которого заключается в том, что население в возрасте n перейдет в возраст $n+1$ не все, так как часть людей умрет в текущем году в возрасте n . Для того, чтобы получить численность людей в возрасте $n+1$ на начало следующего года, нужно численность населения в возрасте n лет на начало текущего года умножить на коэффициент дожития лиц в возрасте n лет до возраста $n+1$ лет, рассчитанный на основе показателя смертности в возрасте n лет в текущем году. Население за год может изменять свою численность в результате миграции. Поэтому к численности людей в возрасте n лет следующего года нужно прибавить сальдо миграции в этом возрасте.

Таким образом, можно получить прогнозную численность населения по всем половозрастным группам, кроме тех, кто к началу прогнозируемого года еще не достиг возраста года, то есть родившихся в предшествующем году. Передвинуть обычным образом это население невозможно, так как на начало предшествующего года его еще не было. Исходя из прогнозируемых возрастных коэффициентов рождаемости и численности женщин репродуктивного возраста, рассчитывается число родившихся, которое, с поправкой на смертность в возрасте до одного года, и определяется как численность населения в возрасте до одного года на начало прогнозируемого периода.

В качестве исходной берется численность населения по полу и возрасту в однолетней возрастной группировке на начало базового (последнего перед прогнозируемым периодом) года, от которого будет строиться прогноз.

Очень важно правильно выбрать перспективные гипотезы в отношении возможных изменений рождаемости, смертности и миграции, потому что от этого зависит степень точности прогноза. Для разработки гипотез необходимо руководствоваться анализом демографических трендов, результатами исследований детерминации демографических процессов в рамках страны и региона и экспертными оценками.

Гипотезы в отношении перспектив рождаемости учитываются в прогнозе через возрастные коэффициенты рождаемости, который могут использоваться как в пятилетней, так и в однолетней возрастной группировке. При их разработке

целесообразно учитывать как возможное изменение уровня рождаемости (через суммарный коэффициент рождаемости), так и трансформацию возрастной модели (через возрастные коэффициенты рождаемости).

Гипотезы в отношении перспектив смертности проявляются через возрастные коэффициенты смертности. Прогнозные возрастные коэффициенты смертности (раздельно для мужчин и женщин) могут, например, быть определены, исходя из сохранения трендов за предшествующие годы. Так как исходя из задач прогноза в данном случае (для расчета затрат на меры демографической политики на ближайшие годы и для оценки ее эффективности) он делается в погодном варианте, то возрастные коэффициенты смертности нужны в однолетней возрастной группировке. Для прогнозных расчетов численности и состава населения используются не возрастные коэффициенты смертности, а рассчитанные на основе таблиц смертности коэффициенты дожития.

Гипотезы в отношении миграции учитываются в прогнозных расчетах через сальдо миграции по половозрастным группам (как в абсолютных, так и в относительных величинах), при этом отдельно численности прибывших и выбывших для прогноза не нужны. По этой причине определение перспективных гипотез миграции может осуществляться либо как раздельное определение будущих тенденций изменения численности прибывших и выбывших с последующим расчетом сальдо миграции, либо сразу как определение будущих тенденций сальдо миграции по половозрастным группам.

Прогноз позволяет определять перспективную общую численность населения, а также численность и долю населения всех половозрастных групп. Кроме показателей численности и состава населения, в прогнозе рассчитываются числа родившихся и умерших, естественный и миграционный прирост населения, как в абсолютной величине, так и на 1000 населения, то есть определяются общие коэффициенты рождаемости, смертности, естественного и миграционного прироста.

Наряду с обычным демографическим прогнозом имеет смысл разрабатывать и нормативный демографический прогноз. Он позволит точнее определить при каких сочетаниях изменений параметров рождаемости, смертности и миграции может быть достигнута общая цель программы де-

мографического развития в отношении динамики численности населения. Таких сочетаний может быть несколько, но не бесконечное множество, ибо даже при максимально возможной эффективной политике в отведенные сроки могут быть достигнуты параметры рождаемости, смертности и миграции лишь в определенных границах. Для включения целевых ориентиров в отношении этих демографических процессов необходимо выбрать одно из сочетаний на основе экспертных оценок, оценок затрат на достижение необходимых параметров рождаемости, смертности, миграции и т.п.

Нормативный прогноз так же, как и обычный, выполняется с использованием метода передвижки возрастов. Расчеты нормативного прогноза должно быть три, в каждом из которых задается целевая динамика общей численности населения, а также целевые параметры двух из трех демографических процессов. В результате прогнозного расчета будут определены те параметры третьего демографического процесса, достижение которых потребуется для целевой динамики численности населения.

Демографическая экспертиза как важный подготовительный этап разработки РПДР

Разработка РПДР и планов мер по ее реализации обязательно в качестве одного из важнейших элементов комплексного исследования демографических проблем должна предусматривать демографическую экспертизу, как на этапе разработки программ, так и в процессе их реализации в виде инструмента оценки их качества и результативности.

Демографическая экспертиза – экспертная оценка специалистами-демографами обоснованности и полноты учета демографических факторов в концептуальных и законодательных документах, в стратегиях и программах, а также оценка возможных последствий принимаемых в социально-экономической сфере решений, которые могут прямо или косвенно повлиять на демографическую ситуацию. При проведении демографической экспертизы оценивается то, как были учтены при подготовке соответствующего документа (документов) демографические особенности региона, тенденции и перспективы воспроизводства населения.

Демографической экспертизе должны подлежать все нормативно-правовые акты по вопросам социально-экономической и демографической по-

литики, учитывающие демографические факторы как при целеполагании, так и при реализации конкретных программ в области социально-экономической политики.

Целью региональной демографической экспертизы является экспертная оценка обоснованности и полноты учета демографических факторов и возможного развития ситуации в концептуальных и законодательных документах, принятых на уровне субъекта РФ, которые могут прямо или косвенно повлиять на демографическую ситуацию.

Оценка результативности уже действующих правовых актов, концептуальных документов и программ помогает:

- определить повлияли ли они и в какой степени на условия воспроизводства населения и факторы демографического развития;
- на основе анализа динамики основных демографических и социально-экономических индикаторов уточнить формулировку проблем, на решение которых направлена региональная демографическая политика, конкретизировать цели и задачи и определить целевые показатели, достижение которых должно стать главным приоритетом;
- уточнить вклад мер, реализуемых на федеральном уровне, в улучшение демографической ситуации на региональном уровне;
- более четко разграничить полномочия в решении перспективных социально-демографических проблем между разными уровнями реализации политики: федеральным, региональным, муниципальным;
- Определить возможные объемы ресурсов, необходимые для реализации планируемых на региональном уровне мер, и их источники.

Демографический анализ федеральных и региональных нормативных актов показывает, что есть первоочередные меры, внедрение которых будет иметь значительный положительный эффект.

Во-первых, необходимо разработать и принять региональные Законы «О гарантиях поддержки семей с детьми», устанавливающие понятную, доступную и реально обеспеченную систему минимальных гарантий государственной и региональной поддержки при рождении и воспитании детей. Эта система должна финансироваться за счет средств региона и социально ответственного бизнеса, осуществляющего свою экономическую деятельность в регионе.

Система гарантий должна включать в себя: пособия, оплачиваемые отпуска, налоговые льготы, жилищные льготы (субсидии и др.), пенсионные льготы, бесплатные и качественные услуги в сфере охраны здоровья матери и ребенка, обеспечение доступности и качественной работы детских дошкольных учреждений, льготы в оплате услуг образования и здравоохранения семьям с детьми и т.п.

Во-вторых, надо разработать соглашение между администрацией субъекта РФ, профсоюзами и организациями, представляющими интересы предпринимателей, о постепенном увеличении минимального размера оплаты труда (МРОТ) вплоть до величины, соответствующей духу и букве ст. 2 Трудового кодекса РФ (то есть до величины, равной сумме прожиточного минимума 1 взрослого и 1 ребенка).

В-третьих, необходимо изучить региональные возможности расширения собираемых органами ЗАГС сведений при регистрации актов гражданского состояния. Принятый в 1997 г. Закон «Об актах гражданского состояния» существенно сократил объем собираемых ЗАГСами сведений при регистрации рождений, смертей, браков и разводов. Для разработки демографической политики и мониторинга положения семей с детьми нужны данные, в частности, о числе рожденных детей по порядку рождения у матери, о социальных характеристиках новобрачных и родителей (образование, занятость, продолжительность проживания в данном месте), о числе детей в распавшихся браках и т.п.

В-четвертых, в целях повышения демографической грамотности чиновников различных уровней органов управления в сфере социально-экономической политики целесообразно подготовить для области квалифицированных демографов и преподавателей демографии, создать на постоянно действующей основе сокращенные учебные курсы переподготовки и повышения квалификации преподавателей, научных и практических работников. Демографические курсы должны быть включены в программы подготовки экономистов, социологов, географов, социальных работников, медиков, архитекторов и т.д.

В-пятых, при администрации региона следует организовать подразделение, ответственное за демографическую экспертизу всех решений, законов, программ, прямо или косвенно влияющих на воспроизводство населения, на положение семей с детьми.

В-шестых, раздел РПДР, посвященный итоговым результатам, необходимо расширить и сделать более четким: убрать общие фразы в описании результатов, скорректировать и расширить систему показателей для более комплексной оценки существующей демографической ситуации; конкретизировать и уточнить цели, которые необходимо достичь в ходе реализации программы.

В-седьмых, для регионов Дальнего Востока очень важны разделы РДПР, направленные на снижение смертности, особенно мужской и повышение миграционной привлекательности региона. Потери населения, связанные с этими аспектами, ведут к снижению численности жителей региона даже при относительно высоком уровне рождаемости.

В-восьмых, нормативная база региона должна быть дополнена документами, регламентирующими мониторинг исполнения программ развития населения. За образец можно взять, например, Постановление Губернатора Владимирской обл. от 30 марта 2005 г. № 179 «О порядке разработки и контроля за реализацией областных целевых программ», Постановление Администрации РО от 22.04.2010 г. № 239 «Об утверждении отчета о ходе работ по Областной целевой программе улучшения демографической ситуации в Ростовской области на 2008–2010 гг. по результатам за 2009 г.», Постановление Сахалинской областной Думы от 05.03.2009 № 2/4/96–5 «Об отчете контрольно-счетной палаты Сахалинской области о результатах проверки по вопросу «Эффективность использования средств областного бюджета за 2007 г. и истекший период 2008 г. на реализацию мероприятий областной целевой программы «Охрана материнства и детства на 2007–2010 гг.». Это позволит контролировать достижение требуемых значений целевых индикаторов и расходования средств в течение всего срока действия программы.

В-девятых, совершенствование концепции РПДР должно касаться, в первую очередь, отказа от большого числа региональных программ в пользу двух комплексных документов Концепции и Программы, учитывающих все аспекты демографического развития региона, в которых будут четко прописаны целевые показатели, достижимые за период действия этих документов. Цели этих документов должны быть прописаны четко и исключать двойное толкование.

Систему показателей РПДР следует дополнить специальными показателями, такими, как суммарный коэффициент рождаемости, возрастные коэффициенты рождаемости и смертности, специальный коэффициент рождаемости и брачности и другими.

В административных центрах субъектов РФ, где проживает от трети до половины численности населения региона (например, г. Хабаровск), следует разрабатывать собственные программы демографической политики на основе региональной Концепции и Программы с учетом специфик конкретных тенденций и динамики демографических процессов. В муниципальных образованиях с меньшей численностью населения целесообразно разрабатывать программы и/или планы демографического развития, сопряженные с общей Концепцией демографического развития субъекта РФ.

Такой подход позволит упростить процесс разработки РПДР и анализ полученных результатов и сделает расходование бюджетных средств более прозрачным и эффективным.

Методологические подходы к оценке эффективности реализации РПДР

Вопросы об эффективности (какие изменения являются непосредственными результатами политики) демографической политики и возможности управления демографическим поведением через социально-экономические факторы до сих пор остаются открытыми.

Критерии и методы оценки эффективности мер РПДР должны обеспечивать возможность доказательного выявления причинно-следственной связи между реализуемыми мерами (и соответствующими затратами) и полученными результатами (конкретными изменениями в демографической ситуации). Необходимо аргументировано показать, что наблюдаемое изменение демографической ситуации есть непосредственный результат принятых мер, а не следствие влияния других условий и факторов. При принятии комплекса мер, задача усложняется, так как необходимо оценить вклад каждой меры в достижение совокупного результата, что не всегда представляется методически и технически возможным.

Критерии и методы оценки эффективности мер РПДР должны обеспечивать возможность сопоставления разных вариантов достижения поставленной цели посредством реализации разных мер и выбора более эффективного вари-

анта (например, достижение аналогичного результата при меньших затратах или в более короткие сроки).

Разрабатываемые и предлагаемые для оценки демографической политики критерии должны обеспечивать возможность оценки мер РДПР как на стадии их разработки (оценка запланированных и ожидаемых результатов), так и на стадии оценки этапов реализуемых и завершенных РДПР (оценка не только прямых и ожидаемых результатов, но и косвенных результатов и последствий).

Реализация мер по улучшению демографической ситуации подразумевает воздействие на демографическое поведение населения, поэтому оценка эффективности этих мер должна учитывать как степень влияния мер на изменение условий для реализации имеющихся демографических потребностей, установок и социальных норм, так и степень их влияния на изменение собственно потребностей, установок и норм (эти меры могут носить более устойчивый характер, поэтому оцениваться как более эффективные).

В основу методологии выявления и выбора признаков, которые используются в качестве критериев, могут быть положены различные интересы и потребности разного уровня, удовлетворяемые при проведении демографической политики:

а) *по сфере выявления результатов* – демографические, экономические, геополитические, социальные, этно-культурные, гендерные, экологические и т.п.;

б) *по срокам достижения целей и реализации мер* – ближайшие, краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные;

в) *по виду интересов* – государственные, общественные, групповые, семейные, личные;

г) *по территориальному масштабу реализации программ и конкретных мер* – федеральные, региональные, местные.

Оценивать меры демографической политики следует комплексно, то есть необходимо оценивать не только собственно демографические результаты (изменений в демографической ситуации), но и экономические, геополитические, социальные и иные результаты и последствия реали-

зации мер РДПР. Разработка критериев и методов оценки эффективности РДПР при этом не сводится к сугубо процедурным, техническим аспектам решения проблемы. Необходимо учитывать более общие условия проведения демографической политики как части социальной политики, конкретно-исторический опыт и определенные ограничения (правовые, этические, этно-культурные и т.п.), которые определяют границы и возможности влияния на демографическое поведение населения в целом и отдельных социально-демографических групп.

Для оценки эффективности мер по улучшению демографической ситуации могут быть использованы различные критерии, но, ни один из имеющихся критериев не может быть единственным. Необходимо выработать и использовать на практике систему критериев, которая позволяла бы оценивать эффективность с позиций разных критериев. *Например: с учетом экономического критерия более эффективным (выгодным) может считаться вариант мер, обеспечивающий достижение аналогичного результата при меньших затратах, в то же время с учетом временного критерия более эффективным (предпочтительным) может считаться вариант мер, обеспечивающий достижение аналогичного результата в более короткие сроки.*

Использование при оценке эффективности демографической политики системы критериев предполагает решение вопроса о приоритетности отобранных критериев, то есть, какие критерии будут выбраны как более приоритетные при оценке конкретных программ и комплексов мер РДПР (демографические или экономические, краткосрочные или долгосрочные и т.п.).

Следует также иметь в виду, что при принятии решений о приоритетах при выборе критериев для оценки эффективности демографической политики могут приниматься во внимание и более высокие приоритеты (вне демографической системы, и даже вне системы население-экономика). Более приоритетными по отношению к уже рассмотренным, могут выступать следующие критерии: национальной безопасности, сохранения государственности и территориальной целостности, устойчивого развития, суверенитета семьи.

*****

1. Архангельский В. Н., Зверева Н. В. Теоретические основы мониторинга региональной социально-демографической политики. – М.: МАКС Пресс, 2009.

2. Архангельский В. А., Елизаров В. В. и др. Демографическое поведение и его детерминация. – М., ТЕИС, 2005.

3. Бобков В.Н. Влияние экономической активности и уровня жизни населения на рождаемость в современной России//Уровень жизни населения регионов России, 2011, № 8.
4. Вопросы организации государственной социальной поддержки различным типам семей с детьми: Результаты исслед. проекта/В.В. Елизаров, Е.Н. Феоктистова, Г.И. Климантова и др.; Ред. совет.: М.В. Гордеева и др.; М-во труда и социал. Развития РФ, Департамент по делам детей, женщин и семьи; Рос. Фонд социал. реформ. – М.: Просвещение, 2003.
5. Демографическая политика: оценка эффективности. – М., 2008.
6. Демографическая ситуация и демографическая политика в Липецкой области. – Липецк, 2006.
7. Демографические процессы в России XXI века. Под ред. проф. А.И. Антонова. – М.: ИД «Грааль», 2002.
8. Демографический фактор в социально-экономическом развитии региона (на примере Пермской области). Научно-практическое пособие/Под. ред. проф. В.А. Ионцева. – М.: ТЕИС, 2004.
9. Демографический фактор в социально-экономическом развитии Липецкой области. Материалы международной научно-практической конференции 12–13 декабря 2006 г. Липецк.
10. Демография и социология. Выпуск 12. Демографическая политика: региональный аспект. – М.: ИСЭПН РАН, 1995. *Государственные пособия гражданам, имеющим детей*: нормативные правовые акты. – М.: Просвещение, 2003.
11. Демографическая и семейная политика. Сб.статей/Под ред. Елизарова В.В., Джанаевой Н.Г. (Серия «Демографические исследования». Вып. 15). – М.: МАКС Пресс, 2008.
12. Демографическая модернизация России, 1900–2000. Под ред А.Г. Вишневого. – М., 2005.
13. Демографическая политика России: от размышлений к действиям. Представительство ООН в РФ. – М., 2008. Рук.группы экспертов Елизаров В.В. – В соавторстве с Архангельским В.Н., Ивановой А.Е. и др.
14. Демографические перспективы России. Под ред. акад.Осипова Г.В. и проф. Рязанцева С.В. – М.: Экон-Информ, 2008.
15. Демографический понятийный словарь. Под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М., 2003.
16. Демография и социально-экономические проблемы народонаселения: Информ.-библиограф. бюллетень. Вып. 12. Под ред. Елизарова В.В., Ротовой Р.С., Троицкой И.А. – М.: МАКС Пресс, 2011.
17. Дети в России. Стат.сборник. – Росстат-ЮНИСЕФ, 2009.
18. Джанаева Н.Г., Елизаров В.В. Демографическая экспертиза региональных правовых документов и программ//Демографическое развитие России: проблемы и перспективы: Материалы науч. Конф. «Ломоносовские чтения 2007». – М.: МАКС Пресс, 2007.
19. Елизаров В.В. Программы развития населения: условия и механизмы функционирования//Демография и социология. Выпуск 12. Демографическая политика: региональный аспект. – М.: ИСЭПН РАН, 1995.
20. Методические рекомендации по разработке региональных программ развития народонаселения. – М.: Государственный комитет СССР по труду и социальным вопросам, 1988.
21. Молодежь в России. Стат. сборник. Росстат-ЮНИСЕФ, 2010.
22. О положении детей в Российской Федерации. Ежегодный государственный доклад. 2008 год. Официальное издание. – М., 2009.
23. О положении семей в Российской Федерации. – М., 2008.
24. Пути развития и совершенствования демографической политики в Липецкой области//Доклад о демографической ситуации в Липецкой области. – Липецк, 2006.
25. Рекомендации по разработке региональных демографических программ. – М., 2007.
26. Рыбаковский Л.Л. Программа действий по улучшению демографической ситуации. – М., 2006.
27. Семейные пособия: международные нормы и зарубежный опыт. – М.: Просвещение. 2003.
28. Целевые программы развития регионов: рекомендации по совершенствованию разработки, финансирования и реализации. Серия «Библиотека местного самоуправления». Выпуск 20. – М.: Московский общественный научный фонд; Институт макроэкономических исследований, 2000.
29. Экономика народонаселения: Учебник/Под ред. проф. В.А. Ионцева. – М.: ИНФРА-М, 2007.
30. www.gks.ru
31. www.minzdravsoc.ru
32. www.rost.ru
33. www.fss.ru
34. www.demoscope.ru

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ И ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В РЕГИОНАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ¹

Мотрич Е.Л., Найден С.Н.

В статье рассматривается динамика доходов и уровня жизни населения Дальнего Востока. Анализируются параметры распространения и развития отраслей социальной инфраструктуры в субъектах Дальневосточного федерального округа. Выполнена оценка возможностей и доступности приобретения жилья для дальневосточников в зависимости от уровня сложившихся доходов.

Ключевые слова: миграция, доходы населения, уровень жизни, социальная сфера, доступность жилья.

Дальневосточный федеральный округ по основным параметрам социального потенциала (качеству жизни и развитости социальной инфраструктуры) может быть охарактеризован как регион значительных контрастов, объективно связанных с различной степенью освоенности территории, размещением и плотностью населенных пунктов, сложившимися транспортными связями, что оказывает существенное влияние на доступность и качество услуг социальной сферы. Система поселений Дальнего Востока связана с основной полосой расселения лишь в южной части, где главные опорные центры и сеть поселений вокруг них связаны Транссибирской магистралью и сетью региональных автодорог, вдоль БАМа формирование связного каркаса населенных мест так и не получило должного развития. Для системы расселения характерна крайне низкая плотность населения в целом (на 1/3 части территории страны проживает всего 5% населения, что в 7,5 раза ниже, чем в среднем по России). Ярко выражены пространственные диспропорции в плотности населения: в южной части Приморья она приближается к значению 20 чел./км², а в сельской местности превышает отметку 1 чел./км² только там, где природные условия позволяют заниматься земледелием – южные низменные территории, долинные комплексы и межгорные котловины. Повышена роль крупных городов как опорных элементов системы расселения (в них концентрируется до 80% населения), среди которых выделяются крупнейшие агломерации – Владивостокская и Хабаровская. Несмотря на то, что население в основном сосредоточено в городах и крупных поселках, каждый четвертый житель Дальнего Востока проживает в труднодоступных, разбросанных на большие расстояния, локальных поселениях, не связанных

с «Большой землей», для которых действует ограничение по срокам завоза товаров, особенно это характерно для Магаданской области, Камчатского края, Чукотского АО и Республики Саха (Якутия). Гигантские расстояния и суровые природные условия предопределяют необходимость развития основных элементов социальной инфраструктуры в каждой изолированной локальной системе расселения, несмотря на небольшую численность жителей, что естественно формирует специфические обязательства со стороны государства по поддержке привлекательной среды обитания.

Дальний Восток вступил с начала XXI столетия в период критического демографического развития, когда численность населения стала уменьшаться темпами, превосходящими среднероссийские показатели. В Дальневосточном федеральном округе (ДФО) численность населения за 1989–2011 гг. уменьшилась на 21,2%, то есть ДФО потерял каждого пятого жителя, в то время как в России за тот же промежуток времени количество проживающих уменьшилось всего на 2,7%. 2011 г. в целом для России ознаменовался позитивными изменениями тренда демографического развития, когда общая численность населения к началу 2012 г. увеличилась на 191 тыс. чел. Дальний Восток, к сожалению, остался в числе территорий, интенсивно теряющих население. Анализируя динамику численности населения, прослеживается очевидная картина: самые высокие потери несут северные районы ДФО (на 65,9% сократилась численность населения на Чукотке, на 59,8% – в Магаданской области, на 32,3% – на Камчатке, на 31,0% – на Сахалине). В Приморском и Хабаровском краях темпы сокращения численности населения были более замедленными по сравнению с аналогичными показателями в целом по ДФО. Однако в 2011 г.

¹ Статья подготовлена при поддержке проектов ДВО РАН: 12–1–ПЗ1–03 «Взаимодействие экономических макрорегионов в процессе модернизации России: Дальний Восток»; 12–1–ООН–01 «Модернизационный вектор стратегии экономической безопасности российского Дальнего Востока»; 12–1–ПЗ5–01 «Экономика науки и образования: Дальний Восток России».

наибольшую потерю населения понесла Амурская область [1].

Дальний Восток, к сожалению, превратился в зону сплошного миграционного оттока и самым интенсивным образом задействован в западном миграционном дрейфе [2, с. 134–136]. В 2010 г. превышение выбывших в другие районы России над прибывшими составило в Дальневосточном регионе 89,5%. Почти три четверти (72,5%) дальневосточников в миграционном обмене с федеральными округами России в 2010 г. выехали в европейские районы страны. Одним из основных движущих мотивов отъезда стал недостаточный уровень доходов и низкий уровень комфортности проживания в регионе.

Заработная плата остается основным источником формирования доходов населения дальневосточных районов страны, а в автономных округах на Камчатке и Чукотке ее доля в доходах трудоспособного населения достигает 80%. Однако, несмотря на в целом положительные тенденции темпа роста, за период 1995–2011 гг., номинальная заработная плата в экономике ДФО выросла только в 35 раз, в то время как в среднем по России – в 50 раз. Если в середине 1990-х гг. оплата труда дальневосточников по номиналу (за счет соответствующих надбавок и коэффициентов, компенсирующих удаленность и природно-климатические условия жизни) превышала среднероссийский уровень на 70%, то теперь преимущество сократилось всего до 20%. За счет более высокой стоимости жизни стремительно отстает рост реальной

заработной платы, которая за тот же период увеличилась в ДФО всего в 2,9 раза, в то время как по стране в целом – в 3,9 раза [3, с. 165–166; 4, с. 39–40].

Недостаточный уровень социально-экономического развития субъектов, неразвитость производственной и финансовой инфраструктуры, сравнительно низкий уровень развития предпринимательской деятельности объективно ограничивают возможности получения населением альтернативных видов доходов [5, с. 611–615]. Если в 1995 г. среднедушевые денежные доходы населения на Дальнем Востоке превышали среднероссийский уровень примерно на 24,1%, что было связано с высокими номинальными доходами в районах Крайнего Севера, то после дефолта 1998 г. эта разница сократилась и до настоящего времени не превышает 10% (1999–2011 гг.) [4, с. 38]. В результате повышенной стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг в первую двадцатку самых дорогих регионов страны попадают все дальневосточные субъекты. Лидирующие позиции занимает Чукотский автономный округ, где стоимость потребительского набора почти в 2 раза выше, чем в среднем по России. Необходимо отметить, что, начиная с 2003 г., в большинстве субъектов ДФО цены на продовольственные товары росли со скоростью выше средней по стране.

Следовательно, иллюзия номинального роста оборачивается снижением реальных доходов населения Дальнего Востока. В результате покупа-

Таблица 1

**Покупательная способность доходов, заработной платы и пенсий
в регионах Дальнего Востока, %**

Регионы	Соотношение с величиной прожиточного минимума			
	среднедушевых доходов		среднемесячной пенсии	
	1995	2010	1995	2010
Республика Саха (Якутия)	152	252	74	113
Камчатский край	163	220	71	100
Приморский край	181	254	69	115
Хабаровский край	149	252	75	103
Амурская область	140	192	78	107
Магаданская область	159	289	82	132
Сахалинская область	169	337	64	114
Еврейская автономная область	137	217	72	110
Чукотский автономный округ	121	301	76	124
Российская Федерация	156	329	55	134

Источник: [1; 4, с. 39–40; 6, с. 148–149, 166–167].

тельная способность среднедушевых доходов населения Дальнего Востока оказывается ниже, чем в среднем по России (табл. 1).

Как следствие, регион отличается повышенной долей населения с доходами ниже прожиточного минимума. Каждый четвертый житель Камчатского края (включая Корякский АО) и Амурской области, а также каждый пятый Республики Саха (Якутия), Приморского края и Еврейской автономной области имеет доход ниже величины прожиточного минимума. Для сравнения в среднем по России бедным является лишь каждый восьмой [7, с. 59–60]. Высокая стоимость прожиточного минимума, сложившаяся в восточных регионах страны, наиболее болезненно отражается на бедных слоях населения, в частности, на пенсионерах, средний размер пенсии которых ни в одном из субъектов ДФО на протяжении 1995–2008 гг. не превышал установленный прожиточный минимум [6, с. 152–153, 166]. Это существенная проблема, особенно для северных территорий, где пенсионеры в силу природных условий лишены возможности поддерживать уровень жизни за счет приусадебных и дачных участков. Только в 2009–2011 гг. в результате существенной индексации выплат из Пенсионного фонда РФ размер среднемесячных пенсий дальневосточников превысил или сравнялся с минимальной стоимостью жизни. Таким образом, существующий уровень доходов населения в дальневосточном регионе является поляризующим компонентом и все сильнее влияет на другие характеристики качества жизни.

Скорость сворачивания сети социальных учреждений на Дальнем Востоке в период 1990-х гг. оказалась выше, чем в других регионах страны во многом из-за использования коммерческих критериев эффективности развития и функционирования элементов этой сети.

Количество детских садов и яслей в регионах Дальнего Востока, по сравнению с 1990 г., сократилось более чем в 2–3 раза, при этом в Магаданской области – в 4,2, а на Чукотке – в 5,2 раза (для сравнения по стране в целом этот показатель составил 1,9) [3, с. 208; 6, с. 212–215]. Такое сокращение детских учреждений было связано не только с естественным сокращением населения в результате миграционного оттока, но и с активной политикой «избавления» ведомств от непрофильных видов деятельности, находящихся на балансе промышленных предприятий, а также в связи с отсутстви-

ем у местных бюджетов средств на содержание дошкольных учреждений.

По охвату детей соответствующего возраста дошкольными учреждениями все территории Дальнего Востока соответствует среднероссийскому уровню. Традиционно лидерство сохраняют Чукотка и Магаданская область, где более 75% детей посещают подобные учреждения. К сожалению, данные показатели не отражают реальное положение вещей, поскольку сглаживают и усредняют обеспеченность по отдельным муниципальным образованиям. В действительности, в крупных городах и областных центрах существует острый дефицит на места в учреждениях дошкольного воспитания, что связано с ростом рождаемости в последние годы и о чем свидетельствуют очереди, регистрируемые в муниципальных органах образования.

Ситуация усугубляется тем, что за период 1995–2010 гг. во всех субъектах ДФО было введено в строй менее 8000 мест для дошкольного воспитания (для сравнения только за 5 лет с 1990 г. по 1994 г. в регионе было введено в 4,4 раза больше). Из них 55% – это вклад Республики Саха (Якутия), которая ежегодно производит наращивание дошкольного фонда. При этом за 15 последних лет в Магаданской области не было введено в строй ни одного детского сада, в Чукотском АО, Еврейской автономной области, на Камчатке и в Корякском АО – по одному (табл. 2).

Всеобщее обязательное образование предполагает полную обеспеченность соответствующей инфраструктурой. Сокращение общей численности населения в северных регионах Дальнего Востока, закрытие приисков и фактическое исчезновение населенных пунктов привело к двукратному сокращению числа школ в Магаданской области и Чукотском АО (2010 г. к 1990 г.). Примерно на 30% сократилось число школ в Амурской области и Еврейской автономной области, где обезлюдели поселки вдоль железнодорожной магистрали БАМ. Несмотря на ввод в действие за период 2000–2010 гг. общеобразовательных школ на 54,2 тыс. ученических мест во всех субъектах Дальнего Востока доля учащихся во вторую и третью смену (за исключением Чукотского АО) превышает среднероссийский показатель [6, с. 226–227]. Продолжается закрытие малокомплектных, в основном сельских школ, ради повышения эффективности учебного процесса (по идеологии национального проекта «Образование») на территориях, испытывающих отток населения, что ускоряет процесс

Таблица 2

Ввод в действие образовательных учреждений за период, мест

Регионы	Дошкольные				Общеобразовательные			
	1990–1994	1995–1999	2000–2004	2005–2010	1990–1994	1995–1999	2000–2004	2005–2010
Республика Саха (Якутия)	6087	1382	1320	1670	21 763	13 558	15 323	14 834
Камчатский край	1825	–	–	490	2532	1554	168	637
Приморский край	7265	–	140	260	16 993	6248	878	1016
Хабаровский край	5135	140	76	50	11 937	6457	6762	1103
Амурская область	7420	827	97	219	13 843	5289	4188	1870
Магаданская область	1340	–	–	–	692	120	–	360
Сахалинская область	4000	50	–	830	10 404	2195	250	2428
Еврейская АО	820	190	–	80	1692	–	–	500
Чукотский АО	500	–	–	90	1254	600	680	3164
ДФО	34 392	2589	1633	3689	81 110	36 021	28 249	25 912

Источник: [1; 6, с. 636–639].

самоликвидации мелких населенных пунктов на этих, и без того редко заселенных, территориях.

Система начального профессионального образования за последние 20 лет сократилась на 25%. Изначально эти образовательные учреждения были нераздельно связаны с предприятиями и находились в ведении различных отраслевых министерств и ведомств, особенно в части технологического и кадрового обеспечения учебной базы. Наиболее сильно пострадали Хабаровский край и Еврейская автономная область, где закрытие предприятий привело к двукратному уменьшению числа ПТУ. Система среднего специального и высшего профессионального образования в регионах Дальнего Востока не испытали на себе такого падения, скорее наоборот. Доступность получения средней и высшей профессиональной квалификации за последние годы выросла. Число вузов выросло вдвое, а численность студентов – в 2,5 раза. Это произошло, во-первых, за счет открытия передовыми вузами европейской части страны своих представительств в регионах, во-вторых, путем создания негосударственных вузов и, в-третьих, в результате преобразования части филиалов в самостоятельные высшие учебные заведения. Однако профессионально-квалификационный состав выпускаемых специалистов учреждениями начального, среднего и высшего профессионального образования не отвечает социально-экономическим потребностям регионов Дальнего Востока. Особенно остро не хватает рабочих высокой квалификации для промышленных и строительных организаций, врачей-специалистов, а также инженеров различных технических специальностей.

Специфической проблемой Дальнего Востока, особенно его северных регионов, стала своеобразная автономизация образовательной среды, когда в связи с удорожанием жизни выпускники школ вынуждены выбирать учебные заведения внутри своих регионов, что существенно сокращает возможности для реализации своих творческих и образовательных амбиций [8, с. 441].

Одними из ключевых позиций, характеризующих социальный потенциал, являются доступность и уровень развития здравоохранения в регионе. В отличие от образования, ориентированного на молодежь, доступное бесплатное здравоохранение гарантировано Конституцией РФ для всех жителей без исключения. Основные показатели обеспеченности медицинскими услугами в регионе традиционно лучше средних параметров по стране, поскольку необходимо содержать разветвленную сеть медицинских учреждений во многих удаленных городах и поселках. Тем не менее, возможности стационарного лечения для населения Дальнего Востока за годы реформ снизились. Если в 1990 г. на 10 тыс. населения всего региона приходилось 148 больничных коек (в среднем по России – 137), то к 2010 г. этот показатель сократился на 25% и составил 108,8 (в среднем по России – 93,7). Высокий уровень обеспеченности больничными койками сохраняют практически все северо-восточные субъекты ДФО: Чукотский автономный округ (171,2), Магаданская (148,8) и Сахалинская (142,2) области, что связано, в том числе с миграционным оттоком населения с этих территорий в период реформ [6, с. 290–291]. При этом самый низкий уровень обеспеченности

населения больничными местами зафиксирован в южной зоне Дальнего Востока Приморском и Хабаровском краях, где сконцентрировано основное население региона.

В то же время материально-техническая база системы здравоохранения в субъектах ДФО остается сложной. Сложившаяся в 1980-х – начале 1990-х гг. норма ежегодного ввода в строй объектов здравоохранения на уровне не менее 15–16 койко-мест на 100 тыс. человек сократилась к 2009 г. практически втрое и составила всего 5,6 койко-места. За 2000–2010 гг. в строй было введено 5470 больничных койки, 45% из которых на территории Республики Саха (Якутия), 1/5 часть – в Хабаровском крае за счет политики «продавливания» инвестиционных проектов при формировании федерального бюджета и за счет возможностей региональных бюджетов (табл. 3).

На остальных территориях отмечены единичные случаи ввода в строй незначительных по масштабу объектов здравоохранения. На территории Чукотского АО с 1994 г. по 2003 г., а в Магаданской области с 1997 г. по 2009 г. строительство медицинских учреждений не велось вообще, и только в 2010 г. состоялся ввод больницы на 118 мест. В результате материально-технический потенциал здравоохранения в большинстве дальневосточных регионов сильно изношен и нуждается в значительном обновлении.

Обеспеченность врачами на 10 тыс. населения в регионе объективно лучше, чем по стране в целом: Чукотский автономный округ – 76,7 специалистов высшей медицинской квалификации на 10 тыс. жителей, что в 1,5 раза выше, чем в РФ. В Амурской области, Хабаровском крае, Респу-

блике Саха (Якутии) превышение составляет 10–15% от среднероссийского. Однако в ряде регионов существует проблема кадрового обеспечения врачами наиболее дефицитных специализаций: в Еврейской автономной области (уровень обеспеченности всего 35,4 чел. на 10 тыс. населения против 50,1 в среднем по стране), в Камчатском крае (49,4), в Сахалинской области (49,1) [9, с. 300–301]. К сожалению, официально публикуемая информация по обеспеченности населения медицинскими кадрами и услугами в разрезе субъектов РФ не позволяет увидеть реальную ситуацию. В условиях реформы здравоохранения рост обеспеченности внутри субъектов РФ происходит на фоне перераспределения медицинского персонала и укомплектованности медицинских учреждений из малых и неперспективных муниципальных образований в сторону более крупных и развитых населенных пунктов. Для населения малых поселений это становится катастрофой, существенно снижающей качество жизни.

Несмотря на то, что период 2000-х гг. ознаменовался постепенным возвратом большей части территорий в двадцатку лидеров по обеспеченности медицинским персоналом за счет сокращения численности местного населения, этого нельзя сказать про уровень доступности медицинских услуг. Внедрение рыночных механизмов в систему здравоохранения и расширение перечня платных услуг при низком уровне доходов населения, особенно в периоды нетрудоспособности, существенно ограничило возможности профилактики и восстановления здоровья дальневосточников. Одновременно продолжается не учитываемое официальной статистикой социальное расслоение внутри регио-

Таблица 3

Ввод в действие больничных учреждений за период, койко-мест

Регионы	1990–1994	1995–1999	2000–2004	2005–2010
Республика Саха (Якутия)	1226	1004	1526	939
Камчатский край	142	53	40	134
Приморский край	474	878	115	90
Хабаровский край	906	486	488	672
Амурская область	1265	1258	419	110
Магаданская область	50	195	–	181
Сахалинская область	444	170	54	347
Еврейская АО	–	96	50	147
Чукотский АО	150	–	–	158
Дальневосточный федеральный округ	4607	4140	2692	2778

Источник: [1; 6, с. 640–641].

нов, когда растёт обеспеченность медицинскими услугами в крупных и центральных населенных пунктах за счет деградации малых и неперспективных поселений.

Обеспеченность населения жильем по субъектам Дальнего Востока в среднем находится на уровне 21 м²/чел., что традиционно ниже, чем в среднем по России (22,4 м²/чел.). Исключение составляют: Чукотский АО (31,5 м²/чел.) и Магаданская область (27,5 м²/чел.), которые в основном испытали миграционный отток населения при практически полном отсутствии жилищного строительства. В целом рост жилищной обеспеченности происходит не за счет нового строительства, объемы которого на Дальнем Востоке упали, начиная с 1998 г. почти в 5 раз по отношению к уровню 1990 г. (по России только в 2 раза за тот же период), а в результате миграционного оттока и сокращения численности постоянно проживающего населения.

По вводу жилья Дальний Восток стабильно занимает последнее место среди федеральных округов. Несмотря на то, что восточные территории в целом повторяют общероссийскую тенденцию по темпам ввода жилья к уровню 1990 г., с каждым годом увеличивается разрыв между этими трендами. Если в 1995 г. в целом по стране ввод жилья от уровня 1990 г. составил 66%, то на Дальнем Востоке – всего 42% (в 1,4 раза меньше). К 2008 г. в целом по России был превышен рубеж 1990 г. (103,8%), в то время как дальневосточниками было введено в строй жилья в 2,7 раза меньше от достигнутого в 1990 г. С 1997 по 2010 гг. в ДФО в эксплуатацию ежегодно вводилось не более 0,25 м²/чел. общей площади в год, только в 2011 г. дальневосточные строители достигли рубежа 0,3 м²/чел., что почти в 1,5 раза ниже, чем в среднем по России [1; 6, с. 626–627]. При этом для нормального воспроизводства и обновления жилищного фонда требуется ввод не менее 1 м²/чел. в год.

В результате значительного отставания темпов обновления жилищный фонд субъектов ДФО теряет свои потребительские качества. По данным статистики, более 6% жилого фонда в городах и населенных пунктах Дальнего Востока находится в ветхом (4,8%) и аварийном (1,5%) состоянии, в то время как по России в целом этот показатель едва превышает 3% [1; 6, с. 198–201]. За 10 лет

доля аварийного фонда в дальневосточном регионе увеличилась в 2 раза (!). Высокая доля ветхого и аварийного жилья сосредоточена в Республике Саха (Якутия) (15,1%), Магаданской области (11,1%), Сахалинской и Амурской областях (9,9% и 9,1% соответственно), что существенно ухудшает условия комфортного проживания и создает дополнительную финансовую нагрузку, как для бюджетов домашних хозяйств, так и для местных и региональных органов власти, которые вынуждены принимать экстренные меры по поддержанию жилого фонда в функциональном состоянии. Практически по всем территориям ДФО РФ наблюдается увеличение площади жилья, требующего капитального ремонта и восстановления, что является следствием низких темпов обновления жилого фонда.

Степень распространения коммунальных услуг по Дальнему Востоку в целом находится на среднероссийском уровне – примерно 70,7%. Это означает, что практически в каждом третьем жилье отсутствует хотя бы один вид благоустройства, при этом большое количество малых поселений и жилищ не имеет систем коммунального обслуживания вовсе. На севере региона, где в основном сосредоточены сельские населенные пункты, распространены автономные системы теплоснабжения и практически отсутствует централизованное водоснабжение. Только в 5 из 9 регионов водопроводом, канализацией и центральным отоплением оборудовано более 80% жилищного фонда. По территориям самая низкая степень благоустройства жилья в Республике Саха (Якутия), Амурской области и Еврейской автономной области (менее 65%). Для них характерна более высокая доля негородского жилищного фонда с частичным благоустройством. Услуги газоснабжения распространены только в 6 из 9 субъектах ДФО РФ (газом в среднем обеспечено менее 30% жилья в регионе), в основном в южных регионах: Еврейской автономной области (77%) и Хабаровском крае (65,3%) [6, с. 200–201].

Одним из важных показателей жилищной обеспеченности остается возможность для жителей Дальнего Востока приобретать жилье на имеющиеся у них доходы, что характеризуется коэффициентом доступности жилья², который показывает, сколько лет потребуется семье дальневосточни-

² Коэффициент доступности жилья рассчитывается как отношение сложившейся на рынке конкретного региона стоимости стандартной квартиры (общей площадью 54 м²) к среднему годовому доходу семьи из трёх человек за вычетом годовых текущих расходов на все потребности семьи (прожиточного минимума).

ков для приобретения жилья при существующем уровне дохода.

Минимальная продолжительность накопительного периода для покупки семьей из трех человек квартиры общей площадью 54 м² в 2007–2011 гг. сложилась на рынках в Магаданской области и составила менее 3-х лет, что в 2 с лишним раза быстрее, чем по стране в целом. Это связано, прежде всего, с постоянным потоком предложения квартир на продажу в связи с миграцией жителей области в другие регионы страны при минимальных объемах нового жилищного строительства. Среднестатистическая семья из Амурской области сможет приобрести квартиру в новостройке примерно через 9,5 лет, а на вторичном рынке – через 8, а в Приморском крае, наоборот, покупка квартиры на первичном рынке будет доступна семье через 8,2 года, а на вторичном – только через 9,3, что обусловлено высокой стоимостью строительно-монтажных работ при сравнительно низких доходах населения. На остальных территориях срок накопления необходимых средств на покупку жилья составит в среднем 5–6 лет. Однако, условные расчеты скрывают реальную недоступность улучшения своих жилищных условий для той части дальневосточников, которые живут на грани бедности, включая как представителей старшего поколения, пенсия которых варьирует в пределах прожиточного минимума, так и молодежи, доходы которых еще далеки до среднедушевых.

Говоря о доступности жилья необходимо учитывать не только возможность его свободного приобретения для последующего проживания, но и необходимость содержания и обслуживания этого жилья, неся соответствующие затраты, к которым относятся текущий ремонт, различные виды страхования, оплата коммунальных услуг и прочее. Для дальневосточников плата за стандартную квартиру превышает среднероссийский уровень

примерно в 1,5–2 раза. Объективно высокая стоимость услуг в городах и районах Дальнего Востока обусловлена особенностями климата и повышенной потребностью в тепле и электроэнергии, которые составляют значительную долю в структуре потребляемых услуг.

Таким образом, несмотря на кажущуюся близость среднестатистических показателей, характеризующих социальный потенциал дальневосточного региона, к среднероссийскому уровню, внутрирегиональные параметры уровня жизни и обеспеченности социальной инфраструктурой существенно различаются по отдельным территориям и населенным пунктам и весьма далеки от оптимальных в силу следующих причин.

«Во-первых, Дальний Восток не обладает к настоящему времени в социальной сфере потенциалом, достаточным для того, чтобы претендовать на формирование отличных от среднероссийских тенденций в области темпов и качества экономического роста. Во-вторых, регион фактически не обладает потенциалом для формирования ресурсов труда высокого качества для изменения структуры и стоимостных характеристик регионального воспроизводства» [10, с. 174]. В результате объективных пространственных и социально-экономических факторов экономического развития доступность отдельных услуг социальной сферы существенно ограничена для каждого четвертого дальневосточника.

Следовательно, для преодоления сложившейся ситуации и осуществления любой стратегии развития Дальнего Востока, особенно основанной на инновационных подходах, возникает настоятельная потребность в реализации специальной программы по формированию социального потенциала, достаточного по объему и качеству для достижения поставленной цели.

*****

1. Центральная база статистических данных. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ/Электронный ресурс. Режим доступа. <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/>

2. Мотрич Е. Л., Найден С. Н. Влияние социально-демографической ситуации на трудовую миграцию//Проблемы прогнозирования. – 2009, № 5.

3. Российский статистический ежегодник. 2011: Стат. сб./Росстат. – М., 2011.

4. Основные показатели социально-экономического положения регионов ДФО в январе-декабре 2011 года,

1 часть: Стат. бюлл./Терр. орган ФСГС по Хабаровскому краю – г. Хабаровск, 2012.

5. Минакир П. А. Экономика Регионов. Дальний Восток/Отв. ред. А. Г. Гранберг. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006.

6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб./Росстат. – М., 2011.

7. Мотрич Е. Л., Найден С. Н. Население и социальное развитие российского Дальнего Востока//Пространственная экономика. – 2009, № 2.

8. Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогно-

зирование регионального развития/под ред. П.А. Минакира; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: ДВО РАН, 2010.

9. Здравоохранение в России. 2011: Стат.сб./Росстат. – М., 2011. 326 с.

10. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050/под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. – Владивосток: Дальнаука, 2011.

РОЛЬ МИГРАЦИИ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ НАСЕЛЕНИЯ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ¹

Мотрич Е.Л.

В статье рассматривается роль миграции в воспроизводстве населения Дальнего Востока, показаны возможные варианты численности населения на перспективу в зависимости от условий комфортности проживания в регионе.

Ключевые слова: воспроизводство населения, миграция населения, результативность миграции, прогноз населения, доходы и уровень жизни населения.

Вопросы по развитию восточных территорий, привлечения и закрепления населения в них стоят в России с давних пор. О необходимости уделять внимание им говорили Михаил Ломоносов, министры царской России Витте и П.А. Столыпин, руководители Советского Союза. Однако каждый раз после очередного переселения с запада на восток эти территории стремительно теряли свою привлекательность для населения и, как следствие, происходил его отток. Последние двадцать лет постсоветского периода тоже наглядно иллюстрируют этот процесс.

В настоящее время необходимость развития этих территорий актуализирована и уже обозначена среди четырех главных стратегических приоритетов государственной политики. 2012 г. можно назвать годом восточных регионов России. Восточные регионы – это 66% территории РФ, на которой проживает 18% населения страны, в том числе Дальневосточный федеральный округ – треть (36,1%) площади (сократилась на 0,75% в связи с новой демаркацией границы с КНР), и всего 4,4% населения России. В 1991 г. доля дальневосточного региона в населении страны составляла 5,4%.

Формирование демографического потенциала является одним из важных факторов устойчивого развития государства и фактором его национальной безопасности. Поэтому главнейшей задачей развития Дальнего Востока, как и восточных районов в целом (Дальний Восток и Сибирь), является предотвращение миграционного оттока населения в трудоспособном возрасте, молодежи и квалифицированных специалистов.

Уместно здесь вспомнить слова П.А. Столыпина «Дайте нам 20 лет и мы не узнаем Россию...». 1991–2011 гг. – тоже двадцать лет, а Дальний Восток остается территорией малонаселенной.

В 1991 г. численность населения Дальнего Востока достигла своей максимальной отметки – 8,1 млн чел., превысив отметку довоенного 1940 г. почти в 3 раза (благодаря активному участию миграционных потоков в регион и повышенным темпам естественного прироста населения). Население СССР за 50 лет возросло менее чем в 1,5 раза.

За 1991–2011 гг. численность населения в России сократилась на 3,7%, Дальнего Востока – на 22,2%. Дальневосточный регион за эти годы потерял каждого пятого жителя. В 2011 г. в целом по России тренд демографического развития повернулся в лучшую сторону, и численность населения к началу 2012 г. увеличилась на 191,0 тыс. чел. Дальний Восток при этом остался в лидерах по сокращению населения, численность которого за 2011 г. уменьшилась на 19,0 тыс. чел. На 01.01.2012 г. в Дальневосточном федеральном округе проживало 6265,9 тыс. чел. (меньше, чем в 1975 г.) (табл. 1).

Возникает естественный вопрос: на какую численность населения может рассчитывать Дальний Восток в ближайшей перспективе? Какие факторы будут влиять на величину демографического потенциала?

Такими факторами являются миграция и естественное движение. Каков баланс этих факторов, сыгравших свою роль в изменении динамики населения Дальнего Востока?

Риск в демографическом развитии Дальневосточного региона возник еще в 1989 г., с начала

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательских проектов ДВО РАН № 12-1-П31-03, 12-1-П35-01 и 12-1-ООН-01.

Таблица 1

Численность населения в субъектах Дальнего Востока, тыс. чел.

Субъект	На 01.01. 1991 г.	На 01.01. 2011 г.	На 01.01. 2012 г.	Прирост (уменьшение) численности населения за 1991–2011 гг.,%
Дальний Восток	8056,6	6284,9	6265,9	– 22,2
Республика Саха (Якутия)	1108,6	958,2	955,8	–13,8
Камчатский край	472,8	321,7	320,2	– 32,3
Приморский край	2299,6	1953,5	1950,5	– 15,2
Хабаровский край	1619,7	1342,9	1342,6	– 17,1
Амурская область	1073,7	828,7	821,6	– 23,5
Магаданская область	384,5	156,5	154,5	– 56,9
Сахалинская область	717,5	496,7	495,4	– 31,0
Еврейская АО	231,0	176,3	174,4	– 24,5
Чукотский АО	149,2	50,4	51,0	– 65,8

Источник: [11, с. 13; 10, с. 9, 11].

устойчивого отрицательного миграционного сальдо. В 1993 г. к миграционному оттоку прибавилась естественная убыль населения.

Превалирующим фактором в сокращении численности населения Дальневосточного федерального округа является миграция, хотя естественная убыль населения продолжает сохраняться и играет заметную роль в этом процессе. За 1991–2011 гг. Дальний Восток потерял 1790,7 тыс. чел., в том числе за счет естественной убыли – 227,0 тыс. чел. (12,7%) и 1563,7 (87,3%) – миграционный отток. Миграция из фактора прироста населения, как это было в период интенсивного хозяйственного освоения дальневосточной территории, приобрела отрицательную результативность и превратилась в фактор его сокращения.

Анализ миграционного взаимодействия Дальневосточного региона по отдельным векторам передвижения за 2002–2011 гг. свидетельствует о снижении отрицательного значения результативности миграционных связей с регионами России. Так, число выбывших на десять человек прибывших из регионов России было в 2002 г. 15,6, в 2010 г. – 19,0 и в 2011 г. – 15,2. Но данные за 2011 г. несколько лукавые, поскольку изменилась методика учета миграции. В нее стали включать так называемых срочных мигрантов, кто по существу практически не участвует в воспроизводстве населения в регионе. Продемонстрируем это на примере Хабаровского края. С учетом срочных мигрантов миграционный прирост положительный и составляет 1842 чел., результативность миграции составляет 9,5 чел. выбывших на 10 прибывших. При исключении сроч-

ных мигрантов, наблюдается уже отрицательный миграционный прирост (– 2761 чел.) и на 10 чел. прибывших выбывает 11,2 чел. Коэффициент миграционного прироста (в расчете 1000 чел. населения) с учетом срочных мигрантов положительный (+1,4), а по ранее существовавшей методике этот показатель с отрицательным значением (– 2,1). Поэтому трудно согласиться с резким спадом отрицательного значения результативности миграции в целом по Дальневосточному региону до – 15,2 в 2011 г. против – 19,0 в 2010 г.

Анализ миграционного взаимодействия со странами СНГ и Балтии показывает значительное повышение результативности в обмене населением с ними. В связи с новым подходом в расчетах миграционных потоков, трудно дать оценку высокого роста прибывших из этих стран и результативности миграционного обмена с ними за 2011 г. Поэтому, проанализируем на данных за 2010 г. (табл. 2).

Приведенные данные подтверждают реальность увеличения результативности миграции Дальнего Востока со странами СНГ и Балтии в 2011 г., поскольку в 2010 г. относительно 2002 г. число прибывших увеличилось в 11,4%, а число выбывших сократилось в 1,9 раза. Результативность миграционных связей с этими странами в 2010 г. была в 2,2 раза выше, чем в 2002 г. В 2011 г. на Дальний Восток из общего числа прибывших на долю представителей стран СНГ пришлось 17,3%, а выбывших – 2,2%. И если в целом для Дальневосточного региона миграция имеет отрицательное сальдо (– 17,8 тыс. чел.), то в обмене населением со странами СНГ ДФО получил

Таблица 2

**Объемы и результативность миграционного взаимодействия Дальнего Востока
со странами ближнего зарубежья, чел.**

Страны СНГ и Балтии	Прибывшие		Выбывшие		Результативность миграции*	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
ДФО	4255	4740	3569	1852	10:8,4	10:3,9
Азербайджан	99	407	90	100	10:9,1	10:2,5
Армения	59	451	29	55	10:4,9	10:1,2
Белоруссия	308	142	697	370	10:22,6	10:26,1
Грузия	39	30	14	4	10:3,6	10:1,3
Казахстан	624	322	258	174	10:4,1	10:5,4
Киргизия	353	778	76	74	10:2,2	10:1,0
Латвия	15	4	9	3	10:6,0	10:7,5
Литва	5	2	5	8	10:10	10:40,0
Молдавия	188	193	98	46	10:5,2	10:2,4
Таджикистан	131	447	84	36	10:6,4	10:0,8
Туркмения	39	17	6	–	10:1,5	10:0,0
Узбекистан	351	895	71	81	10:2,0	10:0,9
Украина	2040	1048	2126	901	10:10,4	10:8,6
Эстония	4	4	6	–	10:15,0	10:0,0

*соотношение на десять прибывших чел. число выбывших.

Источники: [8, с. 34, 37; 9, с. 48, 50].

11,8 тыс. чел. Основную часть приезжих составляют граждане Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, Армении. Таким образом, миграция становится все более инокультурной: той славянской миграции, которую имел регион уже нет и не будет, потому что украинский поток обмелел, миграционное взаимодействие с Белоруссией постоянно происходит в пользу этой бывшей союзной республики. Однако заметим, что и среднеазиатские резервы не бесконечны.

Что касается миграционного взаимодействия со странами дальнего зарубежья, то положительный миграционный обмен населением обеспечен преимущественно только Китаем, результативность обмена с которым в 2010 г. в сравнении с 2002 г. увеличилась в 2,8 раза. Практически нет мигрантов из Австралии и США, но эти страны «поглотили» в 2010 г. 12,5% всех выбывших мигрантов из ДФО в страны дальнего зарубежья, а прибыло из них в том же году – 4,2% от прибывших из этих стран. В миграционных связях с Израилем отмечается сокращение как по прибывшим на Дальний Восток, так и по выбывшим: в 2002 г. выбывших было больше прибывших из этой страны на 42,7%, в 2010 г. – 82,2% (табл. 3).

Таким образом, ДФО, скорее всего, в перспективе может рассчитывать на приток населения

из бывших среднеазиатских республик СССР, что объяснимо разницей в уровне жизни, и Китая.

Следует признать, что Дальний Восток мог бы иметь более высокую миграционную результативность, если бы отличался привлекательностью по условиям комфортности проживания, учитывая обеспеченность спроса на труд, достойную при этом заработную плату, преимущества в получении образования (на бесплатной основе) и медицинском обслуживании, возможность приобретения жилья, круглогодичную транспортную доступность по приемлемым ценам с центром России, связям между селениями и др.

В миграционных потоках Дальний Восток, прежде всего, теряет высококвалифицированные кадры – лиц, имеющих высшее и среднее профессиональное образование; выявляется тенденция все увеличивающегося миграционного оттока населения в возрасте 14 лет и старше. Если в 2002 г. превышение выбывших в этом возрасте над прибывшими составляло 20,7%, то в 2010 г. – 29,0%. В миграционной убыли каждый пятый в 2002 г. (21,5%) и более чем каждый третий (37,7%) в 2010 г. – имел высшее профессиональное образование. Регион теряет специалистов, имеющих ученые степени, докторов и кандидатов наук. Если в 2005 г. миграционная убыль докторов наук составляла 6 чел.,

Таблица 3

Объемы и результативность миграционного взаимодействия Дальнего Востока со странами дальнего зарубежья, чел.

Страны дальнего зарубежья	Прибывшие		Выбывшие		Результативность миграции*	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
ДФО	394	1075	1444	968	10:36,6	10:9,0
Австралия	–	1	24	39	–	10:390
Германия	17	39	582	61	10:342,4	10:15,6
Израиль	309	73	441	133	10:14,3	10:18,2
Канада	–	8	28	62	–	10:77,5
Китай	13	546	14	213	10:10,8	10:3,9
США	8	44	183	82	10:228,8	10:18,6
Другие страны	47	364	196	378	41,7	10:10,4

*соотношение на десять прибывших чел. число выбывших.

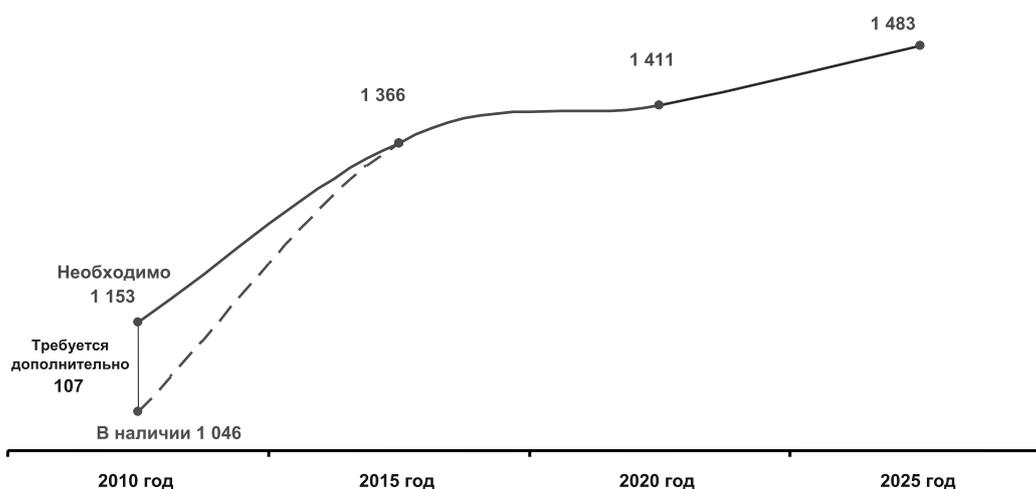
Источники: [8, с. 44, 47; 9, с. 57, 60].

то в 2010 г. – 19; кандидатов наук соответственно 22 и 24. Также неблагоприятно в Дальневосточном федеральном округе складывается соотношение прибывших и убывших, имеющих среднее специальное образование. В общем миграционном оттоке населения в 2010 г. их доля – 26,1%, а превышение выбывших над прибывшими в этой категории составляло в 2002 г. 21,0%, в 2010 г. – 24,5%. Таким образом, можно утверждать, что регион теряет свой интеллектуальный и образовательный потенциал, столь необходимый для внедрения в практику экономики знаний.

Если проанализировать ситуацию, сложившуюся в 2011 г., когда в миграционных потоках учиты-

вались срочные мигранты, то она выглядит удручающей. В миграционной убыли доля лиц, имеющих высшее образование, составляла 64,0%, среднее специальное – 24,9% [10, с. 109]. Между тем, для обеспечения показателей социально-экономического развития ДФО на период до 2025 г. в соответствии со стратегией развития региона из общего числа занятых в народном хозяйстве должно быть 40,7% квалифицированных работников, против 30,8% в 2010 г.

Кроме того, миграционные процессы в ДФО оказывают свое отрицательное воздействие на возрастную структуру населения, поскольку в общей миграционной убыли превалирует отток насе-

Рис. 1. Необходимое количество квалифицированных работников для обеспечения достижения показателей социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа на период до 2025 г. в соответствии со Стратегией, тыс. чел.

ния в трудоспособном возрасте. В 2010 г. в общем миграционном оттоке населения на долю трудоспособных граждан пришлось 67,0%, в векторе движения в регионы России доля трудоспособного населения составила в 2010 г. 70,1%, в миграционных потоках при межгосударственных перемещениях – 97,1%. В 2011 г. в общем потоке выбывших за пределы региона на долю трудоспособного населения по ДФО пришлось 74,8%. Если учесть потерю населения в возрасте младше трудоспособного в результате миграционного оттока и, конечно, естественной убыли, то есть будущую смену поколений, то становится очевидным ухудшение возрастной структуры населения в регионе.

Уже за период 2002–2010 гг. наметилось снижение доли трудоспособного (64,8% в 2002 г. и 64,3% в 2010 г.) и рост населения старше трудоспособного возраста (соответственно 15,4% и 18,2%). В 2010 г. абсолютная численность населения старше трудоспособного возраста превышала численность населения в возрасте младше трудоспособного на 4,3%. В 2030 г. лиц моложе трудоспособного возраста может быть 55,9% от численности старших возрастов, а в 2050 г. это соотношение может составить всего 40,3%. Потеря трудоспособного населения к 2050 г. относительно 2010 г. предположительно составит порядка 1,8 млн чел. При этом следует заметить, что численность трудоспособного населения будет сокращаться темпами, вдвое превосходящими уменьшение общей численности населения. Так, за 2010–2050 гг. общая численность населения может уменьшиться на 21,1%, а трудоспособного населения – на 42,5% [7, с. 157, 158; 9, с. 301]. Предлагаемый демографический прогноз в складывающихся условиях выступает не как точная оценка возрастной структуры населения, а как определение наиболее вероятных границ демографических трендов, в пределах которых будут происходить изменения в структуре населения при сложившихся демографических и миграционных процессах.

Заметим, что в недавно вышедшей книге профессора Американского института предпринимательства Николаса Эберштадта «Демографический кризис России в мирное время: размеры, причины, следствия» автор предсказывает быстрое сокращение трудоспособного населения в ближайшие 20 лет, которое скажется на всех сферах жизни российского общества. Демографический кризис заставит Россию пересмотреть не только свое политическое, но и географическое положение [2]. Это

довольно серьезная симптоматика будущего России и ее регионов.

Реализация принятой Концепции государственной миграционной политики до 2025 г. призвана переломить ситуацию в миграционных процессах. В ней признается, что миграция – значительный и необходимый фактор, база как для воспроизводства населения (наряду с решением сугубо демографических проблем), так и для пополнения местного рынка труда рабочей силой. Поэтому в концепции заявлены такие цели, как «стабилизация и увеличение численности постоянного населения страны, обеспечение потребности экономики в рабочей силе...». Концепция предлагает реализацию государственной миграционной политики в три этапа. На первом этапе, рассчитанном до конца 2015 г., предполагается обеспечить миграционный прирост в стране за счет привлечения в регионы России на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом (заметим, Программа по добровольному переселению соотечественников для Дальнего Востока по существу провальная) – квалифицированных специалистов и молодежь, а также увеличить численность ежегодно привлекаемых высококвалифицированных иностранных специалистов и иностранных учащихся. На втором этапе – с 2016 г. по 2020 г. планируется увеличение миграционного прироста в стране и ставится задача приостановить миграционный отток населения из районов Сибири и Дальнего Востока. Наконец, третий этап – с 2021 г. по 2025 г. должен обеспечить дальнейшее увеличение миграционного прироста в стране и обеспечить приток населения в районы Сибири и Дальнего Востока. Жаль, что это предполагается достичь, спустя десятилетие, а потому и говорить о каких-либо ожиданиях преждевременно. Здесь можно согласиться с расчетами специалистов, что обеспечить миграционный прирост с начала третьего этапа не удастся в указанных районах, поскольку спад оттока можно ожидать в период 2022–2033 гг., а в последующем убыль вновь возрастет, даже может превысить современные размеры [4, с. 25–26].

Миграционные проблемы являются «вечными», поскольку территориальное движение людей – одна из форм жизнедеятельности человека. По законам миграции население стремится туда, где условия материальной и культурной жизни лучше и, напротив, уходит с тех территорий, где они хуже.

Остановимся на некоторых аспектах, определяющих уровень и качество жизни населения. Но прежде заметим, данное понятие сводится к тому, что это – «уровень материального благополучия, характеризующийся объемом реальных доходов на душу населения и соответствующим объемом потребления». С 1995 по 2011 гг. в среднем по стране реальная заработная плата выросла в 3,7 раза, а для дальневосточников – только в 2,6 раза. В 1995–2010 гг. номинальная заработная плата в экономике дальневосточного региона в среднем увеличилась в 32,3 раза, а в среднем по России – в 44,9 раза. Если в 1995 г. среднедушевые номинальные денежные доходы населения на Дальнем Востоке превышали среднероссийский уровень на 24,1%, то после кризиса 1998 г. это превышение сократилось до 8%. В настоящее время, как показывает статистика, номинальные денежные доходы населения Дальневосточного региона составляют чуть выше 80%, а реальные доходы – 40% от среднероссийского уровня. Поэтому государственная задача сводится к повышению доходов за счет заработной платы, по уровню которой Россия – одна из немногих цивилизованных стран, где бедны те, у кого есть работа. Ни в одной стране мира человек, получающий зарплату, не может оставаться на крайне низком уровне по доходам. Для Дальнего Востока, по некоторым оценкам, минимальная заработная плата в месяц должна составлять не менее тысячи долларов. Сегодня это скорее мечта, чем реальность. Между тем, в настоящее время образовался довольно многочисленный класс работающих бедных. Экономисты говорят, чтобы покончить с бедностью в России, потребуется 15–20 лет! Срок не малый, и видно далек от решения проблем с бедностью, поскольку в борьбе с бедностью бедные беднеют, а богатые богатеют – от каждого рубля прироста ВВП в России бедным достается 5 копеек, а богатым 2 рубля [6]. Неслучайно, что в 2011 г. Россия поднялась с 11-го на 4-е место в мире по числу супербогачей. Таков результат ежегодного исследования компании «Бостон Консалтинг Групп». В то время, как число олигархов на Западе, чье состояние оценивается в 100 млн долл., снизилось, в России их число увеличилось: с 607 в 2010 г. до 686 в 2011 г. Рост – 13%. По официальным данным, реальные доходы обычного населения в 2011 г. выросли всего на 1%! На этот круг сверхбогачей приходится в общей сложности 500 млрд долларов, а на всех остальных жителей России – 800 млрд!

Заметим, что в США за чертой бедности оказывается тот, кто зарабатывает в пересчете на рубли меньше 30 тыс. И таких американцев – около 15%. Средний доход на Дальнем Востоке на душу населения составляет 23 тыс. руб., а по России – 20 тыс. руб. Но с точки зрения покупательной способности, эти 23 тыс. превращаются в 17 тыс. Средняя пенсия по России – 8,9 тыс. руб., а дальневосточная – 9,7 тыс. руб. Но если в стране – это 0,98% прожиточного минимума, то на Дальнем Востоке – 0,82%. К примеру, в Белгородской области пенсионеру доступны почти 1,5 прожиточных минимума, в Липецкой и Курской – 1,4. Разница чувствуется! В связи с этим, как отмечает депутат Госдумы Оксана Дмитриева, говорить о среднем уровне располагаемых доходов не совсем корректно, поскольку «Две трети населения получают доход ниже среднего, а на 0,8% населения страны приходится 30–40% всех доходов». Представляется, что в стране есть резервы для пополнения доходной части населения. Подтверждением тому являются опубликованные Росстатом данные по средним зарплатам госслужащих в I кв. 2012 г. в сравнении с тем же периодом 2011 г.: в МЧС зарплата выросла в 3,1 раза (до 101 773 руб.), в Минобороны – в 2 раза (до 56 208 руб.); сотрудники аппарата Совета Федерации «разбогатели» на 7,6% (58462 руб.), администрации президента – на 10,9% (95 548 руб.), Госдумы – на 19,7% (46069 руб.), в аппарате правительства – на 53,6% (до 104 280 руб.).

Удельные расходы населения на оплату жилья и коммунальных услуг, по данным российской статистики, за период реформы увеличились почти в два с лишним раза и достигли к 2009 г. 8,7% от общей суммы потребительского бюджета домохозяйства. Жители Дальневосточного региона выделяли на оплату жилищно-коммунальных услуг 10,2% своих расходов, а Центрального федерального округа – только 8,0% [5, с. 26].

Все дальневосточные субъекты РФ в результате повышенной стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг попадают в первую двадцатку самых дорогих регионов страны. Дальневосточный федеральный округ отличается повышенной долей населения с доходами ниже прожиточного минимума. Каждый четвертый житель Камчатского края и Амурской области, каждый пятый в Республике Саха (Якутия), Приморском крае и Еврейской автономной области имеет доход ниже прожиточного уровня. Для сравнения: в России в целом бедным являет-

ся каждый восьмой. В целом в регионе 16–18% населения относится к числу бедных [1]. С каждым годом теряется то дальневосточное преимущество, которое когда-то позволяло поддерживать достойный уровень жизни. Еще в феврале 2008 г. Дмитрий Медведев, будучи первым вице-премьером страны, во время пребывания в Хабаровске отметил: «Улучшение качества жизни дальневосточников является наиважнейшей задачей государства. Все остальные экономические программы носят прикладное значение». В.В. Путин, будучи в том году Президентом РФ, выступая на Госсовете 8 февраля 2008 г. сказал: «Россия должна стать самой привлекательной для жизни страной. И, уверен, сможем сделать это, не жертвуя настоящим ради так называемого будущего, а, напротив – день за днем улучшая благополучие людей». Но, как явствует из приведенных данных, пока даже выравнивания условий жизни дальневосточников как-то не просматривается. К примеру, если «средний» житель Хабаровского края в 2011 г. мог обеспечить своими заработками 2,6 прожиточных минимума, то житель ЦФО вполне одолевал четыре, а «средний» москвич – вовсе 4,5! В среднем по России этот показатель 3,7.

Современное социально-экономическое развитие Дальнего Востока позволяет предположить, что численность населения к 2030 г. может составить 5,9 млн чел. (уровень 1970 г.), к 2050 г. – 5,2–5,4 млн чел. (практически уровень населения 1959 г.). Но вполне вероятно, что может реализоваться прогноз-катастрофа, при котором численность населения региона не превысит 4 млн чел.

Достичь численности населения в 5,2–5,4 млн чел. возможно при условии оптимизации демографических процессов – увеличения продолжительности жизни, повышения использования возможностей системы здравоохранения по снижению уровня смертности даже без учета вероятного положительного сальдо миграции. При условии снижения миграционного оттока возможно будет обеспечить к 2050 г. прирост населения около 900 тыс. чел. В этом случае суммарная численность населения может составить 6,1–6,3 млн чел. Это, конечно, означает лишь стабилизацию численности населения региона, сложившуюся к настоящему времени [7, с. 596–598].

Министр России по развитию Дальнего Востока В.И. Ишаев отмечает, что Дальний Восток стал регионом контрастов. С одной стороны, начали

реализовывать крупные дорогостоящие объекты, открывающие для него большие перспективы. С другой стороны, основное население живет, мягко говоря, небогато. И если у людей появляется возможность переехать в другие регионы, они с радостью делают это. Между тем, как отметил министр, реализация намеченных проектов развития Дальнего Востока требует увеличения населения к 2025 г. на 511 тыс. чел. Если тенденции последних лет не изменятся, то к 2025 г. регион, напротив, может получить уменьшение населения на 465 тыс. чел. Разница между необходимой и возможной ситуациями весьма существенна.

В настоящее время Дальний Восток в экономической и социальной сфере не обладает потенциалом привлекательности, как для местного населения, так и для привлечения мигрантов. Люди, понятно, ради удовольствия работать и жить в экстремальных условиях не приедут. За туманом и за запахом тайги теперь не едут. Картина территориального движения населения изменилась коренным образом, прервав надолго (а может навсегда) движение населения на север и восток страны. Поэтому неслучайно, что на столь обширной территории Дальневосточного федерального округа проживает населения меньше, чем в Москве.

Результаты социологического опроса, проведенного Институтом экономических исследований ДВО РАН в 2009 г. по проблемам мотивации миграционного поведения, показали, что уезжают из-за того, что не удовлетворены качеством жизни в регионе. Так, 30,0% респондентов в ДФО причинами в намерении покинуть свой город назвали неудовлетворенность работой (уровнем заработной платы), 36,1% отметили высокую стоимость жизни и неразвитость потребительского рынка, 33,5% – низкий уровень социальных услуг (медицина, образование, ЖКХ), 32,6% – оторванность от Центра России, высокие транспортные тарифы. 37% видят возможность покупки собственного жилья на привлекательных условиях. Если молодая семья получила квартиру, работу, это высокий процент гарантии того, что она останется жить в этом регионе, и в ней будут рождаться дети – будущее население территории.

Исследование ВЦИОМ студенческой молодежи восточных территорий показывает, что из пятисот опрошенных студентов каждый четвертый хочет покинуть родной регион. Причины называли такие: на новом месте больше возможностей для карьерного роста (37%), больше найти воз-

возможностей по специальности (33%), более подходящий климат (33%). 39% ответили, что останутся в регионе, если будет реальной возможность приобрести собственное жилье, 31% не уедут, если им будет гарантировано трудоустройство по специальности. Настораживает выявленный факт, что 20% студентов ответили, что ничто не сможет повлиять на решение уехать. Из числа респондентов трудоспособного возраста, если бы они рассматривали возможность смены места жительства, 57% готовы уехать жить и работать в другом городе России, 20% – в другую страну, 22% о конкретном месте жительства не думали, но уехали бы точно [3].

Дальний Восток уже многие годы привлекает иностранную рабочую силу. В настоящее время их в регионе около 160 тыс. Из них – китайцы 40%, остальные – выходцы из бывших союзных республик. В любом случае они приезжают на короткое время и по существу не являются базовым источником воспроизводства населения.

По программе переселения соотечественников на Дальний Восток переехали 1332 чел. Из них только 608 чел. работоспособного возраста.

Радикальное ускорение развития дальневосточной территории требует кардинально изменить демографическую ситуацию, предотвращая возможную катастрофу. Улучшить социальное самочувствие и способствовать закреплению населения на Дальнем Востоке возможно, если реализовать ряд первоочередных мер экономического и социального характера, о некоторых из них уже не раз говорилось на заседаниях Ассоциации по развитию Дальнего Востока и Забайкалья:

1. Повысить роль и значение денежных доходов:

1.1. Повысить реальные и номинальные доходы в размерах, превышающих среднероссийский уровень не менее чем в 1,5 раза;

1.2. Предусмотреть социальные выплаты с учетом районных коэффициентов;

1.3. Увеличить размеры дальневосточных надбавок и оплату их из государственного бюджета;

1.4. Установить для молодежи (лицам в возрасте до 30 лет), прожившей в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях не менее пяти лет и вступающей в трудовые отношения с организациями, выплату процентной надбавки к заработной плате в полном размере с первого дня работы;

1.5. Расширить перечень льгот в рамках социального пакета.

2. Преодолеть фактор экономической удаленности от Центра:

2.1. Установить льготный проезд железнодорожным и авиационным транспортом всем возрастным группам граждан ДФО в западные районы страны, места отдыха и лечения;

2.2. Расширить временные рамки обеспечения льготным проездом (в настоящее время льготный проезд ограничен периодом апрель – октябрь);

2.3. Расширить географию льготных полетов (в настоящее время льготный проезд ограничен городами Москва, Санкт-Петербург, Сочи);

2.4. Возродить Закон «О ветеранах», чтобы дальневосточники (наверно, как и все граждане страны) в любом городе РФ могли пользоваться общественным транспортом бесплатно;

2.5. ТВ передачи по политической, социально-экономической темам («Специальный корреспондент», цикл передач Соловьева «Поединок» и т.п.) транслировать (пусть в записи) в удобное для дальневосточников время (в настоящее время они ведутся в полночь по местному времени).

3. Обеспечить формирование в регионе комфортных условий проживания:

3.1. Повысить обеспеченность жильем с увеличением размера жилой площади на 1 чел. до 28 м² с учетом более продолжительного пребывания в помещениях в условиях сурового дальневосточного климата. Решение жилищной проблемы осуществлять через возмещение части затрат при оплате съемного жилья, предоставление ведомственного жилья, общежитий, оказание содействия в приобретении жилья на льготных условиях, внедрение использования арендного жилья; строительство жилья для молодых специалистов, молодых семей, малообеспеченных граждан, детей-сирот, расселения граждан из аварийного жилья с участием федеральных средств; способствовать приобретению и строительства жилья для участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом;

3.2. Дополнить перечень маршрутов воздушных перевозок пассажиров с Дальнего Востока в европейскую часть и в обратном направлении маршрутами между субъектами ДФО;

3.3. Улучшить транспортную инфраструктуру между населенными пунктами;

3.4. Внедрить программы здравоохранения, образования и культуры.

*****

1. Грицук М. Территория контраста//Тихоокеанская звезда. 28 июля 2012 г.

2. Дальневосточный ученый. 25 июля 2012 г. № 14 (1456).

3. Дальний Восток – локомотив развития, а не забытый край//Тихоокеанская звезда. 28 июня 2012 г.

4. Зайончковская Ж. Адекватные ориентиры//Миграция. XXI век. № 3 (12), май – июнь 2012.

5. Найден С.Н. Финансово-экономические отношения на региональном рынке коммунальных благ (на примере Дальнего Востока/Автореферат диссертации на соискание ученой степени д.э.н. Хабаровск, 2011.

6. Сидоркина З.И. Почему на Дальнем Востоке жить тяжело?//Дальневосточный ученый № 14 (1456). 25 июля 2012.

7. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050/под ред. П. А. Ми-

накира, В.И. Сергиенко; Рос. акад. Наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. – Владивосток: Дальнаука, 2011. (Мотрич Е.Л. Демографический потенциал. Гл. 4, раздел 4.1.; Мотрич Е.Л., Найден С.Н., Скрипник Е.О. Население и социальное развитие Дальнего Востока. Глава 18 монографии).

8. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2002 г. Стат. бюлл. Госкомстат России. – М., 2003.

9. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2010 г. Стат. бюлл. ФСГС (Росстат). – М., 2011.

10. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2011 г. Стат. бюлл. ФСГС (Росстат). – М., 2012.

11. Численность, состав и движение населения в Российской Федерации. Стат. бюлл. Госкомстат России. – М., 1992.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ): СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сукнёва С.А.

В статье рассмотрены особенности развития населения Республики Саха (Якутия). Представлена структура формирования демографического потенциала и проанализированы причины его потерь. Показаны динамика и компоненты изменения численности и структуры населения за период с 1985 по 2010 гг. Предложены меры по укреплению демографического фактора социально-экономического развития республики.

Ключевые слова: население, демографический потенциал, рождаемость, смертность, миграция, демографическое поведение, возрастная структура, прогноз населения.

Демографическое развитие как результат изменения количественных и качественных характеристик воспроизводства населения является непереносимым условием развития производительных сил любого региона. Усложнение общественных отношений, расширение противоречий в них ведут к тому, что демографические процессы также идут в направлении усложнения традиционных либо трансформации или возникновения ранее ненаблюдаемых явлений, нередко в нежелательном для общества или государства направлении. Это тем более актуально для регионов Севера, ставших в современных условиях депрессивными. Возрастной и гендерный состав населения северных регионов формировался на протяжении длительного периода освоения и заселения данных территорий, прежде всего за счет миграционного притока населения, а также высокого уровня рождаемости в результате сохранения традиционной модели демографического поведения коренных народов, населяющих эти территории. Происходящие процессы в политике и экономике привели к изменениям социально-экономических условий в стране, что непосредственно отразилось на раз-

витии ее окраинных территорий. Особенно негативно повлияли на демографическую ситуацию миграционный отток населения и вызванные им деформации демографических структур, изменение демографического поведения, что привело к значительным потерям потенциала демографического развития этих регионов.

Одним из крупнейших по территории северных регионов России является Республика Саха (Якутия), расположенная на северо-востоке, в большом удалении от центра и экономически развитых районов страны. В результате миграционного оттока на протяжении последних двух десятилетий республика теряет население – миграционные потери составили более 250 тыс. чел. Сохраняющийся естественный прирост частично компенсирует миграционную убыль, но вместе с тем в последнем десятилетии прошлого века отмечалось снижение рождаемости и повышение смертности населения, нисходящая динамика сочеталась с негативными изменениями в составе населения, обусловленными деформацией демографических структур. Некоторые позитивные сдвиги в уровне рождаемости произошли в начале XXI в., при этом заметного со-

кращения смертности не наблюдается. Сохраняется миграционная убыль населения. Происходят изменения возрастной структуры населения – растет численность лиц пожилого возраста, снижается количество молодежи, вступающей в трудоспособный возраст, что ведет к сокращению трудоспособного населения и может серьезно осложнить ситуацию на рынке труда. В связи с этим возрастает актуальность определения путей улучшения демографической ситуации в республике и достижения главной цели семейной и демографической политики Республики Саха (Якутия) – устойчивого и качественного развития демографического потенциала региона [1].

Основными факторами формирования демографического потенциала выступают численность населения, присущая ему демографическая структура и демографическое поведение. Реализуется демографический потенциал через протекающие в регионе демографические процессы, поэтому структурный и поведенческий факторы его формирования носят опосредованный характер, а интенсивность демографических процессов определяется, в том числе, сформировавшимися к настоящему времени структурой населения и его поведенческими установками. Заложенные в структуре и определяемые демографическим поведением населения совокупные способности к воспроизводству обусловлены региональ-

ными демографическими процессами, зависящими от особенностей возрастно-половой, брачной, миграционной структуры населения и демографического поведения, а также осуществляемой на данной территории социально-экономической политикой (рис. 1).

Одним из важных компонентов формирования демографического потенциала выступает численность населения, ее изменение в Республике Саха (Якутия) до 1990-х гг. характеризовалось неуклонным ростом с высокими темпами. Затем, как и во всех северных регионах России, в Якутии отмечается сокращение населения – за период с 1991 по 2010 гг. оно уменьшилась на 14,3% (с 1119,0 до 958,2 тыс. чел.). Вместе со снижением численности населения происходит понижение его трудоспособной части, хотя в начале 2000-х гг. в республике наметилась тенденция к абсолютному увеличению численности населения в трудоспособном возрасте, что явилось результатом действия структурного фактора (рис. 2).

На возрастные характеристики населения оказали влияние «демографические волны», являющиеся следствием изменений в возрастной структуре населения, связанных со вступлением в трудоспособный возраст многочисленного поколения родившихся в середине 1980-х гг. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что к настоящему времени структурный фактор пополнения трудовых ресур-

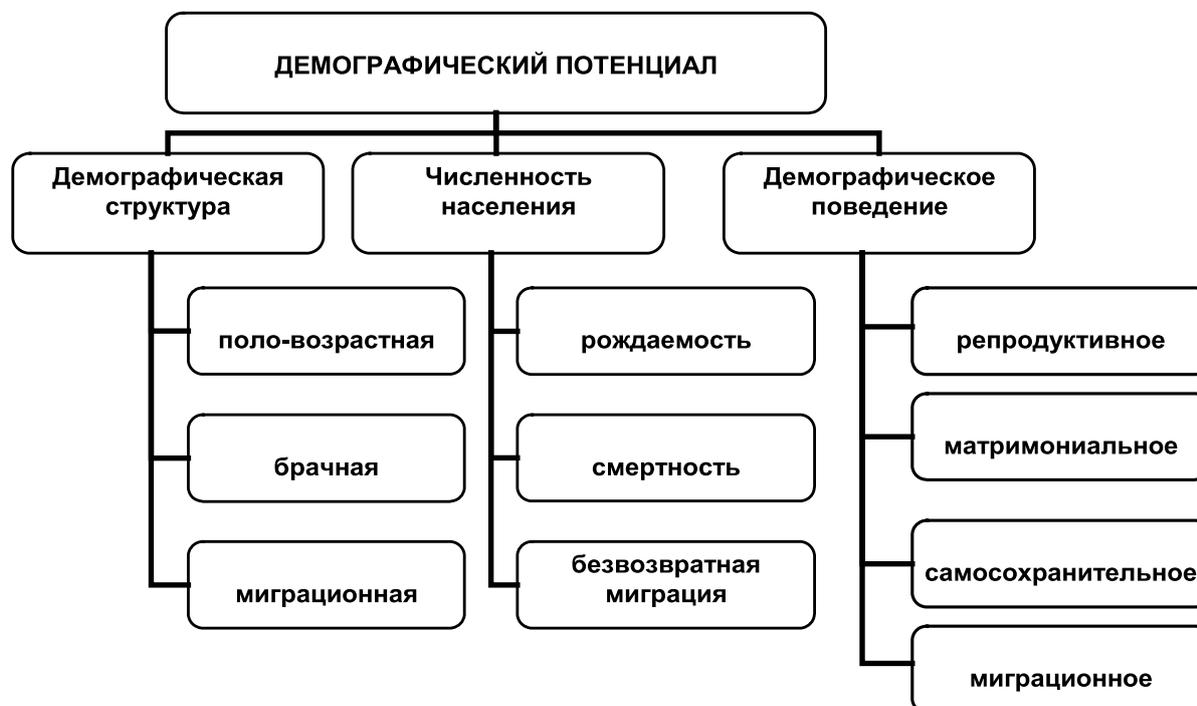
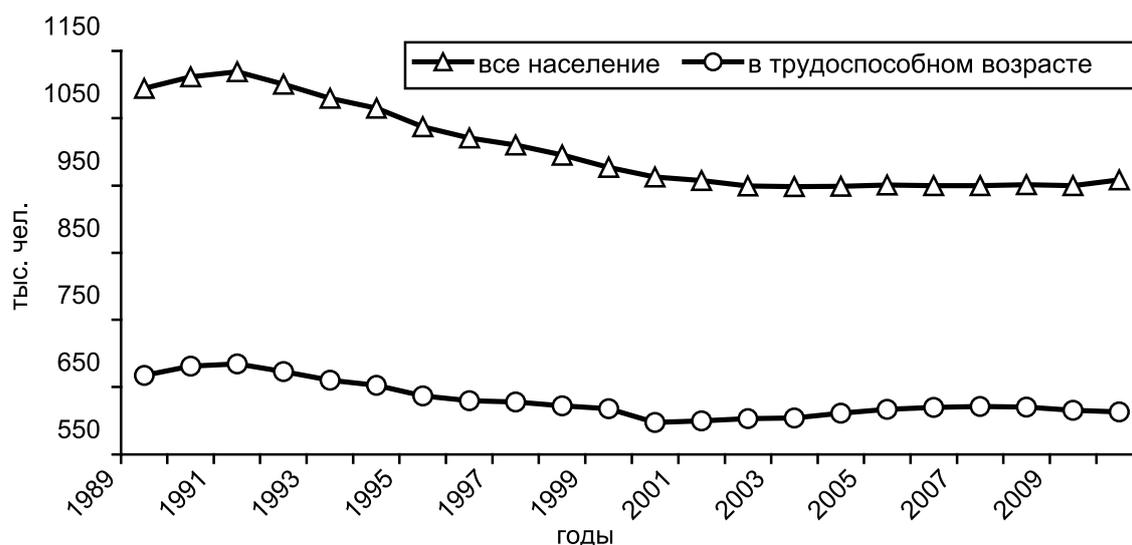

Рис. 1. Схема формирования демографического потенциала региона

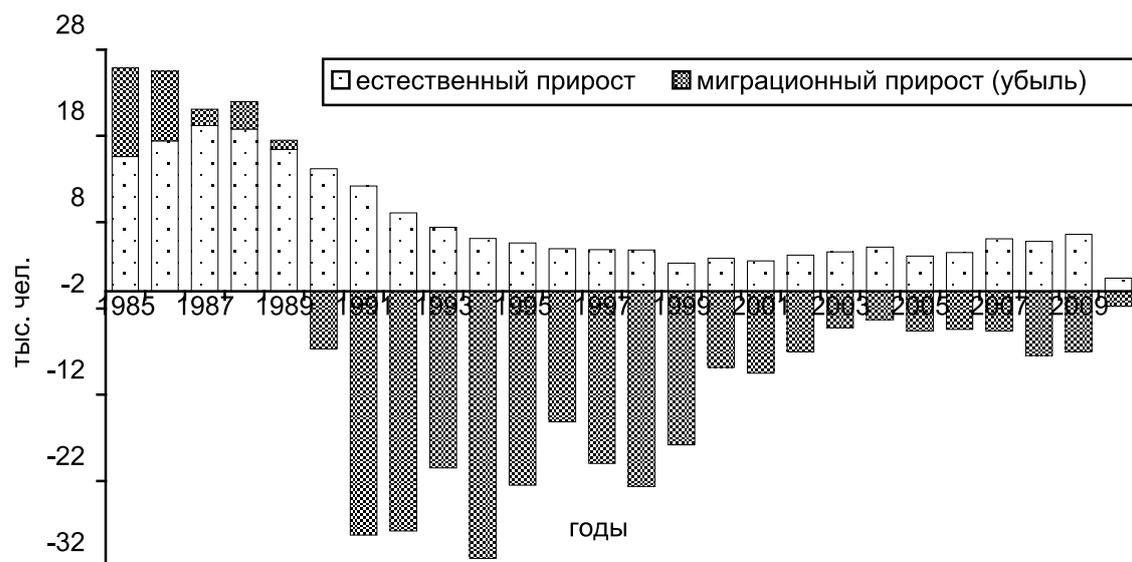
Рис. 2. Динамика численности населения Республики Саха (Якутия)

сов себя практически исчерпал. Начиная с 2008 г., в республике сокращается численность населения в трудоспособном возрасте, при небольшом увеличении общей численности населения. Демографические аспекты воспроизводства населения составляют естественную границу формирования трудовых ресурсов.

Особое место здесь занимает возрастно-половая структура населения, как его важнейшая характеристика, являющаяся основой количественных и качественных изменений ресурсов для труда. Действие структурного фактора сказывается на замещении населения в трудоспособном возрасте. На смену поколению, достигшему верх-

ней границы трудоспособного возраста (60 лет мужчины, 55 лет женщины) приходит молодое поколение, вступающее в трудоспособный возраст (16 лет), и в ближайшие годы численность достигших пенсионного возраста жителей начнет превышать количество шестнадцатилетних граждан, вступающих в трудоспособный возраст.

Причинами сокращения населения республики стала миграционная убыль в сочетании с понижением естественного прироста (рис. 3). В 1990 г. поток выехавших за пределы республики впервые превысил встречный поток прибывающего на ее территорию населения. В последующие годы размеры миграционной убыли уже не компенсиро-

Рис. 3. Соотношение естественного и миграционного прироста населения Республики Саха (Якутия), 1985–2010 гг.

вались снижающимся естественным приростом, и миграционный фактор стал причиной сокращения населения.

Определенное улучшение демографической ситуации в республике отмечается с двухтысячного года. Увеличился естественный прирост, который практически полностью компенсирует сохраняющуюся миграционную убыль. Результатом рассмотренных демографических процессов стало изменение возрастной структуры населения, сокращение рождаемости и миграционный отток молодежи привели к его постарению. По данным переписи 2010 г., средний возраст жителя республики увеличился на 3 года в сравнении с переписью 2002 г. и составил 33 года [2, с. 6]. Ввиду того, что процессы смертности, рождаемости, миграции определяются возрастом человека, изменение возрастного состава оказывает непосредственное воздействие на весь процесс демографического развития.

Большое влияние на возрастную-половую структуру населения Якутии оказала безвозвратная миграция. Значительные миграционные потери 1990-х гг. прошлого века привели к сокращению населения республики, потерям ее демографического потенциала. Сложившаяся миграционная ситуация привела к оттоку населения, адаптированного к условиям проживания и работы в регионе. Основными обстоятельствами выезда населения за пределы республики являются личные, семейные, возвращение к прежнему месту жительства, а также причины, связанные с работой или учебой. При стабильно отрицательном сальдо миграции по всем причинам в республике отмечается положительное сальдо миграции в связи с работой. Произошли изменения в качественных характеристиках миграционных потоков. Снизился образовательный уровень мигрантов, прибывающих на территорию республики для работы. Уровень профессиональной подготовки выбывающих трудовых мигрантов значительно выше по сравнению с мигрантами, прибывающими на территорию республики с целью трудоустройства. Так, в потоке выбытий в 2010 г. 54,2% составили лица с профессиональным высшим образованием. Среди мигрантов, прибывающих в республику на работу, высшее образование имеют лишь 29,5% и 32,9% не обладают профессиональной специальной подготовкой [3, с. 40–43].

Благоприятным фактором демографического развития республики выступает сохранение есте-

ственного прироста населения, который определяется двумя разнонаправленными процессами: рождаемостью и смертностью. Относительно высокий уровень рождаемости сохраняется в республике за счет сельской местности, где проживает преимущественно коренное население. По данным переписи 2002 г., 65,3% населения якутской национальности проживало в сельской местности республики, составив 83,3% от всех жителей села [4, с. 20]. Для сельского населения характерно сохранение традиционной модели рождаемости с высокой долей рождений в младших возрастных группах и высоких порядков, что способствует сохранению показателей рождаемости на уровне расширенного воспроизводства. Вместе с тем происходят изменения в демографическом поведении, которые постепенно распространяются и на сельскую местность.

Об изменениях рождаемости можно судить по показателю суммарного коэффициента – его динамика свидетельствует о том, что в республике с начала 1990-х гг. произошло заметное снижение суммарного коэффициента рождаемости с 2,404 в 1990 г. до 2,038 – в 2010 г. (табл. 1).

Несмотря на это снижение, суммарный коэффициент рождаемости сельского населения республики продолжает сохраняться высоким (2,771 в 2010 г.). Подъем рождаемости с начала 2000 г. в большей степени характерен для горожан, тем не менее, в городской местности республики

Таблица 1
Динамика суммарного коэффициента рождаемости населения Республики Саха (Якутия)

Годы	Все население	Городское население	Сельское население
1990	2,404	2,028	3,212
1995	1,995	1,568	2,936
2000	1,750	1,431	2,507
2001	1,757	1,492	2,409
2002	1,843	1,574	2,521
2003	1,851	1,654	2,308
2004	1,897	1,684	2,418
2005	1,752	1,548	2,252
2006	1,730	1,530	2,280
2007	1,920	1,620	2,770
2008	1,934	1,737	2,463
2009	2,044	1,800	2,623
2010	2,038	1,778	2,771

Источник: [5, с. 71]

рождаемость остается ниже уровня простого замещения поколений (1,778), а привлекательность низкой рождаемости для большинства населения все более укореняется в образе жизни и системе ценностей.

Разложение прироста числа рождений на составляющие компоненты за счет изменений возрастной структуры и интенсивности рождений вследствие отклика на меры демографической политики с применением индексного метода позволило оценить роль данных факторов в изменении рождаемости. Так, в начале 1990-х гг. неблагоприятная возрастная структура дополнялась снижением интенсивности рождений – сложная социально-экономическая ситуация в стране вынуждала семьи откладывать рождение детей. Неблагоприятный структурный фактор действовал на протяжении всех 1990-х гг. в сочетании с сокращением интенсивности рождений. Рост рождаемости в 2000-е гг. отчетливо продемонстрировал влияние повышения интенсивности рождений. В динамике данного компонента – увеличения рождаемости отмечается резкий скачок в 2007 г. как ответная реакция на дополнительные меры материальной помощи семьям и стимулирование повторных рождений (материнский капитал, увеличение размеров пособий, оплата пребывания детей в детских дошкольных учреждениях) [6]. Повышение интенсивности рождений происходит на фоне благоприятной возрастной структуры – в активный репродуктивный возраст вступило многочисленное поколение родившихся в 1980-е гг., когда в стране наблюдался подъем рождаемости. Необходимо обратить внимание, что положительный эффект демографической волны скоро себя исчерпает, а активный отклик на меры демографической политики проявятся в первые 2–3 года. Свидетельством тому стало сокращение ежегодного прироста рождений в городской местности. На снижение рождаемости оказывают влияние происходящие в республике изменения норм репродуктивного и матримониального поведения. Снижение уровня легитимной брачности и рост числа юридически не оформленных брачных союзов – показатель изменения социальных функций семьи и брака, их роли в жизни личности и неотъемлемая черта процесса модернизации демографического поведения в целом. Для воспроизводства населения – это негативный процесс, ведущий к сокращению среднего уровня рождаемости. Отмечается более позднее вступление в брак, повышается доля мужчин

и женщин никогда не состоявших в браке в наиболее активном репродуктивном возрасте 25–29 лет. Так, если по переписи 1979 г. их доля среди мужчин республики составляла 23% и 14,9% среди женщин, то к 2002 г. доля мужчин никогда не состоявших в браке к данному возрасту возросла до 34,8% и женщин – до 23,6% [7, с. 38]. Более позднее вступление в брак определяет и более позднее появление на свет первого ребенка. Все больше становится незарегистрированных браков. По данным переписи 2002 г., таковых в республике было 13,1%, в 2010 г. доля незарегистрированных браков возросла до 17,8% [2, с. 7]. Одним из существенных показателей современной модели репродуктивного и матримониального поведения является рост внебрачных рождений. Внебрачная рождаемость – это тот показатель текущей демографической статистики, который косвенно отражает распространение новых, незарегистрированных форм брака. Статистические данные свидетельствуют об ее увеличении с 17,9% в 1990 г. до 37,8% в 2010 г., причем доля внебрачных рождений практически одинакова в городской и сельской местности [5, с. 81].

За счет высоких показателей рождаемости в сельской местности республика сохраняет свое положение в десятке регионов России с самым высоким уровнем рождаемости. Трансформации модели репродуктивного и брачного поведения населения подтверждают результаты социолого-демографических обследований населения республики, которые показали, что репродуктивные планы населения в отношении числа детей в семьях имеют существенную дифференциацию в зависимости от места проживания, этнической принадлежности, образовательного уровня, возраста респондентов, числа детей в родительской семье. Разница между средним желаемым и ожидаемым числом выступает характеристикой резерва повышения рождаемости при создании благоприятных условий для реализации потребностей в детях. Самые значительные резервы отмечаются по группе молодого населения до 24 лет, однако сам уровень репродуктивных планов в данной группе ниже уровня простого воспроизводства (1,9 рождений в расчете на 1 женщину репродуктивного возраста вместо 2,15) [7, с. 102]. Поэтому необходимо не только создавать благоприятные условия для реализации имеющейся потребности в детях, но и повышать сами репродуктивные установки через формирование общественного мнения о се-

Таблица 2

Средний возраст смерти по основным классам причин смерти в 2009 г., число лет

Основные классы причин смерти	Республика Саха (Якутия)		Российская Федерация	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
От всех причин (e_0)	60,6	72,3	62,7	74,6
Инфекционные	47,2	56,7	44,1	44,0
Новообразования	65,9	69,9	66,1	68,4
Система кровообращения	67,5	76,2	69,4	79,0
Органы дыхания	61,1	69,1	62,7	67,2
Органы пищеварения	58,9	61,7	57,0	64,7
Внешние причины	41,2	44,7	44,9	51,6

Источник: [8, с. 359–371].

мье с двумя-тремя детьми как общественно одобряемой модели. В настоящее время в республике преобладают семьи с 1 ребенком в городской местности и 2 детьми – в сельской. По данным переписи населения 2010 г., средний размер домохозяйства в республике составил 2,9 чел., в городской местности – 2,7 и в сельской – 3,3 чел. [2, с. 22].

Важным компонентом демографического потенциала выступает смертность населения. Ситуация со смертностью в республике во многом схожа с общероссийской обстановкой. Главными причинами смерти являются болезни системы кровообращения, внешние причины и онкологические заболевания. При этом уровень смертности от внешних причин заметно выше среднероссийских показателей, что выводит внешние причины на второе место в структуре региональной смертности. В последние годы возрастает уровень смертности от болезней системы кровообращения и онкологических заболеваний, что связано, прежде всего, с изменениями возрастного состава населения, его старением, а также омоложением смертности от сердечно-сосудистых заболеваний. Понижение младенческой и смертности от внешних причин положительно повлияло на увеличение средней ожидаемой продолжительности предстоящей жизни. В 2009 г. средняя продолжительность жизни населения республики составила 66,5 лет, мужчины республики в среднем живут 60,9 лет, женщины – 72,5 лет. Однако необходимо отметить, что эти показатели все еще ниже среднероссийского уровня: мужчины – 62,8 лет, женщины – 74,7 лет [5, с. 180], не говоря уже о развитых странах.

Сохраняется существенный разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин – женщины живут дольше мужчин в среднем на 12 лет. Показательным является сопоставление среднего возраста

смерти от различных причин со средней ожидаемой продолжительностью жизни при рождении (табл. 2).

Так, смертность от внешних причин наступает значительно раньше по сравнению со средней ожидаемой продолжительностью жизни, этот разрыв в 2009 г. составил 27,6 лет для женщин и 19,4 года для мужчин. В республике в более раннем возрасте уходят из жизни в результате болезней системы кровообращения и внешним причинам – средний возраст смерти по эти причинам ниже среднероссийского. Уровень смертности выступает важным фактором демографического развития. Ее сокращение и укрепление здоровья способствует росту численности населения, сохранению благоприятного возрастного состава, продолжительной активной, здоровой жизни. Состояние смертности является производной от уровня социально-экономического развития, условий и образа жизни, эффективности развития системы здравоохранения и доступности медицинской помощи.

Для оценки перспектив демографического развития республики нами разработан прогноз численности и состава населения в зависимости от сценариев демографического развития. По первому инерционному сценарию ожидается сокращение численности населения, которая к 2025 г. достигнет 876,1 тыс. чел. (табл. 3). По данному варианту предполагается сохранение миграционной убыли, уровень рождаемости, заложенный в расчеты, основан на показателях рождаемости, достигнутой в последнее десятилетие, показатели смертности также учтены в прогнозе по позитивной динамике, сложившейся за последнее десятилетие. По данному варианту ожидается сокращение численности населения в детском и трудоспособном возрасте, что приведет к уменьшению демографического потенциала республики.

Таблица 3

Прогнозная численность населения Республики Саха (Якутия), тыс. человек

Возрастные группы	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2025 г.
Вариант 1				
все население	949,3	943,3	919,3	876,1
в том числе:				
дети	220,9	225,8	222,9	201,9
трудоспособный возраст	608,9	559,0	499,8	455,3
старше трудоспособного возраста	119,5	158,5	196,5	218,8
Вариант 2				
все население	949,3	979,7	1006,0	1027,3
в том числе:				
дети	220,9	230,9	243,3	246,4
трудоспособный возраст	608,9	601,8	593,1	601,3
старше трудоспособного возраста	119,5	146,9	169,6	179,6
Вариант 3				
все население	949,3	985,4	1019,5	1050,9
в том числе:				
дети	220,9	231,5	246,2	253,5
трудоспособный возраст	608,9	608,9	608,1	624,5
старше трудоспособного возраста	119,5	145,0	165,2	172,9

Второй вариант предполагает существенные трансформации в миграционных перемещениях населения. Сальдо миграции во внешнем для республики обмене нулевое, во внутриреспубликанских перемещениях сохраняется отток сельских жителей в городскую местность, в результате чего сальдо сельско-городской миграции отрицательно. Изменения коснутся показателей рождаемости населения – в прогнозный сценарий заложен небольшой рост суммарного коэффициента рождаемости городского населения и его понижение в сельской местности. Предполагаемое снижение смертности населения в прогнозном периоде скажется на росте ожидаемой продолжительности жизни населения городской и сельской местности. Третий вариант содержит сценарии рождаемости и смертности аналогичные второму, изменения коснулись миграции – положительное ежегодное сальдо внешней миграции достигается за счет городской местности и составит в среднем 1 тыс. чел.

Как показали прогнозные расчеты, в долгосрочном периоде республику ожидают заметные демографические изменения, определяемые демографическим старением. По всем вариантам прогнозных расчетов ожидается рост демографической нагрузки. По первому варианту снижение

рождаемости и рост смертности населения за счет изменений возрастно-половой структуры населения приведет к естественной убыли с 2020 г. Возможности демографического роста связаны с повышением рождаемости, снижением смертности, увеличением продолжительности здоровой жизни и миграционным приростом населения. Нарастающий миграционный отток сельского населения во внутрирегиональной миграции ведет к нарушению демографического потенциала, диспропорциям на брачном рынке и как следствие сокращению сельского населения. В настоящее время положительное влияние на воспроизводство населения оказывает имеющийся демографический потенциал, определяемый, прежде всего, благоприятной возрастной структурой населения, а также сохраняющимся высоким уровнем рождаемости сельского населения. При этом необходимо отметить, что влияние молодой возрастной структуры населения является временным, и через 3–5 лет оно себя исчерпает. В динамике прогнозной численности ожидается также сокращение трудоспособного населения и, вследствие старения, рост старших возрастных групп. Учет перспектив социально-экономического развития и прогнозная оценка населения свидетельствуют о том, что важным фак-

тором формирования населения, не умаляя роли естественного прироста, в республике остается внешняя миграция населения.

В силу сложившегося хода демографических событий в республике будет развиваться процесс естественного старения населения, в частности, важным индикатором старения выступает показатель средней ожидаемой продолжительности жизни населения и, следовательно, увеличение среднего возраста населения. Поэтому основная роль в обеспечении положительной динамики населения республики должна отводиться регулированию миграции, поддержанию существующего уровня рождаемости, снижению смертности и повышению продолжительности здоровой, активной жизни населения, особенно мужчин. Необходимо предусмотреть комплекс мероприятий, прежде всего по развитию социальной инфраструктуры, повышению уровня и качества жизни населения, регулированию миграционных потоков для улучшения демографической ситуации в республике. При этом решение демографических проблем возможно только во взаимосвязи с общей экономической политикой и изменением всей социально-экономической ситуации. Демографические процессы носят инерционный характер, поэтому результаты отклика населения на изменения социально-экономических условий выражаются опосредованно через поведение населения и проявляются лишь спустя некоторое время. Благоприятная возрастная структура, характеризующаяся высокой долей трудоспособного населения, положительно сказывается на современной ситуации на рынке труда, однако уже в ближайшие годы проблема замещения пожилого населения малочисленным поколением родившихся в 1990-е гг. остро станет перед экономикой

республики. Намечившаяся положительная динамика в снижении младенческой смертности и повышении рождаемости требует дополнительных мер поддержки, в том числе и существенных материальных вложений. В настоящее время в связи с постепенным исчерпанием потенциала возрастной структуры необходимы изменения в демографическом поведении населения. Наиболее важными из них, на наш взгляд, являются позитивные изменения в демографическом поведении населения, в том числе сокращение безбрачия и увеличение потребности семей в детях с целью достижения массовой среднететности, а также повышение самосохранительной культуры населения, улучшение здоровья и снижение потерь от предотвратимой смертности и сверхсмертности мужского населения. Необходимо принимать меры по улучшению демографической ситуации, прежде всего, по сокращению потерь трудоспособного населения в результате влияния внешних причин смертности от несчастных случаев, отравлений и травм, регулированию миграционных потоков и перераспределению их в пределах республики. Создание возможностей для повышения занятости трудовых ресурсов в районах республики, организация рабочих мест, развитие инфраструктуры не только столицы, но и периферийных районов республики обеспечат достойный уровень жизни для каждого жителя республики независимо от места проживания. Необходимым условием экономического развития любого региона является как можно более полный учет специфических региональных факторов, поэтому все вопросы социальной политики и социально-экономического развития на региональном уровне должны обязательно рассматриваться в увязке с особенностями протекания демографических процессов.

*****

1. Концепция семейной и демографической политики в Республике Саха (Якутия) на период до 2025 года (утверждена Постановлением Правительства Республики Саха (Якутия) от 15 января 2009 г. № 10). – Якутск, 2009.

2. О кратких итогах Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Саха (Якутия). – Якутск, 2012.

3. Миграция населения Республики Саха (Якутия) за 2010 год: Стат. сб. № 65/114. Том. 1. – Якутск, 2011.

4. Национальный состав населения, владение языками и гражданство в Дальневосточном федеральном округе. Итоги Всероссийской переписи населения

2002 года. Статистический сборник: Стат. сб./Саха (Якутия) стат. – Якутск, 2005.

5. Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия) 2010: Стат. сб./Саха (Якутия) стат. – Якутск, 2011.

6. Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» № 256-ФЗ//Российская газета, № 297, 31.12.2006.

7. Сукнёва С. А. Демографический потенциал развития населения Северного региона. – Новосибирск: Наука, 2010.

8. Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб./Росстат. – М., 2010.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ПРИМОРСКОГО КРАЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОКАЗАТЕЛИ УРОВНЯ ЖИЗНИ

Авдеев Ю.А., Ушакова В.Л.

Рассматриваются изменения в демографической структуре населения и их влияние на показатели уровня жизни в регионе. Анализируется динамика воспроизводственных и миграционных процессов, возрастная, образовательная структура населения и их взаимосвязь со структурой занятости населения и распределением доходов.

Ключевые слова: демографическая структура населения, уровень жизни населения региона.

Повышение уровня и качества жизни населения – важнейший государственный приоритет и одно из направлений социально-экономического развития России и ее регионов. Каждая территория в силу региональных различий демографического и экономического потенциала, степени урбанизации имеет свои особенности в уровне и качестве жизни населения.

Одна из острейших проблем Приморского края, как и ДФО, от решения которой зависят перспективы модернизации экономики, социальная конкурентоспособность, жизненный уровень населения, геополитическая стабильность – демографическая проблема. Современная демографическая ситуация в регионе характеризуется устойчивой тенденцией сокращения численности населения. Естественные процессы демографической убыли усиливаются миграционным оттоком, что не только снижает уровень заселенности, но и значительно сокращает удельный вес Приморского края в общей численности населения России (1989 г. – 1,53%, 2002 г. – 1,43%, 2011 г. – 1,36%).

За 2002–2010 гг. Приморский край потерял 114,8 тыс. человек, или 5,5% собственного населения (потери Дальнего Востока за этот период составили 401 тыс. человек, или 6,0%). Основную роль в снижении численности населения сыграла естественная убыль (73,6 тыс. чел., или 64,1% от общей убыли населения), в 1,8 раза превышающую миграционный отток (41,2 тыс. человек, или 35,9%). На Дальнем Востоке уменьшение населения в межпереписной период отмечается на всей территории, кроме Республики Саха (прирост населения составил 1%).

По темпам сокращения численности населения Приморский край занимает последнее место (–0,71%) на Дальнем Востоке, в 3,5 раза превышая среднероссийский уровень (–0,20%) [1].

Данные демографической статистики за 2002–2010 гг. говорят о росте родившихся, сокращении

смертности и естественной убыли, но принципиальная оценка ситуации не меняется. В результате естественной убыли и миграционного оттока деформируется возрастная структура населения, разрушается сложившийся демографический потенциал территории, что ведет к дефициту трудовых ресурсов, увеличению демографической нагрузки на занятое население. При сложившейся демографической ситуации к 2030 г. потеря трудоспособного населения в Приморском крае относительно 2010 г. может превысить 300 тыс. человек. Доля лиц старше трудоспособного возраста увеличивается и к 2030 г. составит 28% общей численности населения (2010 г. – 17,4%) [2]. Процесс старения населения окажет влияние на структуру трудоспособного населения, в составе которого вырастет удельный вес лиц старше 45 лет. При этом повысится коэффициент демографической нагрузки, на который будет оказывать влияние снижение рождаемости в 1990-х гг.

Ожидаемая продолжительность жизни выросла в Приморском крае на 1,99 лет (с 63,87 в 2000 г. до 65,86 лет в 2010 г.) и достигла уровня 1993 г., с которого началось ее снижение. Разница в продолжительности жизни городских и сельских жителей составляет 3,7 года, мужчин и женщин – 11,5 лет. Эти показатели могли быть лучше, если бы не ухудшилась возрастная структура населения, не повысилась бы в ней доля лиц старших возрастов, среди которых показатели смертности наибольшие [3].

Сложившаяся социально-экономическая ситуация и условия проживания в Приморском крае являются основным фактором формирования миграционных ориентаций населения.

Последние четыре года регион имеет масштабные финансовые вливания, но при этом складывается парадоксальная ситуация. В рыночной экономике – за капиталом следуют люди, а в край федеральный бюджет направил более 300 млрд руб., внебюджетные вливания составили около

360 млрд руб., региональные и муниципальные финансовые ресурсы, а население продолжает уезжать.

Импульсом развития территории должны стать не столько объемы федеральных вливаний, сколько и главным образом меры, направленные на активизацию инициативы еще остающегося здесь населения. Это же будет привлекательным мотивом для приезда сюда деятельных людей из других регионов. Сегодня важно активизировать мотивацию карьерного роста и возможность самореализации. Своеобразная «зона свободной инициативы» будет притягательной для творческих, деятельных людей и это лежит в основе демографического роста и миграционной привлекательности территории. Риск для государства незначителен, но позволит России рассчитывать на реальное взаимодействие со странами АТЭС, и сохранить ее восточные территории [4, с. 6–8].

Главную социально-демографическую угрозу составляет отток из региона квалифицированной части трудового потенциала в активном трудоспособном возрасте. Люди, достигшие определенных карьерных, социальных высот, кадры, которые могли бы дать многое местному бизнесу и экономике края, но в силу межрегиональных различий в уровнях и качестве жизни принимают решение о выезде за пределы Приморского края. Выезжают из региона и выпускники вузов, которые не смогли найти достойного применения полученным знаниям в регионе, но стали востребованными российскими и иностранными компаниями, которые делают ставку на молодые кадры. В 2010 г. из Приморского края в другие регионы России выбыло детей в 2,5 раза больше, чем прибыло того же возраста (2000 г. – в 2,2 раза), а уехавших лиц трудоспособного возраста в 2 раза больше, чем прибывших (2000 г. – в 1,6 раза). В то же время Приморский край наполняет низкоквалифицированный плохо говорящий на русском языке контингент, не имеющий порой не только профессиональных навыков, но даже базового начального образования. Для лиц из ближнего и дальнего зарубежья находится в крае работа, не требующая высокой квалификации, низкооплачиваемая, на которую местное население, трудоустроиться не стремится. Как правило, это вакансии в сфере строительства, сельском хозяйстве, в жилищно-коммунальной сфере. Процесс социализации мигрантов происходит случайным образом, без участия образовательных структур и профессиональной подготов-

ки. Для Приморского края, как и ДФО, где каждый человек на счету, жизненно важно повлиять на демографические показатели, но в силу разных причин на протяжении двух десятилетий сохраняется устойчивая тенденция сокращения численности населения. Сложившаяся демографическая структура населения не оставляет поводов для ожидания существенного роста численности населения Приморского края.

Основной причиной миграционного дисбаланса является то, что выезжающая квалифицированная часть населения видит в регионах центральной России большие возможности для получения более высокого уровня дохода, возможности для профессионального и карьерного роста, и в целом, более высокого уровня жизни, чем в Приморье.

Приморский край в миграционном партнерстве с регионами России не может рассчитывать на прирост населения за счет внутрироссийской миграции до тех пор, пока уровень доходов в других регионах остается более высоким. За период с 2000 по 2010 гг. из Приморского края выбыло в российские регионы в 9,8 раза больше мигрантов (157,9 тыс. чел.), чем прибыло из стран СНГ (16,1 тыс. чел.) [5]. Незначительный прирост населения из стран Содружества не компенсирует миграционные потери. При этом следует обратить внимание, что наметилась тенденция снижения объемов внешней миграции. Особенно это стало очевидно для мигрантов из приграничных провинций Китая, где за последние годы наблюдался существенный рост заработной платы, которую не привыкли платить российские работодатели.

Миграционные потоки оказывают влияние не только на численный состав населения, но и на его качественную структуру.

Возрастной состав мигрантов лишней раз свидетельствует о том, что самым мобильным является население в трудоспособном возрасте. За 2010 г. доля лиц трудоспособного возраста составила 74,7% от общего числа прибывших (2000 г. – 73,4%) и 73,8% от общего числа выбывших (2000 г. – 72,1%). В трудоспособных возрастах наибольшей миграционной активностью отличалось население в возрасте 25–29 лет – 36,5% (2000 г. – 28,2%). Казалось бы, этот факт мог быть связан с ожиданиями в демографической динамике местного населения, но этого, как правило, не происходит, потому что мигранты и местное население живут бок о бок, не пересекаясь друг с другом.

Основной составляющей оценки индекса человеческого потенциала является уровень образования населения. В Приморском крае индекс образования составляет 0,909 (2009 г.) при уровне грамотности взрослого населения в 99,5%, или 4 место среди субъектов ДФО [6].

Потребность в квалифицированных кадрах определяется структурой занятости населения, которая со временем претерпевает изменения. Так, если в 2000 г. специалисты с высшим и неоконченным высшим профессиональным образованием составляли 26,9%, специалисты со средним профессиональным образованием – 33,3%, то в 2010 г. ситуация стала иной. Доля занятых с высшим и неоконченным высшим образованием возросла на 2,1%, доля занятых со средним профессиональным образованием уменьшилась на 7,5%. Одновременно доля занятых с начальным профессиональным образованием возросла с 7,0% в 2000 г. до 24,9% в 2010 г., то есть на 17,9% [7].

Увеличение доли занятых с высшим образованием в целом характеризуется как позитивное явление, что объясняется потребностью формирования инновационной экономики, предполагающей более высокий уровень знаний. Но, с другой стороны, дальнейшее изменение структуры занятости по уровню образования в сторону роста доли высшего профессионального образования может стать препятствием для динамичного развития экономики. Это связано с отсутствием квалифицированных рабочих, необходимых для производственной занятости. Вместе с тем, если посмотреть на структуру зарегистрированных безработных в Приморском крае, то минимальная доля из них – это лица, имеющие основное общее образование (12,9%) и лица с высшим образованием (13,5%), то есть выпускники начальных и средних профессиональных заведений и выпускники вузов в большинстве случаев находят возможность для трудоустройства.

Вместе с тем, специалисты с высшим и средним профессиональным образованием покидают край. В 2010 г. численность этой категории населения уменьшилась на 4,2 тыс. чел. (отток в 2006 г. составил 2,3 тыс. чел.), что в 3 раза больше 2009 г. За 5 лет из Приморского края выбыло 54 доктора наук, 79 кандидатов наук, а прибыло в край, соответственно, 34 и 72 [8]. Это еще одно свидетельство того, что в крае пока мало оснований для ожиданий улучшения качества населения. Другими словами, налицо тенденция замещения населения

с более высоким уровнем капитализации населения более низким уровнем. И с этой точки зрения статистика счета «по головам» не отражает качественную картину происходящих изменений в регионе.

Качество жизни населения Приморского края во многом зависит от экономического роста. Одним из основных его индикаторов является объем и динамика ВРП. Величина валового регионального продукта на душу населения в крае ежегодно возрастает. С 2005 г. наблюдается резкое увеличение номинального ВРП. Так, например, по сравнению с 2005 г. в 2008 г. значение этого индикатора для Приморья увеличилось в 1,7 раза, а с 1999 г. выросло в 6,3 раза. То есть, с момента кризиса 1998 г. до кризиса 2008 г. в крае произошел значительный рост ВРП на душу населения.

Более высокими показателями душевого валового регионального продукта характеризуются сырьевые субъекты РФ за счет добычи природных ресурсов: Чукотский автономный округ, Сахалинская область, Республика Саха (Якутия), а низкие показатели имеют субъекты РФ с благоприятными природно-климатическими условиями и высокой плотностью населения.

В дальневосточных субъектах РФ ситуация на рынках труда складывается более напряженно, чем в среднем по России. Доля безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости, составляет в Приморском крае 25,7 тыс. чел. Это самый высокий показатель на дальневосточной территории. В крае острой остается ситуация сельской занятости. При численности сельского населения в 467,5 тыс. чел. (23,9%), численность зарегистрированных безработных составляет 13,6 тыс. чел. (31,6% от общего числа зарегистрированных безработных). В структуре безработицы в сельской местности за последние пять лет произошли существенные изменения. Так, доля женщин сократилась с 60,7% в 2006 г. до 43,2% в 2010 г., а доля мужчин соответственно увеличилась с 39,3% до 56,7%. Это – крайне негативное явление, имея в виду, что самое наибольшее число безработных мужчин в наиболее активном возрасте до 30 лет. Такое положение не только приводит к огромным экономическим потерям, но и значительно нарушает социальную стабильность, создает условия для ухудшения криминальной обстановки. Причем эта ситуация будет иметь длительное негативное влияние, так как среди лиц 16–29 лет в сельской местности отмеча-

ется высокая доля безработных (26,4%) по сравнению с другими возрастными группами, где по мере увеличения возраста доля безработных снижается. Ограниченность сферы приложения труда определяет и продолжительный период безработицы сельских жителей – 5,7%. В состоянии застойной безработицы (срок поиска работы превышает 1 год) находилось 12,3% жителей приморских сел [9, с. 187–191].

Для обеспечения конкурентоспособности, устойчивости и безопасности развития региона важна и проводимая региональная социальная политика. Одним из основных обобщающих показателей качества жизни населения являются доходы населения. В этой сфере ситуация ухудшилась. Здесь произошли существенные изменения, которые с одной стороны, следовали в русле общероссийских тенденций снижения уровня жизни населения, с другой – означали более интенсивное сокращение уровня жизни населения субъектов ДФО, потерю дальневосточными территориями их традиционного преимущества – более высоких денежных доходов.

В 2010 г. соотношение среднедушевых денежных доходов с величиной прожиточного минимума в субъектах ДФО составляла 2,3–3,5 раза. Лидирующие позиции по величине среднедушевых доходов занимали Чукотский автономный округ (37422 руб. в месяц), Сахалинская область (31078 руб. в месяц), Магаданская область (27489 руб. в месяц). Приморский край занимает среднее положение. Его доход составляет 17347 руб. в месяц.

Различия в доходах 20% населения с самыми высокими и самыми низкими доходами в 2010 г. в Приморском крае составляли 7,6 раза (в северных районах ДФО 8–9 раз). Это обусловлено более высокой заработной платой в северных регионах. В Приморском и Хабаровском краях дифференциация объясняется ростом заработной платы в сфере сервисной экономики на фоне стагнирующего сельского хозяйства. Поэтому в ДФО существует не только проблема межрегионального неравенства, но и по доходным группам внутри субъектов. Это определяет неравенство в уровне расходов и потребления и приводит к одной из самых критических форм его проявления – бедности. За 2000–2008 гг. в Приморском крае масштабы бедности сократились на 65,3%.

В Приморском крае наблюдается дифференциация по уровню доходов населения, занятого в сельском хозяйстве, где средняя заработная

плата составляет 14054,8 руб. и сфере финансовой деятельности, где средняя заработная плата составляет 41368,1 руб. Но значение коэффициента дифференциации минимально (0,37).

Наибольшее влияние на коэффициент дифференциации оказывает заработная плата, являющаяся основным источником доходов населения. За период с 1995 по 2010 гг. во всех дальневосточных субъектах произошло относительное сокращение заработной платы по отношению к среднероссийскому показателю. Если в 1995 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в Приморском крае была в 1,4 раза выше среднероссийского уровня, то в 2010 г. это превышение составило 4,5%. В 2007–2008 гг. соотношение заработной платы со средней по экономике опускалось в Приморском крае ниже 100% (2007 г. – 96,9%, 2008 г. – 97,2%) [10]. Относительное снижение заработной платы, несмотря на ее абсолютный рост, при увеличении стоимости жизни препятствует росту покупательной способности заработной платы.

Покупательная способность заработной платы в южных субъектах ДФО ниже среднероссийского уровня (369%) и составляет в Приморском крае (328,4%), в Хабаровском крае (279,7%), Амурской области (318,0%), а в северных – превышает среднероссийский уровень – Чукотский автономный округ (477,6%), Магаданская область (444,0%), Сахалинская область (403,1%) [10]. То есть в сложившейся социально-экономической ситуации, когда условия проживания не компенсируются более комфортными материальными благами, рассчитывать на приток населения не представляется возможным.

Одним из важных условий повышения мобильности населения является развитый рынок жилья. В Приморском крае современный уровень жилищного строительства (2006–2010 гг. – 399,2 тыс. м² общей площади) по количеству введенного жилья в 2,6 раза меньше наибольших объемов по вводу жилья в 1986–1990 гг. (1052,3 тыс. м² общей площади). Жилищная обеспеченность по Приморскому краю в среднем на одного жителя составила в 2010 г. – 20,8 м² (2000 г. – 17,9 м²), что значительно ниже среднероссийского показателя (22,6 м²). Если в целом по РФ в 2010 г. на одного человека введено 0,41 м², то в Приморье этот показатель в 1,5 раза меньше – 0,27 м².

Отрыв цен от реальной покупательной способности населения остается достаточно высо-

ким. В IV кв. 2010 г. 1 м² жилья на первичном рынке в крае стоил 2,7 среднедушевого месячного дохода населения (в 2009 г. – 2,9). Поэтому вряд ли можно ожидать серьезных успехов в привлечении мигрантов, когда в регионе не создаются высокодоходные рабочие места, не достаточно строится для этих целей жилья. Даже местное население, особенно молодежь, вынуждено уезжать за пределы Приморского края, так как очень остро стоит в регионе жилищная проблема. Высокая стоимость жилья (первичный рынок – 50,7 тыс. руб. за 1 м²) при сравнительно низких денежных доходах делает его доступность проблематичной.

49,6% общей площади жилищного фонда региона оборудовано всеми видами благоустройства. Жилищный фонд края с износом от 31 до 65% составляет 31,6% площади всего жилищного фонда, и износом от 66% до 70% – 1,8%, свыше 70% – 0,3%. Удельный вес индивидуального домостроения в 2010 г. снизился до уровня 2000 г. и составил 34,5% [11].

Растет разрыв между объемами строящегося жилья, приходящегося на 1000 человек городского и сельского населения. В 2006–2008 гг. ввод общей площади жилых домов в городах более чем на 111 м² превышал ввод в сельской местности, в 2010 г. – на 246,1 м².

Таблица 1

**Индекс развития человеческого потенциала по субъектам
Дальневосточного федерального округа (2001–2009 гг.) [12]**

Субъект ДФО	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
РФ	0,769	0,766	0,773	0,781	0,792	0,805	0,817	0,838	0,840
Республика Саха (Якутия)	0,766	0,784	0,782	0,790	0,797	0,799	0,796	0,842	0,855
Камчатский край	0,735	0,740	0,739	0,743	0,751	0,763	0,769	0,789	0,798
Приморский край	0,724	0,730	0,729	0,736	0,746	0,756	0,775	0,788	0,804
Хабаровский край	0,748	0,747	0,748	0,749	0,755	0,770	0,776	0,798	0,804
Амурская область	0,725	0,730	0,728	0,72	0,731	0,744	0,758	0,777	0,789
Магаданская область	0,744	0,776	0,774	0,765	0,776	0,785	0,772	0,811	0,817
Сахалинская область	0,745	0,749	0,746	0,755	0,765	0,788	0,818	0,842	0,855
Еврейская АО	0,701	0,702	0,705	0,705	0,717	0,734	0,742	0,761	0,762
Чукотский АО	0,721	0,774	0,768	0,746	0,738	0,741	0,752	0,796	0,809

Таблица 2

Рейтинги ИРЧП по субъектам Дальневосточного федерального округа [12]

Субъекты ДФО	Рейтинг 2002 г.				Рейтинг 2009 г.			
	ИРЧП	Индекс дохода	Индекс образования	Индекс долголетия	ИРЧП	Индекс дохода	Индекс образования	Индекс долголетия
Республика Саха (Якутия)	1	1	2	3	2	3	2	2
Камчатский край	6	7	5	4	7	6	6	4
Приморский край	7	8	6	5	5	7	4	1
Хабаровский край	5	5	1	7	6	8	3	3
Амурская область	8	6	4	8	8	5	5	6
Магаданская область	2	3	3	1	3	4	1	7
Сахалинская область	4	4	7	6	1	1	8	5
Еврейская АО	9	9	8	9	9	9	7	9
Чукотский АО	3	2	9	2	4	2	9	8

Для комплексной оценки уровня и качества жизни населения используется индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Чем ближе будет его величина к 1, тем выше развитие человеческого потенциала и короче путь, который надо пройти региону к достижению социально значимых ориентиров. Его динамика показывает в основном положительную тенденцию роста показателя, что благоприятным образом характеризует социально-экономическое положение субъектов ДФО. В целом ИРЧП Приморского края с 2001 г. увеличился, к 2009 г. составил 0,804 и занимает 5-е место среди дальневосточных регионов (1-е место по индексу долголетия, 4-е место по индексу образования и 7-е – по уровню доходов) (табл. 1, табл. 2).

Лидерами по значению ИРЧП (0,855), превышающему среднероссийский индекс (0,840) в 2009 г., была Сахалинская область, преимущественно за счет высокого значения индекса дохода – 1,014 (показатель душевого ВРП равен 43462 долл. США по паритету покупательной способности). Последнее место в рейтинге занимала ЕАО (0,762), вследствие низких значений ВРП на душу населения – 9849 долл. США по ППС, а также индекса образования и долголетия.

Экономический рост является одним из основных ресурсов человеческого развития в субъектах ДФО. В связи с этим первоочередной задачей ста-

новится эффективное преобразование прироста валового регионального продукта в социальные достижения.

Таким образом, происходящие демографические изменения в структуре населения региона, когда повышается доля населения старше трудоспособного возраста, существенным образом оказывают негативное влияние на общее состояние уровня жизни населения. Миграционный дисбаланс, в результате которого происходит замещение населения с более высоким уровнем капитализации населением с более низким уровнем, усугубляется отсутствием взаимодействия между мигрантами и местным населением, оказывается дополнительным фактором, выталкивающим местное население за пределы региона, что также отражается на общем состоянии уровня жизни населения. Статистика не улавливает качественных характеристик и взаимосвязи между демографическими и миграционными процессами, с одной стороны, и качественными характеристиками, отражающими уровень жизни населения, с другой. Следует обратить внимание на соотношение между совокупным человеческим капиталом данной территории и уровнем развития социальной инфраструктуры, обеспечивающей уровень жизни населения этой территории.

*****

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб./Росстат. – М., 2011.

2. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 г. (средний вариант). Стат. бюлл./Росстат. – М., 2009.

3. Демографический ежегодник Российской Федерации: Стат. сб./Госкомстат России. – М., 1994; Демографический ежегодник России: Стат. сб./Госкомстат России. – М., 2001; Демографический ежегодник России: Стат. сб./Росстат. – М., 2010.

4. Авдеев Ю.А. Дальний Восток – быть или не быть?// Материалы XIV Совещания географов Сибири и Дальнего Востока. Владивосток: Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток: Дальнаука, 2011.

5. Население Приморского края в 2005 году: Стат. сб./Приморскстат. 2006; Миграция населения Приморского края в 2007 г.: Стат. бюлл./Приморскстат. 2008; Миграция населения Приморского края в 2009 г.: Стат. сб./Приморскстат. 2010; Миграция населения Приморского края в 2010 г.: Стат. бюлл./Приморскстат, 2011.

6. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г./Под ред. А. А. Аузана

и С. Н. Бобылева. М.: ПРООН в РФ, 2011.

7. Труд и занятость в России. 2001: Стат. Сб./Госкомстат России – М., 2001; Труд и занятость в России. 2011: Стат. Сб./Росстат. – М., 2011.

8. Миграция населения Приморского края: Стат. бюлл./Приморскстат, 2010.

9. Ушакова В.Л. Качество жизни населения в сельской местности Приморского края: современное состояние и проблемы//Природные, медико-географические и социально-экономические условия проживания в Азиатской России: материалы научно-практической конференции. Владивосток: Дальнаука, 2012.

10. Российский статистический ежегодник. 2010: Стат. сб./Росстат. – М., 2010.

11. О ходе реализации национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России»/Приморскстат. 2011.

12. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. /Под ред. А. А. Аузана и С. Н. Бобылева. М.: ПРООН в РФ, 2011//Электронный ресурс/<http://atlas.socpol.ru>.

МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ¹

Мищук С.Н., Аносова С.В.

В работе проанализированы основные показатели социально-экономического развития и миграционных процессов в Еврейской автономной области за период с 2000 по 2010 гг. Показано, что ухудшение показателей механического движения населения в значительной степени обусловлено стагнацией промышленности и сельского хозяйства региона.

Ключевые слова: Еврейская автономная область, социально-экономическое развитие, миграция, уровень жизни.

Дальневосточный федеральный округ (ДФО) занимает первое место среди федеральных округов по площади, на его долю приходится 36,4% общей площади Российской Федерации, однако в нем проживает всего лишь 4,6% ее населения. В советское время государство стимулировало привлечение мигрантов в восточные районы страны. Тезис о привлечении и закреплении населения присутствовал в программах развития российского Дальнего Востока 1987 и 1992 гг. В соответствующей программе до 2010 г. этого тезиса уже не было. Хотя, именно данная территория всегда нуждалась в дополнительных человеческих ресурсах.

В настоящее время подход к обозначенной проблеме изменился. В Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. подчеркивается, что «противодействие потенциальной угрозе безопасности страны на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе может оказать ... стратегия комплексного социально-экономического развития этой территории, ориентированная на ускоренный рост ... экономического потенциала этой части страны, а также закрепление населения путем формирования комфортной среды обитания и оптимизации системы расселения» [1]. Таким образом, необходимость создания качественных жизненных благ в регионе признано на самом высоком уровне. Однако реальная картина социально-экономического развития, в том числе и миграционных процессов, регионов Дальнего Востока России далека от «программной».

В июне 2012 г. принята Концепция государственной миграционной политики РФ до 2025 г. В результате реализации третьего этапа данной Концепции (2021–2025 гг.) планируется сократить отток населения и достичь механического прироста

населения в ДФО. При этом важная роль отводится привлечению соотечественников из-за рубежа, а также трудовых мигрантов.

Динамика миграционных процессов в России и ДФО различна. Если в 1990-е гг. миграция населения для современной России стала важным элементом положительной динамики численности населения, «сглаживая» естественную убыль более чем на 50%, то для Дальнего Востока сложилась противоположная ситуация. В настоящее время отмеченные тенденции сохраняются: в 2009 г. общий коэффициент миграции населения в России составил 18,3, в ДФО, соответственно, –7,8. [2, с. 74; 3, с. 3]. Таким образом, с начала экономических и политических преобразований в стране по настоящее время сальдо миграции на Дальнем Востоке сохраняет устойчивое отрицательное значение.

В течение последних десяти лет в миграционных процессах ДФО ведущее место занимает межрегиональная миграция, доля которой в числе выбывших в 2000 г. составила 89,2%, в 2010 г. – 97,7%. В числе прибывшего населения доля межрегиональных мигрантов составила 72,4% и 94,0%, соответственно. В территориальном разрезе большая часть населения перемещается в рамках ДВ. Так, в 2010 г. 79,5% от общего числа прибывшего населения на Дальний Восток перемещались внутри рассматриваемого региона (в 2000 г. – 77,7%), в числе выбывшего – 59,6% (62,1%). Среди внешних территорий можно выделить Сибирский федеральный округ, занимающий лидирующее положение по числу прибывших мигрантов на территорию Дальнего Востока. В 2010 г. из данного округа в ДФО прибыло 35,7% от общего числа прибывшего населения в округ в рамках внутрисибирской миграции. К основным регионам выбытия

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 11-12-79003а/ «Трансформация социально-экономического развития территориально-хозяйственной системы: анализ и математическое моделирование (на примере Еврейской автономной области)».

населения из ДФО в 2010 г. относились Центральный и Сибирский федеральные округа, доля которых составила 30,9% и 22,8%, соответственно [4].

Южные субъекты ДФО характеризуются различной миграционной ситуацией, что в значительной степени обусловлено уровнем их социально-экономического развития.

По группировке субъектов РФ по степени влияния показателей естественного движения и миграции на изменение численности (проведено Росстатом) Еврейская автономная область (ЕАО) относится к типу субъектов, в которых население сокращается за счет естественной и миграционной убыли. По типологии Независимого института социальной политики область относится к регионам типа «Середина», слабоосвоенной зоны.

Целью данного исследования является сравнительный анализ миграционных процессов и показателей социально-экономического развития в ЕАО.

Миграционные процессы оказывают сильное влияние на демографическую ситуацию в области. Со времени образования и до 1990-х гг. ее население увеличивалось в основном за счет миграций, причем в 1930–1940-е гг. они имели чаще принудительный характер, а в последующие годы – добровольный. Сравнение демографических показателей в межпереписные периоды 1989–2002 гг. и 2002–2010 гг. отражают сохранение на протяжении данных периодов негативных тенденций, выражающихся в естественной и миграционной убыли населения ЕАО и как итог – сокращению численности его населения (табл. 1).

В миграционных процессах ЕАО «переломным» годом является 1992 г., когда число выбывших превысило число прибывших на территорию области почти на 2 тыс. человек. Отметим, что в преды-

дущем 1991 г. миграционное сальдо сохранялось положительным и достигало около 400 человек. На наш взгляд, основной причиной такого резкого изменения в потоках мигрантов в ЕАО послужили экономические процессы, которые происходили в России в начале 1990-х гг.

В целом за период с 1993 по 2010 гг. механическая убыль населения составила 14,6 тыс. человек, в том числе за счет международной миграции – почти 12 тыс. человек.

Внутрироссийская миграция оказывает определяющую роль в формировании миграционных процессов ЕАО: ее доля во внешней миграции достигает 90% и более.

На основе анализа данных Росстата выявлено, что основными поставщиками мигрантов на территорию ЕАО с 2003 по 2010 гг. являлись Дальневосточный и Сибирский федеральные округа. Дальневосточный, Центральный, Южный и Сибирский федеральные округа относятся к категории регионов выбытия населения области.

В межрегиональных потоках основная доля мигрантов ЕАО сосредоточена в пределах Дальневосточного федерального округа. В ЕАО с 2005 по 2009 гг. отмечалось положительное сальдо с регионами ДФО. Миграционный баланс ЕАО с субъектами округа в целом определяется динамикой миграционных процессов с Хабаровским и Приморским краями, Амурской областью. В 2010 г. ситуация изменилась, миграционный отток населения ЕАО в субъекты ДФО в данном году составил более 200 человек, при этом 70% убыло в Хабаровский край (рис. 1).

На наш взгляд, обозначенные негативные тенденции демографических процессов в области обусловлены низким уровнем ее социально-экономического развития.

Таблица 1

Основные показатели демографической ситуации в России, Дальневосточном федеральном округе и Еврейской автономной области*

	Общий прирост населения за межпереписной период		Численность населения, тыс. чел.			Коэффициент естественного прироста на 10 тыс. чел.			Коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. чел.		
	1989–2002 гг.	2002–2010 гг.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
РФ	-1,3	-1,6	147022	145167	142905	2,2	-6,5	-1,7	19	16	13
ДФО	-15,8	-6,0	7950	6693	6292	7,2	-3,3	-0,6	-49	-61	-44
ЕАО	-10,8	-7,5	214	191	176	8,2	-4,6	-1,9	-31	-23	-35

* с учетом корректировки на основе данных Всероссийской переписи населения 2010 г.

Источник: [5]

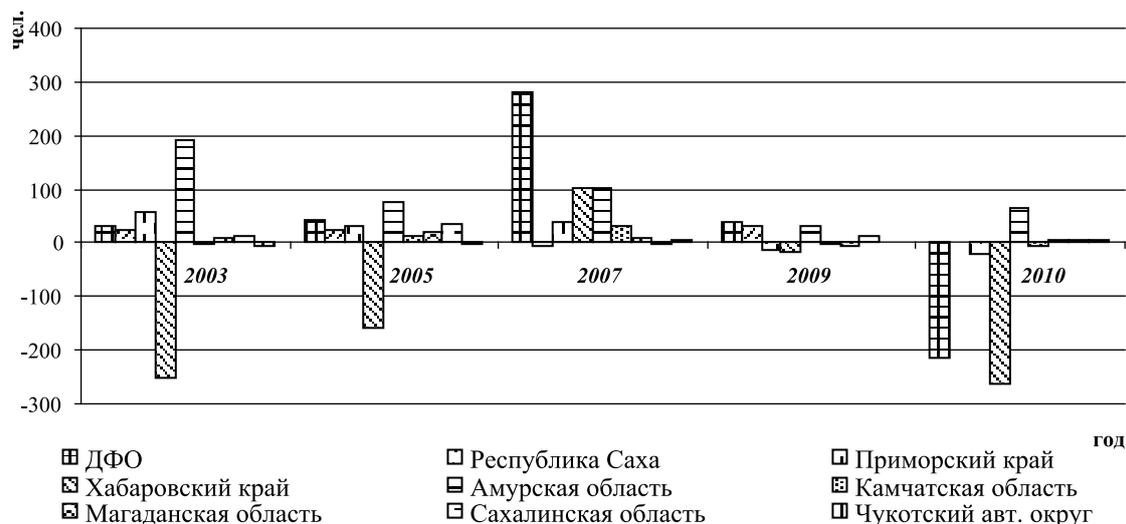

Рис. 1. Миграционное сальдо ЕАО с субъектами ДФО, чел.

Рассмотрим более подробно основные экономические и социальные показатели развития ЕАО.

Динамика количественных показателей промышленности на протяжении 2000–2010 гг. имеет положительные тенденции, характеризующиеся ростом объемов производства на 83% (ДФО – на 95%, РФ – на 47%). Ретроспективный анализ показывает, что, начиная с 1992 г., объемы промышленного производства в ЕАО постоянно снижались, достигнув своего минимального значения в 1998 г. – 15% от показателей 1991 г. Соответственно, значительное увеличение объемов связано с низкими показателями 2000 г. В целом, спад промышленного производства в Еврейской автономной области является наиболее длительным и сильным не только среди дальневосточных, но и среди российских регионов. По итогам 2010 г. только пять российских регионов не достигли 40-процентного уровня промышленного производства 1991 г. – ЕАО (36,7%), Нижегородская область (36,5%), Ивановская область (33,1%), Республика Северная Осетия – Алания (28,6%), Республика Алтай (25,4%).

Доля промышленного производства в ВРП в 3 раза ниже средних значений ДФО и РФ; объем отгруженной продукции собственного производства на душу населения – в 5,8 раза и 6,3 раза меньше по сравнению с аналогичным показателем по ДФО и РФ; ниже доля занятых в промышленности; доля основных фондов. Удельный вес инвестиций, направляемых в промышленное производство, в 2010 г. составил 15%, что в 2 раза ниже показателей Дальнего Востока и РФ в целом. Негативной можно назвать ситуацию с прибыльностью

промышленных предприятий автономии. Удельный вес убыточных промышленных предприятий составил почти 80%, что превышает в 2,5 раза среднероссийские показатели. Сальдированный финансовый результат, получаемый одним областным предприятием, в 2010 г. составил минус 360 тыс. руб., что говорит о неблагоприятном финансовом положении субъектов промышленности (табл. 2).

На протяжении рассматриваемого периода в промышленном комплексе ЕАО отмечаются такие негативные явления, как: снижение количества промышленных предприятий (на 21%), среднесписочной численности работников (на 28%) и доли занятых в промышленном производстве. Остается низким соотношение начисленной номинальной заработной платы в промышленности к средней в экономике, которое в 2010 г. составило 86%. При этом отметим, что некоторый рост данного соотношения в последние годы связан со строительством горно-обогатительного комбината и развитием добывающих отраслей, в которых средняя заработная плата на треть выше средней по Еврейской автономной области. В то же время, в обрабатывающих производствах заработная плата в 2 раза ниже среднеобластной.

Качественный анализ промышленности ЕАО позволил выделить основные проблемы ее развития: высокую степень физического и морального износа основных фондов предприятий, недостаточные темпы их обновления; наличие значительного числа предприятий с устаревшим технологическим укладом, не обладающих собственными инвестиционными ресурсами для обновления технологи-

Таблица 2

Основные показатели промышленности по Российской Федерации, Дальневосточному федеральному округу и Еврейской автономной области в 2010 г.

Показатели	РФ	ДФО	ЕАО
Доля промышленности в ВРП,%	32,7	34,5	10,3
Объём отгруженной продукции на душу населения, тыс. руб.	196,7	182,3	31,2
Доля занятых в промышленности,%	19,7	16,5	15,1
Доля основных фондов промышленности,%	25,6	35,2	20,9
Степень износа основных фондов в промышленности,%	43,9	28,0	34,8
Доля инвестиций в промышленный сектор экономики,%	39,2	29,1	15,0
Удельный вес убыточных организаций в промышленности,%	30,8	37,7	79,9
Сальдированный финансовый результат на одно предприятие, млн руб.	4,73	3,04	-0,36

Источник: [5]

ческой базы; острую нехватку оборотных средств; недостаточную инвестиционную активность большинства предприятий, инертность в работе с инвесторами; длительную недогрузку производственных мощностей предприятий, свидетельствующую о низкой конкурентоспособности выпускаемой ими продукции, недостаточном уровне обновления ассортимента, обусловившую во многом снижение их технологического и кадрового потенциала, потерю производственных навыков, опыта и квалификации персонала; низкую инновационную восприимчивость.

Характеризуя сельскохозяйственное производство, можно отметить, что общий объем производства сельскохозяйственной продукции в ЕАО в сопоставимых ценах в 2010 г. по сравнению с 2000 г. составил 160% (в РФ – 125%, в ДФО – 129%), в том числе растениеводстве – 179% (в РФ – 117%, ДФО – 129%), животноводстве – 105% (в РФ – 125%, ДФО – 116%). Таким образом, на рост показателей сельского хозяйства ЕАО основное влияние оказала динамика объемов в растениеводстве, темпы развития которого более существенны по сравнению с животноводством (106% в среднем за год и 101%, соответственно). Так, в 2010 г. валовый сбор сои превысил в 4 раза уровень 2000 г., овощей – на 31,9%, картофеля – на 18,5%, а сбор зерновых культур – снизился в 3,3 раза.

На конец 2010 г. сельскохозяйственные угодья во всех категориях хозяйств возросли на 12,8%, составив 206,6 тыс. га, посевные площади – на 36%, составив 108,4 тыс. га. Отметим, что основным фактором роста посевных площадей является увеличение посевов сои (в 2,8 раза) [6]. На положительную динамику выращивания сои повлиял постоянно растущий спрос со стороны потреби-

лей (рентабельность культуры до 45%). В ЕАО выращиванием сои занимаются как российские, так и китайские сельхозтоваропроизводители. По оценочным данным, сельскохозяйственными предприятиями со 100%-ным китайским капиталом в различные годы производилось от 30% до 55% сои, они использовали труд российских граждан с низкой оплатой труда. Несмотря на некоторую положительную динамику количественных показателей развития растениеводства в ЕАО, качественный анализ показывает, что оно стало более трудоемким, трансформировалось из крупных общественных хозяйств в мелкие личные подворья, во многом утратив свой индустриальный уровень и инновационный материально-технический потенциал. В результате растениеводство переместилось на гораздо более низкие позиции по производительности труда, уровню механизации и технической оснащенности, приняв во многом черты мелкотоварности с преобладанием ручного труда и примитивных технологий [7].

В период 2000–2010 гг. радикально изменилась структура посевных площадей: доля посевов под сою возросла с 32,5% до 66%, под зерновые культуры – снизилась с 43,8% до 13,5%. Общее сокращение посевных площадей под зерновые культуры (в 2,4 раза), снижение урожайности в отдельные годы привело к сокращению валового сбора зерна в 3,3 раза (с 19,6 тыс. т до 6 тыс. т), что, в свою очередь, негативно повлияло на обеспечение животноводства кормами.

Неудовлетворительное состояние собственной кормовой базы, опережающий рост цен на горюче-смазочные материалы, электроэнергию и другие материально-технические ресурсы, отсутствие убойных пунктов сельскохозяйственных живот-

ных, заготовительных пунктов сбора молочной продукции, недостаточное субсидирование явились факторами, сдерживающими развитие областного животноводства. Внутри самого животноводства ситуация существенно различается: в то время как его «скороспелая» динамичная подотрасль – свиноводство – с 2006 г. демонстрирует тенденцию роста, особенно в коллективно-фермерских хозяйствах, то более инерционное скотоводство, где оборот стада и капитала происходит гораздо медленнее, находится пока в кризисном состоянии. Так, в 2010 г. поголовье свиней возросло в 1,9 раза, а поголовье крупного рогатого скота снизилось на 27%, в том числе коров – на 33%. В течение 2000–2010 гг. увеличилось производство свинины, яиц при снижении производства говядины, молока. Спад в отдельные годы в производстве мяса, молока и другой продукции аграрного сектора привел к резкому сокращению поставок за пределы ЕАО сельскохозяйственной продукции и росту ввоза мяса и мясопродуктов, молока и молочных продуктов, яиц, овощей, овощных консервы и других продуктов питания.

В целом производители области не в состоянии удовлетворить в полном объеме потребности населения в сельскохозяйственной продукции, а рост ввозимой сельскохозяйственной продукции приводит к снижению управления процессами ценообразования со стороны областных органов власти на данный вид товаров.

Таким образом, в ЕАО за последние 10 лет отмечаются негативные тенденции развития промышленности и сельского хозяйства, что приводит к снижению уровня жизни местного населения.

Так, в ЕАО на протяжении 2000–2010 гг. наблюдаются низкие среднедушевые доходы, которые в отдельные годы на 20–40% в худшую сторону отличаются от среднероссийских и дальневосточных показателей. В частности, в 2010 г. средние душевые доходы жителя Еврейской автономной области в месяц составили 15,2 тыс. руб., при среднем показателе по Дальнему Востоку – 20,8 тыс. руб., по России – 18,9 тыс. руб. Заработная плата, назначенные пенсии жителей ЕАО также являются одними из самых низких среди дальневосточных регионов. Так, в 2000 г. средняя месячная заработная плата составляла 1,9 тыс. руб., что на 36% ниже средней оплаты труда по ДФО и на 11% среднероссийского уровня. В 2010 г. среднемесячная зарплата в ЕАО составила 19,7 тыс. руб., что на 24% и 6% ниже средних показателей по ДФО и РФ соответственно. Наиболее

низкой остается оплата труда работников, занятых в сельском хозяйстве, обрабатывающей промышленности (в том числе на предприятиях, выпускающих продовольственные товары, трикотажные, швейные, металлические изделия), образовании, здравоохранении. В 2010 г. номинальная заработная плата одного работника в сельском хозяйстве составила 9,5 тыс. руб., или 48% от среднего уровня начисленной заработной платы по Еврейской автономной области, в обрабатывающей промышленности – 13,5 тыс. руб., или 68% от средней заработной платы. Средний месячный размер назначенных пенсий в 2010 г. в ЕАО составил 7,3 тыс. руб., в ДФО – 8,9 тыс. руб., в РФ – 7,6 тыс. руб. При этом на протяжении 2000–2010 гг. отмечается увеличение разрыва величины средних назначенных пенсий жителей области и средних пенсий по Дальнему Востоку и России в целом [5].

Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в ЕАО в течение 2000–2010 гг. остается одной из самых высоких среди дальневосточных регионов: в 2000 г. – 57,3% (в РФ – 29%), в 2010 г. – 19,7%, уступив первое место по величине показателя Амурской области (в РФ – 12,6%).

Еврейская автономная область опережает другие субъекты РФ по уровню общей преступности на 100 тыс. населения. В 2000 г. ЕАО занимала 2-е место по уровню преступности среди российских регионов, превысив в 1,6 раза число зарегистрированных преступлений по сравнению со средними показателями по РФ. За анализируемый период времени уровень преступности в ЕАО снизился, Еврейская автономная область в 2010 г. заняла 17-е место среди субъектов РФ, превысив среднероссийские значения на 24%. Среди регионов ДФО ЕАО в 2000 г. по уровню преступности занимала 1-е место, в 2010 г. – 3-е место. В структуре преступлений преобладают кражи (63%) и преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (19%), что характерно для ДФО в целом.

Негативные процессы отмечаются в системе здравоохранения. В области отсутствуют учреждения здравоохранения, относящиеся к первому уровню, то есть оказывающие высокотехнологичную специализированную медицинскую помощь (при нормативном показателе – одно учреждение). В течение 2000–2010 гг. сократилось число врачебных учреждений, оказывающих амбулаторно-поликлиническую помощь с 35 до 30 единиц. Меньше нормативного значения количество фельдшерско-акушерских пунктов, которое в ЕАО со-

ставляет 64 при нормативе 69. Количество больничных коек на 10 тыс. населения в области возросло на 7,6% и составило 146,7 (при средних показателях по ДФО – 108,8, по РФ – 93,7), что связано с высокими показателями обеспеченности койками исправительных учреждений. В целом, обеспеченность больничными койками круглосуточных стационаров сельского населения почти в 7 раз ниже, чем городского.

Среди негативных тенденций можно отметить постоянное сокращение численности врачей и среднего медицинского персонала. Уровень обеспеченности врачами в ЕАО в 2010 г. составил 35,4 врача на 10 тыс. населения, что на 29% ниже по сравнению с РФ и на 37% по сравнению с ДФО, соответственно, численность населения на одного врача (нагрузка) на 42–58% выше по сравнению со средними показателями по РФ и ДФО. По итогам 2010 г. ЕАО занимала 70-е место в РФ по обеспеченности врачами на 10 тыс. населения. Отметим, что наблюдается ярко выраженная диспропорция между обеспеченностью врачами в административном центре (56,7) и в районах ЕАО, где показатель колеблется от 11,7 до 35,4 на 10 тыс. населения. В областных учреждениях здравоохранения наибольшая потребность в педиатрах, неврологах, кардиологах, гинекологах, хирургах, анестезиологах, психотерапевтах, врачах общей практики.

Сокращение численности среднего медицинского персонала за анализируемые годы составило 2%, но обеспеченность медицинским персоналом на 10 тыс. населения возросла со 114 до 122,1 (при средних показателях по ДФО – 109,7, по РФ – 105,6). ЕАО занимает 21-е место в РФ по обеспеченности средним медицинским персоналом на 10 тыс. населения. Высокие показатели обеспеченности средним медицинским персоналом объясняются, на наш взгляд, наличием медицинского колледжа, в котором ежегодно обучаются около 500 студентов на фельдшерском и сестринском отделениях. Однако персонал неравномерно распределен по районам, в результате чего наблюдается превышение показателя обеспеченности в городской местности по сравнению с сельской в 2,5 раза.

Заболеваемость населения области в 2010 г. составила 707,9 больных на 1000 чел., что на 14% выше по сравнению с 2000 г. (в РФ – рост составил 7%, в ДФО – 12%). Наблюдается рост уровня заболеваемости эндокринной системы (в 2,3 раза), психических расстройств (в 2 раза), систем кровообращения (в 1,8 раза), костно-мышечной системы

(на 71%), органов пищеварения (на 33%), органов дыхания (на 21%), новообразований (на 7%). В два раза по сравнению с РФ выше уровень врожденных аномалий, хромосомных нарушений, на 60% – болезней органов пищеварения, на 30% – инфекционных заболеваний, на 11% – болезней эндокринной системы.

Результатом негативных тенденций в социально-экономическом развитии региона является снижение качества и уровня жизни населения (табл. 3).

Вследствие сохраняющихся негативных тенденций социально-экономического развития демографическая ситуация в области характеризуется естественной и механической убылью населения. Если процессы рождаемости и смертности в значительной степени зависят не только от объективных (социально-экономическое положение в регионе), но и субъективных причин (состояние здоровья, образ жизни населения), то динамика миграционных процессов отражает в большей степени значимость объективных составляющих. К сожалению, ЕАО не является привлекательным регионом для иммигрантов – область значительно удалена от основных культурных и экономических центров страны, уровень развития экономики региона не позволяет рассчитывать на получение высокого уровня доходов, социальные условия в среднем ниже общероссийских.

С целью стабилизации и улучшения демографической ситуации в ЕАО, в 2011 г. утверждена областная Концепция демографической политики до 2025 г. Реализация Концепции будет осуществляться в три этапа: 2012–2015 гг., 2016–2020 гг., 2021–2025 гг. К 2016 г. предполагается достижение следующих показателей: численность населения области составит 179 тыс. человек; показатель ожидаемой продолжительности жизни 67 лет; увеличение в 1,1 раза по сравнению с 2006 г. суммарного коэффициента рождаемости, снижение уровня смертности населения на 25%; снижение оттока населения области при увеличении числа соотечественников, привлекаемых для постоянного проживания в области.

Вполне вероятно, что достижение поставленных показателей в части миграции за счет роста числа привлекаемых в область соотечественников маловероятно. Так, за два года реализации программы «Оказание содействия добровольному переселению в ЕАО соотечественников, проживающих за рубежом» на начало 2012 г. в ЕАО получи-

Таблица 3

**Основные показатели социально-экономического развития Российской Федерации,
Дальневосточного федерального округа, Еврейской автономной области в 2000 г., 2010 г.**

Показатели	РФ		ДФО		ЕАО	
	2000 г.	2010 г.	2000 г.	2010 г.	2000 г.	2010 г.
ВРП на душу населения, тыс. руб.	39,5	261,7	44,9	334,4	19,5	184,1
Индекс производства сельскохозяйственной продукции к уровню 2000 г.,%	100	125	100	129	100	160
Индекс промышленного производства к уровню 2000 г.,%	100	147	100	195	100	183
Среднедушевые денежные доходы населения, руб. в месяц	2281	18881	2498	20809	1489	15249
Среднемесячная заработная плата, руб.	2223	20952	3113	25814	1982	19718
Средний размер назначенных пенсий, руб. в месяц	823	7594	940	8899	806	7325
Удельный вес населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	29,0	12,6	28,3	19,1	57,3	19,7
Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. человек	2014	1839	2570	2280	3198	2273
Число больничных коек на конец года, на 10 тыс. человек	115,0	93,7	128,0	108,8	136,4	141,1
Обеспеченность населения врачами всех специальностей на конец года, на 10 тыс. человек, чел.	46,8	50,1	52,2	55,8	35,8	35,4
Обеспеченность средним медицинским персоналом на конец года, на 10 тыс. человек, чел.	107,6	105,6	109,8	109,7	114,0	122,1
Заболеваемость населения (зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни), на 1000 чел.	730,5	779,6	740,9	830,6	622,4	707,9
Средняя ожидаемая продолжительность жизни, лет	65,27	68,67*	63,87	65,86*	62,53	63,34*
Уровень общей безработицы (в среднем за год; в процентах к экономически активному населению),%	10,6	7,5	12,6	8,7	15,0	9,4

* – данные за 2009 г.

Источник: [5, 8]

ли свидетельство участника Программы 103 человека, в том числе 80 соотечественников, имеющих разрешение на временное проживание. При этом планировалось за данный период оформить 344 свидетельства участникам Программы. Миграционная убыль населения области за 2010–2011 гг. составила более двух тыс. человек.

Таким образом, анализ демографической ситуации в ЕАО за период с 2000 по 2011 г. отражает сохранение негативных тенденций в части как

естественного, так и механического движения населения. На наш взгляд, стабилизация показателей возможна лишь при улучшении социально-экономической ситуации в регионе, в первую очередь, при условии восстановления промышленного и сельскохозяйственного потенциала Еврейской автономной области, что позволит снизить социальную напряженность в регионе и сделать его более привлекательным как для местного населения, так и для мигрантов.

*****

1. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – http://www.eao.ru/state/government/strategy/strategy_0402.rar (дата обращения – 20.04.2011).

2. Демографический фактор в социально-экономическом развитии региона (на примере Пермской области)/Под ред. д.э.н., профессора В.А. Ионцева. – М.: ТЕИС, 2004.

3. Сводка «Численность населения Еврейской автономной области и регионов Дальневосточного Федерального округа на 1 января 2010 г.». – Биробиджан: Еврстат, 2010.

4. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2010 г.: Стат. бюллетень. – М.: Росстат, 2011.

5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. Стат. сб. – М.: Росстат, 2011.

6. Статистический ежегодник Еврейской автономной области: Стат. сб. – Биробиджан: Еврстат, 2011.

7. Аносова С. В. Сельское хозяйство Еврейской автономной области в конце XX начале XXI вв.//Региональные проблемы. 2011, Т. 14, № 1.

8. Валовой региональный продукт в текущих ценах на душу населения – (1998–2010 гг.) [Электронный ресурс]//Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>.

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА (на примере Владивостока)

Мошков А.В.

В основе представленной работы лежит экономико-географический анализ Концепции социально-экономического развития г. Владивостока и Владивостокской агломерации на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: уровень жизни населения, стратегия социально-экономического развития, SWOT-анализ направлений развития муниципального образования, модели развития городов.

Главной целью разработки стратегии развития г. Владивостока является повышение качества жизни населения и создание благоприятной среды жизнедеятельности граждан, за счет устойчивого экономического роста [5, с. 3–10]. С момента основания Владивостока и до настоящего времени важнейшая составляющая экономического потенциала города представлена предприятиями машиностроения, в том числе судостроения и судоремонта. При этом следует учитывать, что управленческие решения, принимавшиеся при создании и развитии города, имели целью укрепление геополитического положения России в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), её обороноспособности, а не только экономическую целесообразность [1, с. 108–115]. Важнейшими факторами развития города выступают выгодное экономико-географическое положение и достигнутый научно-технический потенциал.

С началом рыночных реформ резко снизился государственный оборонный заказ, многие объекты (коммунальные службы, жилые дома и др.) были выведены из состава министерства обороны и переданы на баланс местных муниципалитетов. В этих условиях возросло значение экономического обоснования принимаемых решений на всех уровнях управления. Складывающаяся ситуация потребовала изменения технологии муниципального управления. Наряду с оперативным управлением необходимо освоение стратегического управления. Сокращение внешнего финансирования требует перехода к политике малых приращений, что влечет за собой усиление функции планирования, согласования интересов всех участников местного

сообщества. Следует отметить значительные финансовые инвестиции из федерального центра, направленные в развитие инфраструктуры города, в связи со строительством объектов Саммита АТЭС 2012 г. во Владивостоке. В результате реализации программы подготовки к Саммиту, в городе появились очистные сооружения, реконструированы дороги, построены мосты и новые автомобильные магистрали, построены корпуса Дальневосточного федерального университета, новые гостиницы и т.д. В результате существенно улучшилось качество жизни населения, созданы условия для развития благоприятной среды жизнедеятельности (в первую очередь, в сфере образования).

В основе представленной работы лежит экономико-географический анализ Концепции социально-экономического развития г. Владивостока и Владивостокской агломерации на долгосрочную перспективу, разработанную творческим коллективом Тихоокеанского института географии, Международного института конъюнктуры и прогнозирования с участием сотрудников администрации города и утвержденную Администрацией г. Владивостока (**Постановление Администрации г. Владивостока от 9 июля 2003 г. № 1658**).

Одна из целей стратегического управления – установление баланса между соперничеством и конкуренцией различных субъектов в экономической, предпринимательской и общественной сфере жизни, с одной стороны, и стремлением к сотрудничеству, с другой стороны. Стратегическое управление подразумевает разработку стратегического плана и создание механизмов его реализации. Предполагаются следующие этапы разработки Стратегического плана [6, с. 212–228; 10, с. 1–5].

Формирование Концепции стратегического развития муниципального образования

Важнейшими элементами концепции являются понимание **современного состояния** и **проблем**, стоящих на пути развития, а также собственных ресурсов и важнейших факторов внешней среды (рис. 1).

Опираясь на это понимание можно сформулировать цели, предполагающие преодоление существующих проблем или уменьшение их влияния. Это подразумевает опору на ресурсы города, использование благоприятных внешних возможностей.

Современное состояние экономики и социальной сферы г. Владивостока

Общая площадь земель г. Владивостока – 561,5 км². В городе проживает 616,086 тыс. чел. (на 1 января 2011 г.). Среднегодовая численность занятых в экономике 365,3 тыс. человек. Официально зарегистрировано 2527 чел. безработных (2011 г.). В то же время заявленная организациями потребность в работниках составила 16882 чел. Численность пенсионеров составля-

ет на 01.01.2011 г. – 148722 чел., или 24,1% населения города [4, с. 10–27]. Последние годы характеризуются сокращением численности населения (с 1990 г. население города Владивостока сократилось с 672,4 тыс. чел. до 616,1 тыс. чел, то есть на 56,3 тыс. чел.). Сокращение населения произошло как за счет отрицательного естественного прироста (ежегодная естественная убыль населения составляла в 2000-е гг. около 1 тыс. чел. в год), так и за счет отрицательного сальдо миграции. В 2010 г. в городе отмечалась естественная и миграционная убыль населения (соответственно, 1003 чел. и 1921 чел.).

Среднемесячная заработная плата за 2010 г. в городе достигла 26617,8 руб. (средняя по краю – 21895,2 руб.). Заработная плата в городе выше среднего уровня по Приморскому краю. Однако межотраслевой размах средней зарплаты достигает 2,3 раза (начисленная заработная плата в добыче полезных ископаемых – 41619 руб. и в сельском хозяйстве – 18369 руб.).

В доходах местного бюджета наиболее высокая доля налогов на прибыль (доход), прирост капитала, доходы от имущества, находящегося в му-

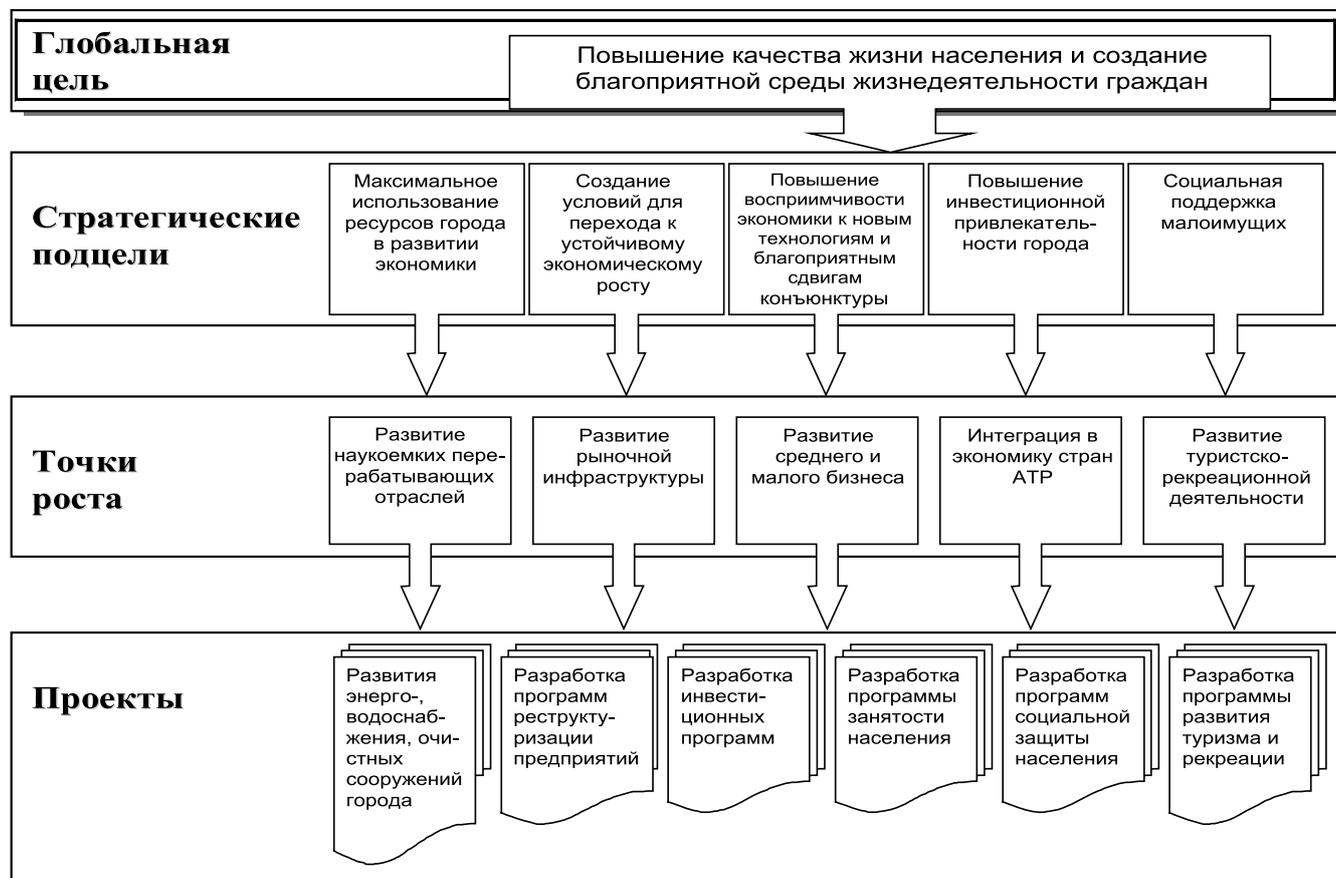

Рис. 1. Структура целей Стратегического плана устойчивого развития г. Владивостока. *Источник:* [10]

ниципальной собственности, или деятельности, безвозмездные перечисления. Большая часть бюджета формируется за счет поступлений от базовых предприятий города.

Во Владивостоке 91,6% предприятий и организаций относится к частной форме собственности (в 2005 г. было – 84,8%). На долю муниципальной и государственной собственности приходится всего 2,2% (в 2005 г. – 3,4%) предприятий и организаций. Основная доля предприятий и организаций в торговле и общественном питании – 42,3% (в 2005 г. – 43%), а также промышленность (добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды) – 6,3% (в 2005 г. – 11%). В городе отмечается тенденция снижения численности предприятий, действующих в сфере производства товаров.

В городе существует и успешно функционирует вся номенклатура учреждений дошкольного, школьного и дополнительного образования, развита система коррекционных учреждений. Профессиональное образование представлено полнопрофильной структурой – училища, колледжи, институты, университеты, НИИ Российской Академии наук. В городе 120 дошкольных образовательных учреждений, которые посещают 19254 чел. (2010 г.); 99 государственных дневных общеобразовательных учреждений, где обучаются 50511 чел.; 19 средних специальных учреждения (в них обучаются 13075 чел.); 11 государственных высших учебных заведения (68812 чел. студентов) и 5 негосударственных высших учебных заведения (3467 чел. студентов). С 2004 г. отмечается снижение численности школ, средних специальных и высших учебных учреждений и численности обучающихся в них учащихся.

Муниципальное здравоохранение включает 88 врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений, где работают 6082 врачей (2010 г.). Действует сеть муниципальных и частных аптек. В городе также существует система ведомственных учреждений здравоохранения, санаторно-курортные организации.

Культурная сфера представлена тремя профессиональными драматическими театрами, дворцами культуры, общедоступными библиотеками, сетью музыкальных и художественных школ, музеями, кинотеатрами.

Жилищный фонд города включает 11468,3 тыс. м², или в среднем на одного жителя приходится

18,7 м² общей площади (2004 г.). В 2005 г. основная доля жилищного фонда (68%) находилась в частной собственности, на муниципальную собственность приходилось 27% жилищного фонда. Более 90% жилья оснащено водопроводом, канализацией, центральным отоплением, ваннами, горячим водоснабжением. По состоянию на начало 2004 г., более 10681 семей стоят в очереди на улучшение жилищных условий.

В городе развита система транспортного обслуживания населения (автобусы, такси, трамваи, троллейбусы, морской прибрежный транспорт). Общая протяженность автодорог общего пользования местного значения – 115,7 км. Основным видом пассажирского транспорта является автобус (в 2010 г. перевезено 26253,3 тыс. чел.), значительный объем пассажиров перевозится морским транспортом.

В сфере услуг действует несколько сот специализированных муниципальных и частных предприятий и индивидуальных предпринимателей. Это один из наиболее успешных видов экономической деятельности, где отмечается постоянный рост объемов оказанных платных услуг населению. Наиболее развиты услуги парикмахерских, услуги фотографий и фото- и кинолабораторий, ремонт одежды и обуви, услуги прачечных, химическая чистка и крашение, техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта, ремонт бытовой радиоаппаратуры, бытовых машин и приборов, ремонт и изготовление металлоизделий, услуги автостоянок. Населению в 2010 г. они оказали платных услуг на сумму 42331,7 млн руб. (2004 г. – 16112,9 млн руб.). Во Владивостоке несколько сот предприятий розничной торговли и общественного питания. Оборот розничной торговли в 2010 г. составил 93419,1 млн руб. (в 2004 г. – 34610,9 млн руб.), оборот общественного питания – 3711,1 млн руб., или 50,6% от всего оборота общественного питания в Приморском крае. В городе функционирует система мониторинга окружающей среды.

Проблемы, внутренние ресурсы и внешнее окружение

Для анализа потенциала в стратегическом планировании обычно определяются преимущества и недостатки города в конкуренции с другими городами за инвестиции и создание новых рабочих мест, а также благоприятные возможности внешней среды и определяемые ею опасности. Резуль-

таты такого анализа для Владивостока приведены в табл. 1. Рассмотрение конкурентных преимуществ должно сочетаться с анализом кооперационных возможностей. Кооперация на разных уровнях взаимодействия, включая схемы социального партнерства, позволяет определять основные направления конкретных действий стратегического и тактического характера.

Анализ направлений развития Владивостока и возможных угроз при их реализации представлен в табл. 2.

Цели развития до 2020 года

Целеполагание является ключевой стадией стратегического управления, так как формулирование нереалистичных, необоснованных целей или целей, не имеющих механизмов их достижения, одинаково обречены на неудачу.

На стадии формулирования целей становится очевидной роль Концепции стратегического развития как **инструмента формирования сотрудничества и развития** различных субъектов местного сообщества. С другой стороны, Концепция, как и стратегический план в целом, является **инструментом управления** муниципальным образованием.

Развитие любого города возможно только с опорой на его экономическое развитие. Местное экономическое развитие осуществляется посредством:

- эффективного использования местных ресурсов;
- поощрения частного предпринимательства;
- создания новых рабочих мест;
- порождения новых источников личных доходов, способствующих повышению уровня жизни;
- расширения налогооблагаемой базы для увеличения доходной части местного бюджета.

Опираясь на понимание проблем, сформулированы следующие цели развития г. Владивостока:

- развитие экономического и научно-технического потенциала Владивостока.
- Развитие туристско-рекреационной деятельности в г. Владивостоке (в первую очередь на островных территориях).
- Повышение качества и уровня жизни населения.

Опыт мирового развития показывает, что экономические центры, основу которых создают городские системы, имеют несколько моделей раз-

вития [7, с. 51–54]. Экономическая деятельность в крупных городах (например, г. Владивосток), как правило, более диверсифицирована и ориентирована, в основном, на услуги: здесь создаются инновации, организуются новые фирмы, в том числе филиалы, ликвидируются отдельные производства. Города меньше тяготеют к узкоотраслевой специализации, где могут размещаться филиалы обрабатывающих предприятий, созданные на базе крупных диверсифицированных городов. Относительное распределение городов по размеру и концентрации промышленности в них обычно достаточно стабильны во времени. Городские системы, как правило, состоят из нескольких крупных диверсифицированных центров и множества более мелких специализированных городов.

Современная мировая экономика характеризуется нарастающими и периодически ускоряемыми преобразованиями структуры промышленности и хозяйства в целом [3, с. 307]. В результате происходит увеличение дифференциации производства продукции и услуг, что усиливает восприимчивость промышленности и хозяйства в целом к информации и стимулирует развитие информационных технологий. Важнейшими элементами подобной «инновационной связки», преобразующей современное хозяйство, являются новые технологии, включая материальную инженерию и биотехнологию. Крупный экономический центр (Владивосток), прежде всего, может использовать эти прогрессивные особенности развития мировой экономики.

Координация развития подобных экономических процессов в крупных городах, к которым, безусловно, относится Владивосток, может осуществляться в развитии формы сетевой организации экономики. Сетевая экономика может выступать весьма эффективным инструментом реализации хозяйственной политики города. Поскольку в крупных экономических центрах происходят процессы постоянного углубления фрагментации хозяйственной структуры (появляются новые виды экономической деятельности), при этом согласование дифференцированных видов деятельности может принести городу значительный синергетический эффект. При этом обязательное условие для использования механизмов сетевой экономики – создание условий для взаимодействия элементов, формирование связей соответствующих сетей и эффективных механизмов их функционирования [3, с. 303–311].

Таблица 1

SWOT-анализ направлений развития города Владивостока (Оценка сильных и слабых сторон)

№ п/п	Фактор	Оценка фактора сильная сторона +1, слабая сторона – 1
1	Уникальное географическое положение	+1
2	Природные условия	+1
3	Статус города (район краевого центра)	+1
4	Население:	
	- образовательный уровень	+1
	- структура населения	+1
5	Социальная сфера	
	- уровень обеспеченности населения в социальной сфере	-1
	- дифференциация доходов населения	-1
	- высокий уровень заработной платы (для работающих на предприятиях и организациях г. Владивостока)	+1
	- высокие расходы	-1
	- обеспеченность жильем	+1
	- структура расходов	-1
6	Рынок труда	
	- низкий уровень безработицы	+1
	- наличие скрытой безработицы	-1
	- рост числа трудоустроенных	-1
7	Здравоохранение	
	- доступность медицинской помощи в местах проживания на островных территориях	-1
	- отсутствие некоторых видов медицинской помощи в местах проживания населения (в т.ч. на островных территориях)	-1
8	Градостроительство	
	- развитая система инженерных коммуникаций	+1
	- рост износа инженерных коммуникаций	-1
9	Экономика и финансы	
	- низкий процент дотаций городского бюджета в местные бюджеты поселений	-1
	- слабая конкуренция	-1
	- наличие свободных производственных мощностей	+1
	- дешевая рабочая сила	+1
	- рост износа основных средств	-1
10	Система управления городом	
	- наличие Концепции и программы развития города, в т.ч. островных территорий	+1
11	Экология	
	- отсутствие очистных сооружений	-1
	- наличие лесной зоны	+1
	- наличие загрязненности прибрежной зоны	-1
	- наличие превышения ПДК	-1
	- неиспользуемые объекты инфраструктуры Тихоокеанского флота на территории и акватории островов	-1
	- близость к заповедникам (Дальневосточному морскому и Кедровая падь)	+1

Таблица 2

SWOT-анализ направлений развития города Владивостока (Возможности и угрозы)

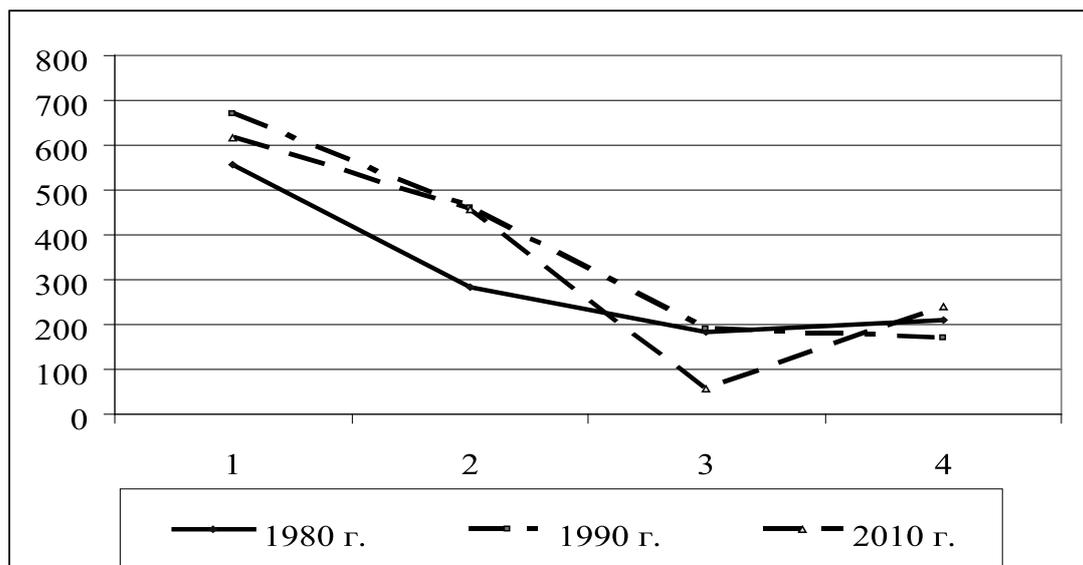
№ п/п	Фактор	Возможности	Угрозы
1	Правительство	1) увеличение роли города в ДВФО, стране, АТР	1) отмена всех дотаций и преференций
		2) поддержка города краевой властью	2) возможный конфликт интересов городских и краевых властей
		3) включение города в различные государственные и краевые программы	3) исключение города из государственных и краевых программ
2	Экономика	1) рост спроса на квалифицированные кадры	1) банкротство обрабатывающих предприятий
		2) рост спроса на продукцию из морских биоресурсов	2) рост числа предприятий в городе и крае, выпускающих аналогичную продукцию
		3) рост числа принятых работников	3) рост числа безработных, снижение численности трудоспособного населения
3	Социальная сфера	1) рост платежеспособности населения	1) снижение платежеспособности населения
		2) улучшение имиджа островных территорий	2) ухудшение имиджа островных территорий из-за слабой инфраструктурной обустроенности
4	Инфраструктура	1) инфраструктурное благоустройство островных территорий,	1) отсутствие качественных автомобильных дорог, надежной связи с материковой частью города
5	Технологии	1) освоение современных технологий	1) отсутствие возможности осваивать современные технологии, в т. ч. по производству продукции биотехнологии
6	Экология	1) поддержанием имиджа образцового экологически чистого района в городе	1) отсутствие очистных сооружений как в городе, так и на островах, загрязнение территории и прилегающей акватории
7	Общество	1) повышение роли и влияния каждого члена общества социально-экономическое развитие островных территорий города, в т. ч. и на основе новых информационных технологий	1) индивидуализм, отсутствие желания защищать свои интересы

Первую группу образуют экономические центры, которые в перспективе сохранят преимущественно добывающие виды деятельности. В основе производства этих центров, как в настоящее время, так и в перспективе будут лежать добыча и первичная переработка минерального сырья (цветные металлы, уголь, заготовка древесины). Уникальные свойства данных природных ресурсов, их высокое качество и разнообразие, обеспечивают стабильный спрос на эту продукцию на рынках сырья и материалов в странах АТР.

Вторую группу составляют экономические центры, в которых добывающие виды деятельности будут дополнены обрабатывающими видами и сферой услуг. Такое развитие экономических центров существенно изменит их структуру произ-

водства. В первую очередь, следует отметить экономические центры, располагающие богатейшими природными ресурсами, выгодным экономико-географическим положением, близостью к потребителям, а также находящиеся в сравнительно благоприятных природно-климатических условиях (Дальнегорск, Лучегорск).

В третью группу входят экономические центры, в которых преимущественное развитие будут иметь обрабатывающие виды деятельности и сфера услуг. Сюда относятся, в первую очередь, крупный экономический центр (Владивосток), средние центры (Находка и Уссурийск) и малые центры (Арсеньев, Спасск-Дальний), которые и в настоящее время имеют наиболее диверсифицированную структуру производства, сравнительно развитую

Источник: [4, с. 10; 8, с. 10–15; 9, с. 8–12].

Рис. 2. Распределение относительного размера экономических центров (городов) Приморского края в 1980 г., 1990 г. и 2010 г.

инфраструктуру, существенный демографический потенциал.

Владивосток располагает так же и значительным научно-техническим потенциалом, который в перспективе будет выступать важнейшим фактором развития производства. Выгодное транспортно-географическое положение обеспечивает этим экономическим центрам возможность развития транспортно-логистических видов деятельности (как крупных транспортных узлов).

Таким образом, территориальные сочетания экономических центров (разных по размерам и структуре производства) формируют весь своеобразный «портфель экономических центров», который остаётся стабильным на долгое время (при разной динамике численности населения, росте их доходов) [3, с. 122–125]. (Новый взгляд на экономическую географию, 2009). Подобные сочетания экономических центров или региональных «портфелей экономических центров» является для Приморского края довольно стабильной величиной (рис. 2). Наибольшие изменения затронули малые города, где в 2000-е гг. отмечалось снижение численности населения из-за снижения естественного прироста и миграции населения в крупные и средние города. Главная причина убыли населения в таких моногородах – свертывание производства из-за низкого спроса на продукцию добывающих предприятий горной, лесной и деревообрабатывающей промышленности.

Экономические центры: 1 – крупные с численностью населения более 500 тыс. чел.; 2 – средние (численность населения 500–101 тыс. чел.); 3 – малые (численность населения 100–50 тыс. чел.); 4 – мелкие (численность населения до 50 тыс. чел.).

В пределах Приморского края из сложившихся экономических центров (городов) наиболее перспективными представляются следующие (с их соответствующими территориальными звеньями): [2, с. 21–24; 6, с. 212–218]:

- Владивостокский – транспортно-логистическая деятельность, судостроение, автомобилестроение, приборостроение, производство медицинской техники, выпуск пищевой продукции из рыбы и морепродуктов, биохимия (производство медицинских препаратов и пищевых добавок из морского сырья и дикоросов Уссурийской тайги), туристско-рекреационная деятельность.
- Находкинский – машиностроение (судостроение и судоремонт), транспортно-логистическая, туристско-рекреационная деятельность, нефтехимическое производство, рыбообработка, деревообработка.
- Большекаменский – масштабное судостроение и судоремонт, в том числе для военно-промышленного комплекса, рыбообрабатывающая промышленность.
- Арсеньевский – машиностроение (авиационное производство, выпуск приборов и оборудования, ракетных комплексов).

- Дальнегорский – металлургическое, горно-химическое производства, лесозаготовка и деревообработка.
- Уссурийский – машиностроение, транспортно-логистическая деятельность, пищевые, биохимические производства на базе сельскохозяйственного сырья и дикоросов тайги.
- Дальнереченский – лесопереработка полного цикла, транспортно-логистическая деятельность.
- Лесозаводский – лесопереработка полного цикла, транспортно-логистическая, а также туристско-рекреационная деятельность, развитие курортного хозяйства.
- Спасский – стройиндустрия, транспортно-логистическая деятельность, машиностроение.

Следует отметить, что Владивосток как высокотехнологичный экономический центр с высокой инновационной активностью в дальнейшем будет развиваться преимущественно на основе достигнутого здесь научного, производственного, кадрового и пр. потенциала, диверсификации межотраслевых связей и выгод транспортно-географического положения.

Изменение статуса города в национальной и региональной иерархии возможно в результате выбора и реализации эффективной или неэффективной региональной политики. При этом, как показывает практика, понижение статуса экономического центра может иметь долгосрочные негативные последствия для уровня жизни населения.

*****

1. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. – Владивосток: Дальнаука, 2009.

2. Бакланов П.Я., Мошков А.В., Романов М.Т. Территориальные структуры хозяйства и экономические районы в долгосрочном развитии//Вестник ДВО. – Владивосток, 2011.

3. Доманьский Р. Экономическая география: динамический аспект: пер. с пол. – М.: Новый хронограф, 2010.

4. Итоги деятельности городских округов и муниципальных районов Приморского края за 2010 г.: Бюллетень. – Владивосток: Приморскстат, 2011.

5. Концепция социально-экономического развития г. Владивостока и агломерации: основные положения/Кол. авт., Под ред. В.И. Ознобихина и В.И. Преловского. – Материалы к проекту «Генерального плана г. Владивостока». – Владивосток: ТИГ ДВО РАН, ОАО «Приморгражданпроект», 2002.

6. Мошков А.В. Структурные изменения в региональных территориально-отраслевых системах промышленности российского дальнего Востока. – Владивосток: Дальнаука, 2008.

7. Новый взгляд на экономическую географию//Доклад о мировом развитии. – М.: Изд-во «Весь Мир». Издано для Всемирного банка, 2009.

8. Народное хозяйство РСФСР в 1979 г.: Стат. Ежегодник/ЦСУ РСФСР. – М.: Статистика, 1980.

9. Состав и движение населения Приморского края за 1979–1991 гг. – Владивосток: Приморское краевое управление статистики, 1992.

10. Программа комплексного социально-экономического развития муниципального образования «Северодвинск» как наукограда на 2007–2011 гг., http://arkhangelsk.news-city.info/docs/sistema/dok_leyzti/index.htm 26.07. 2011.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАНЯТОСТИ И УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ МАКРОРЕГИОНЕ

Сидоркина З.И., Романов М.Т.

Статья посвящена проблемам занятости и уровня жизни населения Дальневосточного макрорегиона на переломном этапе его развития. Обозначены несоответствия между сложившейся структурой занятости, уровнем жизни населения и стоящими перед регионом масштабными экономическими и геополитическими задачами. Перспективы демографического развития, уровня жизни населения в регионе оцениваются с учетом географических свойств территорий и намечающейся диверсификации экономики.

Ключевые слова: структура занятости, уровень жизни, рынок труда, оплата труда, природно-ресурсный потенциал, структура экономики, диверсификация, регион, перспективы развития, среднестатистические расходы и доходы населения.

Уровень жизни (англ. standard of living) как мера обеспечения населения материальными, духовны-

ми и социальными благами в России все еще остается весьма низким – по оценкам ООН, в 2011 г.

по индексу развития человека (ИРЧ) Россия среди стран мира занимала лишь 66-е место [1]. На еще более низком уровне находится уровень жизни населения в восточных, наиболее «молодых» по давности освоения регионах страны. Прежде всего, поэтому за предыдущих два десятилетия Дальневосточный макрорегион страны¹ (или Тихоокеанская Россия) потерял более 20% своего населения.

В то же время от уровня жизни зависит, в какой мере удастся сохранить и приумножить здесь население, обеспечить реализацию стратегий экономического развития и хотя бы сохранить сложившееся соотношение геополитических потенциалов стран в этом регионе мира. При сложившемся геополитическом положении в этом регионе мира для России жизненно необходимо ускоренное развитие экономики, а, следовательно, и уровня жизни населения ее Дальневосточного региона. Тем более что экономика, подобно велосипеду, в состоянии «покоя» неизбежно падает, и наиболее устойчивым ее положение может быть лишь в достаточно быстром движении вперед, как это успешно демонстрируют экономики Китая (уже более 30 лет) и ряда других стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Повышение уровня жизни и демографического, экономического потенциалов здесь возможно, решая их одновременно и взаимосвязано: с одной стороны, лишь кардинально повышая эффективность экономики, улучшая ее структурные характеристики можно повысить уровень жизни населения и, тем самым, увеличить демографический потенциал, с другой, – хорошее кадровое обеспечение региона позволит успешно решать вопросы его экономики, геополитические проблемы.

Поэтому в сложившихся в Дальневосточном макрорегионе России условиях «уровень жизни» следует рассматривать и как важную самоцель, и как эффективный механизм развития экономики и народонаселения этого нового по историческим меркам и стратегически важного макрорегиона страны. В то же время эти проблемы следует решать оперативно и масштабно, учитывая демографическое и экономическое положение Дальнего Востока России и геополитическую динамику в соседних странах. При этом следует исходить из необходимости соответствия уровня жизни населения ре-

гиона достигнутому уровню его экономического развития – «груз» социальных обязательств государства не должен быть «неподъемным для его экономики»². Исходя из этого и следует решать проблемы уровня жизни населения Тихоокеанской России.

Постановка проблемы

Слабая заселенность восточных районов, депопуляция и отток населения в 1990-е–2000-е гг. делают эти территории наиболее проблемными в России. Для сравнения, только в трех соседних провинциях Китая проживает в 17 раз больше населения, чем на всем российском Дальнем Востоке.

Среди факторов, определявших социально-демографическое развитие региона в годы реформирования, обозначился приоритет двух: проблемы занятости и материального благополучия населения. На Дальнем Востоке, где 65% населения региона трудоспособного возраста, место труда в структуре жизненных ценностей определяется очень высоко, так как заработная плата доминирует в доходах населения.

Особенности занятости населения сводятся к следующему: значительная ресурсная ориентированность экономики, которая обуславливает суженный рынок профессионального труда; низкая внутренняя мобильность трудовых ресурсов, незначительные масштабы внутренней миграции; низкий уровень социального обустройства и уровня жизни населения.

Экономическая специализация региона

Экономика Дальнего Востока в предыдущие периоды во многом базировалась на сырьевых отраслях экономики. Переход к рыночным отношениям лишь усугубил это положение – на 10–15% возросло значение ресурсоориентированного сектора экономики. Наряду с этим резко обозначилась пространственная асимметрия в развитии регионов. В настоящее время объем промышленной продукции на душу населения, например, в Республике Саха (Якутия) в 2,9 раза выше, чем в Москве, в Корякском автономном округе – в 4,1 раза, в Магаданской области – в 2,4 раза. Асимметрия экономического развития заключается также в том, что в экспорте региона преобладает продукция низ-

¹ Сегодня в Дальневосточном макрорегионе России, практически в два раза большем по занимаемой площади миллиардной Индии, или равном 2/3 площади США или Китая, проживает лишь 6,5 млн. чел., что не позволяет успешно решать геополитические и экономические проблемы на этом огромном пространстве.

² Как показывает опыт стран Евразии, а также и США, именно чрезмерные социальные обязательства государств вызывают серьезные кризисные явления в них в последние десятилетия.

ких технологических переделов, предназначенная для промежуточного потребления, а импортируются товары высокой степени обработки потребительского назначения.

Основные морские и океанические порты и выходы в мировой океан остались после распада СССР на Тихоокеанском побережье Дальнего Востока. Около 60% общероссийской добычи рыбы и морепродуктов приходится на Тихоокеанскую Россию. Велик ресурсный потенциал востока России и в нефтегазовой сфере. Однако не Россия, а Китай занимает второе место в мире (после США) по первичной переработке сырой нефти – он часто выступает в качестве посредника, как территория переработки и реэкспорта, в том числе и российских нефтепродуктов.

В то же время, как видно из Стратегии развития Дальнего Востока и Байкальского региона, ресурсная ориентированность экономики здесь во многом сохранится и во временных рамках до 2025 г. [2]. В условиях, когда ресурсный фактор развития достаточно весом и обеспечивает высокий уровень эффективности производства, естественно, он должен быть использован. Однако нельзя ограничиваться лишь добычей ресурсов – необходимо обеспечивать значительную добавленную стоимость на основе формирования различных стадий переработки исходного сырья. В этих целях может быть оправдана и определенная система преференций для перерабатывающих отраслей.

Следует также отметить, что уже сегодня потенциал развития Дальнего Востока России определяется наличием не только широко востребуемых на мировом рынке природных ресурсов (углеводороды, другие энергоресурсы, металл, лес, рыба и др.), но и конкурентоспособных перерабатывающих производств, возникших здесь под действием ряда благоприятных факторов: сложившейся сети расселения, инфраструктурного хозяйства, выгодного геоэкономического и геополитического положения региона. Южная часть Дальневосточного макрорегиона – уже сегодня зона преимущественного развития «несырьевых» видов хозяйственной деятельности, основу которых составляет гидроэнергетика, авиационная промышленность, судостроение, транзитный транспорт, нефте- и газопереработка, наука, высшее образование, современное здравоохранение и др. Следовательно, есть необходимые стартовые условия для развития «новой» (индустриальной и постиндустриальной) экономики.

В целях структурной модернизации экономики, дальнейшей ее диверсификации полномочный представитель Президента РФ по Дальневосточному федеральному округу, министр по развитию Дальнего Востока В.И. Ишаев предлагает проводить здесь особую государственную политику по обеспечению ускоренного развития региона, снятию неоправданных ограничений, созданию высокотехнологичных и инновационных перерабатывающих производств, включая судостроение, формирование космического кластера на базе космодрома «Восточный» и др. [3].

Оценка современной ситуации на рынке занятости

Социально-экономическое положение человека стало в большой степени зависеть не только от его профессии и квалификации, но и от сферы, в которой он работает. На рынке труда произошли значительные изменения. Для трудовых ресурсов в последние годы характерно перераспределение работников между отраслями экономики. Произошла переориентация занятого населения на другие, в сравнении с предыдущими периодами, сферы деятельности – частные предприятия в сфере торговли, общественного питания, гостиничного бизнеса и др. Эти сферы отличаются большей гибкостью, относительно высокой нормой прибыли и быстрой оборачиваемостью капитала (табл. 1).

В негосударственных секторах экономики новые условия найма сужают права и уменьшают социальные гарантии для рядовых работников. Иногда в силу этого работник предпочитает занятость сразу в двух секторах, оставляя за собой для страховки места в государственных учреждениях.

Суженный характер рынка труда и низкая мобильность трудовых ресурсов

Большинство авторов в своих публикациях по поводу потенциала рынка труда в регионе подходят к выводу, что региональный демографический потенциал не может обеспечить производственную сферу достаточным количеством квалифицированных работников. Сложным оказалось положение с занятостью населения в монопрофильных поселениях из-за ликвидации градообразующих предприятий. Существенной становится проблема нарастающего оттока мобильных квалифицированных кадров из региона. Чем севернее территория, тем больше степень сжатия трудовой мобильности, тем выше занятость населения

Таблица 1

**Распределение среднегодовой численности работающих в организациях
по формам собственности в 2008 г., тыс. чел.**

Субъект Федерации	Всего занятых	Формы собственности				
		Государственная	Муниципальная	Частная	Совместная с иностранной фирмой	Другие формы собственности
Приморский край	977,7	34,3	11,3	30,5	33,9	5,6
Хабаровский край	733,0	56,5	14,3	17,7	24,7	12,1
Амурская область	428,0	49,3	15,6	28,9	21,2	5,9
Камчатский край	185,1	52,9	17,1	33,6	12,3	5,4
Магаданская область	93,0	52,5	19,5	24,3	22,6	10,5
Сахалинская область	294,0	50,9	13,4	24,4	21,9	7,3
Республика Саха (Якутия)	483,8	56,7	21,9	35,8	20,2	17,0
Еврейская АО	82,6	46,0	15,3	32,9	19,9	6,8
Чукотский АО	37,9	73,4	20,3	13,7	12,9	12,3

Источник: [4]

в бюджетных отраслях (здравоохранении, образовании, культуре), так как в этих сферах деятельности заработная плата гарантирована.

Претерпела изменения образовательная структура занятого населения. Отмечается тенденция повышения доли лиц, имеющих высшее и среднее профессиональное образование, из-за большей его доступности. Часть таких специалистов вынуждена устраиваться на работу, не требующую высшего образования. Другая часть лиц, имеющих высшее и среднее профессиональное образование, не идут на имеющиеся вакансии, особенно в бюджетной сфере, из-за низкой оплаты труда, или занятости не по профилю. Фактор величины заработной платы в этом случае оказывает существенное влияние на структуру занятости и трудовую загруженность населения.

Сложившаяся порочная практика, когда труд рабочего оценивается дороже труда инженера или любого служащего с высшим образованием (врача, учителя, ученого и т. д.), приобрела гипертрофированные формы. Более того, в настоящее время уровень зарплаты определяется руководителями организаций, и она фактически является остаточной долей в валовом доходе собственника предприятия, а не устанавливаемой рынком рабочей силы. В итоге, заработная плата не обеспечивает как нормального воспроизводства рабочей силы, так и соответствия трудовой отдачи работников и общественной полезности их труда [5].

По оценкам Н. А. Денисова, в январе 2008 г. среднемесячная заработная плата (без выплат социального характера) в ряде отраслей относительно ее среднероссийского уровня составила: в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве – 44%; текстильном и швейном производстве – 47%; образовании – 63%; здравоохранении и предоставлении социальных услуг – 76% [8]. Автор правомерно считает, что в российской экономике существуют принципиальные возможности дальнейшего повышения доходов населения как через заработную плату, так и через социальные трансферты без существенного негативного воздействия на уровень потребительских цен. Традиционно недооценивая труд служащих, государство лишь способствует эмиграции квалифицированных кадров, от чего, естественно, страдает экономика страны, регионов. Выпускники вузов, получившие подготовку в России за бюджетные средства, устремляются на работу за границу.

Дешевизна рабочей силы стала основой низкого уровня трудовой мотивации, незаинтересованности работника в высокопроизводительном труде. Разрыв в уровне оплаты труда в США и России несоразмерно большой, чем в экономической эффективности их экономик. В настоящее время в России доля оплаты труда в произведенной продукции составляет 34–35% (в 1990 г. – 48,8%), при этом в Германии удельный вес оплаты труда в ВВП составляет 53,6%, в Швеции – 57,4%, Японии – 53,3%, США – 57,8% [6, 7].

Несовершенства в оплате труда способствуют тому, что происходит утечка кадров с высоким уровнем образования за рубеж. Численность приморских граждан, трудоустроенных за границей в 1998 г., составляла 3175 чел., в 2000 г. – уже 5504 чел. Причем в 100 раз увеличился отток населения в страны Азии, в 2 раза – в страны Европы. Половина из них – в возрасте 30–49 лет. Судя по перечню профессий, это в основном морские специальности, среди них третья часть – руководители. Привлекаем же к себе работников, в основном, в торговлю и сельское хозяйство, строительство. Возраст иностранцев составляет преимущественно 40–49 лет. Происходит вымывание молодых трудовых ресурсов на работу в другие государства. В условиях глубокого демографического спада и низких резервов интенсификации использования ресурсов труда экстенсивный путь наращивания трудового потенциала региона за счет иммиграции рабочей силы становится наиболее актуальным и результативным подходом. Такая ситуация имеет место при экономическом развитии, предполагающем поддержание сложившейся экономической структуры региона.

Наукоемкие технологии предполагают другую структуру и количественное соотношение трудовых ресурсов. Постоянно подчеркиваемый тезис о зависимости дальневосточной экономики от иностранной рабочей силы – один из способов сохранять старый проверенный способ использования множественности рук вместо интенсификации труда, например, в строительной отрасли. Современное монолитное домостроение, например,

основано на технологиях, минимально связанных с физическим трудом большого числа строителей.

Различия в уровне жизни населения на огромном пространстве Дальнего Востока обусловлены, в том числе и разными природно-климатическими условиями в различных его регионах. Для большей части территории характерен целый ряд неблагоприятных климатических особенностей, влияющих на структуру потребления и доходы населения. Однако основные изменения, связаны с политическими и экономическими реформами. В начале 1992 г., по подсчетам Н.М. Римашевской, доходы населения России снизились почти в 2–2,5 раза [6]. По уровню и структуре потребления общество оказалось отброшенным на 20 лет назад, усилилось социальное расслоение регионов. Абсолютные значения денежных доходов на Дальнем Востоке были и остаются выше, чем в среднем по России на 30%. В тоже время номинальные денежные доходы населения ДВР составили 84%, а реальные доходы – 40% от средне-российского уровня. Уровень жизни недостаточен для нормальных условий существования (табл. 2).

Кроме того, внутри субъектов РФ существуют различия в уровне и качестве жизни, особенно в сельской местности. С учетом целого ряда факторов, таких как природно-климатические условия, обеспеченность жильем, транспортная доступность, экология и др., разница в качестве жизни жителей сырьевых районов, включая Дальний Восток, еще более дифференцирована по сравнению с центром и некоторыми автономными территориями. Наиболее неблагоприятные условия жизни

Таблица 2

Доходы населения Дальнего Востока за первое полугодие 2008 г., руб.

Субъект Федерации	Среднемесячная заработная плата	Денежные доходы на душу населения	Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в июне 2008 г.
Российская Федерация	16202	13620	6804
Республика Саха (Якутия)	21840	16450	9286
Камчатский край	25693	17571	11530
Приморский край	15631	11245	8258
Хабаровский край	18514	13253	8732
Амурская область	15441	10148	7529
Магаданская область	27553	16866	9261
Сахалинская область	28450	20757	9891
Еврейская АО	14371	9585	7477
Чукотский АО	36193	22443	13185

Источник: [3]

населения среди дальневосточных субъектов федерации имеет Магаданская область.

Социальные условия

В настоящее время традиционное отставание Дальнего Востока от средних по стране условий обеспечения населения объектами социальной инфраструктуры усугубляется. Формально повышение статистических показателей обеспеченности социальной инфраструктурой объясняется лишь интенсивным оттоком населения из региона.

Существование каждой социальной отрасли – будь то образование, здравоохранение, культура, сфера бытового обслуживания в дореформенное время диктовалось определенным порядком (схемой) их размещения. В условиях крайне неравномерного размещения населения на 1000 жителей в регионе всегда было больше врачей, учителей, торговых работников, муниципальных служащих, управленцев. Бюджетные затраты на содержание (заработная плата, обслуживание и ремонт школ, больниц) на одного ученика малокомплектной школы, одного больного в больнице в большинстве муниципальных образований на 50–90% превосходят соответствующие затраты в больших городах. Разрыв в основных показателях социально-экономического развития на одного жителя между различными муниципальными образованиями, например, в Сахалинской области разнится в несколько десятков раз [9].

Чрезмерные расходы бюджета на содержание объектов социального характера в условиях реформ были решены путем передачи в муниципальную собственность социальной инфраструктуры, что породило для муниципалитетов целый ряд трудно решаемых проблем. Одна из них – жилищная. Если в дореформенный период прирост жилищного фонда осуществлялся за счет строительства нового жилья, то в годы реформы – за счет сокращения численности населения. Ввод жилья на душу населения отстает в целом по региону от средних по России показателей (в 2007 г. на 1 жителя Дальнего Востока – 20,6 м², в РФ – 21,5 м²). Число семей, состоящих на учете на получение жилья, по-прежнему остается высоким (5,3% от числа всех семей) [4]. Удельный вес индивидуального строительства в площади введенных жилых домов в 2007 г. составил в РФ 42,8%, в ДВФО – 36,3%. Велика доля незавершенного строительства, она в некоторых случаях связана с его удорожанием, что приводит к затягиванию сроков возведения

начатых домов. Как на первичном, так и на вторичном рынке более востребовано дешевое жилье – в крупнопанельных домах в спальных районах. Положительным моментом является то, что возник «рынок покупателя». Покупатель имеет время для выбора приемлемого объекта по соотношению «цена – качество». В рыночных условиях при высоком уровне цен на жилье, кроме ипотечного кредитования, становится возможной реализация другой концепции решения жилищной проблемы – широкого внедрения в практику арендных отношений. Это эксплуатация неприватизированного муниципального жилья, сдача в наем свободной жилой площади в индивидуальном порядке.

Кризисная ситуация сложилась в здравоохранении. Государственные расходы на здравоохранение из социальных фондов сократились за годы реформ более чем в 3 раза, в том числе расходы государственного бюджета – в 4 раза, что составляет менее 4% ВВП (для стран ЕС – 6,5%). Такое положение было компенсировано населением за счет увеличения оплаты услуг здравоохранения. В 1990-е гг. она выросла более чем в 3 раза. Закрытие малокомплектных лечебных учреждений, отток населения во всех дальневосточных субъектах РФ привели к сокращению количества больничных коек. Первичная медицинская помощь стала менее доступной (табл. 3).

Совершенствование системы здравоохранения в развитых странах идет по пути усиления роли государства в организациях здравоохранения, перехода к коллективному финансированию, что обеспечивает всеобщую доступность. Развитые страны перешли к госбюджетной модели содержания сфер жизнедеятельности, важных для населения.

Изменения в системе образования в России выразились в виде значительного сокращения сети дошкольных учреждений, школ, профессиональных училищ. На 100 детей приходится, например, 61 место в детских дошкольных учреждениях. К 2005 г., когда рождаемость начала медленно возрастать, оказалось, что напряженность с дошкольными учреждениями не только не снята, но еще больше обострилась, особенно в городах.

Острой проблемой стало качество всеобщего образования. Рынок образовательных услуг на сегодняшний день в значительной мере не готов оперативно реагировать на качественные изменения в спросе на локальном рынке труда, что не позволяет успешно решать проблемы дефицита квалифицированных кадров. Разорвана цепочка последовательности подготовки кадров.

Таблица 3

Основные показатели здравоохранения (на 10 000 человек)

	Число больничных коек, ед.		Численность врачей, чел.		Численность среднего медицинского персонала, чел.		Зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни (чел. на 1000 жителей)	
	1990	2008	1990	2008	1995	2008	1995	2008
Приморский край	142	90,7	91,6	52,0	91,9	83,1	765,4	771,3
Хабаровский край	136	94,9	54,9	57,0	108,7	99,7	726,4	699,0
Амурская область	141	111,3	52,6	59,2	110,3	117,1	499,2	711,2
Камчатский край	158	122,1	59,3	45,7	123,6	111,8	794,4	824,1
Магаданская область	162	151,9	50,2	55,0	132,0	152,3	795,5	861,3
Сахалинская область	172	140,4	49,1	47,8	126,2	128,4	742,5	834,8
Республика Саха (Якутия)	156	122,3	44,8	54,5	125,5	134,2	794,5	987,1
Еврейская АО	156	36,4	35,5	35,2	112,8	118,7	511,9	638,1
Чукотский АО	161	238,3	48,5	80,8	151,8	160,9	854,0	1168,6

Источник: по данным Роскомстата.

Эта ситуация будет усугубляться, поскольку сегодня начальное и среднее профессиональное образование передано в ведение субъектов РФ и финансируется из регионального бюджета. Регионы не в состоянии тратить достаточное количество средств на подготовку квалифицированных рабочих и специалистов. Работодатели сейчас не отвечают за профессиональный уровень своего работника, длительно занятого у него на предприятии. В последние годы были свернуты внутрифирменная подготовка и возможность повышения квалификации рабочих. Это снизило общий уровень профессиональной подготовки кадров. Сложилась ситуация, когда инвестиции в человеческий капитал осуществляются большей частью самим населением.

Большое значение в мире имеет быстро развивающийся инновационный бизнес, который соединяет науку и предпринимательство. Его центрами становятся научно-производственные комплексы (технопарки, технополисы и т.д.), которые вырастают при активной поддержке федерального правительства и местных властей. На возобновлении трудовых ресурсов сказываются: диспропорция в подготовке профессиональных кадров и рынка труда; отсутствие четкого прогноза потребности кадров для экономического развития региона; отсутствие мониторинга рынка труда с участием работодателей. В тоже время молодежь понимает и осознает, что уровень образования определяет дальнейшую успешную карьеру.

Сложным оказалось положение с «утечкой умов», которое приносит государству-донору убытки не столь очевидные, как ущерб от стихийных бедствий или техногенных катастроф, но по размерам часто даже превосходящие его. Развитые страны, притягивающие к себе интеллектуальную миграцию, оказываются в крупном выигрыше, а страны, теряющие специалистов, проигрывают. Государство-донор само или структурами национальной экономики несет немалые затраты на воспитание и обучение специалиста высшей квалификации. К тому же нужно добавить упущенную выгоду, которую они могли бы принести экономике за годы своей активной деятельности и которая обычно с лихвой окупает затраты на обучение.

Коммерциализация отраслей социальной сферы – перенос на население расходов в этих отраслях – была одной из основных составляющих социальной политики в 1990-е гг. В противоположность этому в западных странах на протяжении последних 50 лет доминирует тенденция социализации услуг образования и здравоохранения, увеличения доли общественного финансирования в общем объеме финансирования этих отраслей. Тенденция эта объективно обусловлена качественными изменениями в системах здравоохранения и образования, следствием которых являются общее удорожание соответствующих услуг и рост дифференциации их стоимости, а также сильная дифференциация потребностей людей

в этих услугах в разные периоды жизни. Например, из общего объема медицинской помощи ежегодно около двух третей приходится на 10% населения, в основном пожилых. В образовании распределение средств осуществляется в обратном порядке – от пожилых к молодым. Именно поэтому признанным принципом построения систем здравоохранения, образования является широкое использование механизма перераспределения средств: от молодых к пожилым, от здоровых к больным. Такие услуги во всем мире рассматриваются как социальные, а не экономические блага.

Оценка региональных преимуществ

Необходимость рационального использования природных ресурсов в регионе определяется их уникальностью и конкурентными преимуществами. В сочетании с человеческим капиталом они являются решающим фактором развития экономики и обеспечения высокого качества жизни населения. Сохранение природного потенциала для будущих поколений и обеспечение устойчивого развития экономики возможно при рациональном и неистощительном использовании природных ресурсов.

Использование постиндустриальных источников развития (квалифицированная мобильная рабочая сила, конкурентоспособные технологии) предполагает приоритетность инвестирования в человеческий капитал. Движение по инновационному, социально ориентированному пути развития означает превращение интеллектуального потенциала населения в ведущий фактор экономического роста и повышение благосостояния населения.

В зарубежном опыте существуют другие оценки эффективности развития предприятий с преобладанием сырьевой экономики. При освоении канадского севера Д. Паже называет положительные стороны доминирования в экономике минерально-сырьевого сектора [10]. Среди них, например, возможность быстрого решения острых социально-экономических проблем. Открытие и ввод в разработку одного крупного месторождения из стратегических полезных ископаемых (золота, алмазов, нефти, газа) сразу кардинально меняют картину в таких районах. Появляется возможность решения инфраструктурных проблем. Сооружаются дороги, аэродромы, порты и причалы, которые, если бы не разработка месторождения, просто бы не строились. Появляется возможность роста доходов как старожильческого, так и пришлого насе-

ления. Увеличивается привлекательность территории для развития других видов хозяйственной деятельности (в той мере, в какой это возможно, исходя из географических, климатических и прочих условий). Провинция или отдельный муниципалитет при освоении подобных ресурсов значительно расширяет возможности в отношении «управления» будущим социально-экономическим развитием территории.

Эти преимущества перекрывают отрицательные моменты в осуществлении проектов, в основном, в поселениях с моноотраслевым характером экономики, – отсутствие в них других форм занятости. В числе отрицательных моментов – краткосрочный период высокой экономической эффективности, связанный с периодом освоения месторождений, неустойчивость доходной части региональных бюджетов из-за падения объемов добычи, проблем и дополнительных расходов на рекультивацию природной среды и др. [10].

В оценке эффективности экономики Дальнего Востока не учитывается ряд обстоятельств. На Дальнем Востоке в производство вовлекались ресурсы, крайне важные для экономики и обеспечивающие экономическую окупаемость. Например, на 100 долл. инвестиций в добычу якутских алмазов приходится 600 долл. прибыли при их реализации. Аналогичная картина и с добычей других высокодоходных ресурсов. Но большое количество, например, рыболовецких компаний ограничиваются лишь пассивным ловом рыбы и поставкой ее на экспорт. До сих пор устойчиво насаждается мнение, что из региона выгодно только транспортировать наиболее «валютеемкую» продукцию без переработки: лососевые, крабы, кальмар, икра, морские гребешки.

В расчетах В.Л. Бабурина, например, показано, что ресурсы восточных районов России дают основную часть экспортной выручки и доходов бюджета, которые концентрируются в двух пристоличных регионах, потому снижается возможность развития восточных районов и неизбежно будет нарастать их периферийность и депрессивность [11]. Региональная дифференциация ведет к межрегиональным диспропорциям в уровне жизни, непомерно высокой дифференциации доходов населения, распространению и закреплению бедности, неконтролируемым миграционным процессам. В рыночной экономике мимо региона проходят рентные и экспортные доходы, таможенные сборы и т.д., поступающие в центр. Неравноценен обмен интеллек-

туальной ренты на природную. В этом скрыта одна из причин деградации региона – энергетического донора с низким качеством региональной системы жизнеобеспечения. Аналогом в мировой практике является обогащение развитых стран и разорение стран – энергетических доноров. Богатые природными ресурсами страны и регионы, теряют свои преимущества. Они переходят к тем, кто может эти ресурсы приобрести и использовать, туда же переходит и контроль над ресурсами.

При любом сценарии развития территорий болезненным остается вопрос о распределении и закреплении доходов за теми из них, где они были получены. Как бы ни была низка эффективность государственного регулирования развития дальневосточной экономики, государство не может быть просто внешним наблюдателем и регулятором, оно должно быть инвестором, предпринимателем, то есть необходимо вернуться к прежней модели развития, усовершенствовав ее. Нынешние технологии без должного подкрепления человеческим капиталом и новыми технологиями не дают эффективных решений.

Материалы III Международной конференции по развитию европейской социальной модели подтверждают, что финансовый кризис и нерегулируемый рыночный капитализм привели к большим потерям и трудностям. В англо-американском мире доминирующей тенденцией стало потребление, а не производство. На это были нацелены займы и кредиты. Развитие большинства финансовых институтов проходило без контроля государства. Усиление инфляции способствовало сокращению доходов среднего класса, хотя до поры это перекрывалось облегчением предоставления кредитов. Говорить о рынке как главном регуляторе социального государства, теперь это очевидно многим, сегодня уже нельзя. В США, например, крепнет убеждение, что капитализм может существовать только регулируемый государством [12, с. 31–37].

Направления развития экономики и повышения уровня жизни населения

Сегодня одним из основных «движителей» регионального развития Тихоокеанской России, естественно, наряду с геополитическими и ресурсными предпосылками, должен стать «человеческий фактор» и связанные с ним «высокие технологии». Это предполагает ускоренное наращивание демографиче-

ского и интеллектуального потенциалов дальневосточного макрорегиона России, их количественных и качественных показателей, активное развитие сети городских поселений, как «командных высот» в экономике, науке, технике, технологиях, создание в массовом порядке новых рабочих мест.

Все это должно происходить на основе конкурентных преимуществ данных территорий, прежде всего, значительного природно-ресурсного потенциала, выгод экономико-географического положения относительно огромного и быстрорастущего рынка АТР, приокеанического положения и др. Кардинальное повышение уровня жизни в этом случае возможно на основе приоритетного формирования высокодоходных предприятий с высоким уровнем оплаты труда, в том числе и на широко востребованных на мировом рынке природных ресурсах.

При этом население должно рассматриваться как многозначный фактор: и как основная производительная сила, и как основной фактор технического, технологического прогресса, и как потребитель (как фактор востребованности) производимой в регионе продукции, и как геополитический фактор демографического контроля над собственной территорией. Такая многозначность, многофункциональность населения в вопросах регионального развития тем более делает его одним из определяющих факторов.

Следовательно, сегодня Тихоокеанской России вновь нужны эффективные механизмы, в том числе связанные с повышением уровня жизни населения, направленные на поддержание активного развития. В их числе могут быть эффективные механизмы прошлых периодов освоения, развития дальневосточного макрорегиона, например:

- механизмы компенсации удаленности регионов Тихоокеанской России от центральных районов страны (тарифное регулирование, поясные ценовые коэффициенты);
- механизмы государственного централизованного инвестирования;
- механизмы формирования миграционного притока на территорию и др.

В современной парадигме развития Тихоокеанской России большее внимание следует уделять людским ресурсам³, их количеству и качеству, оптимальному размещению по регионам в соответствии с решаемыми там экономическими и геополитическими задачами, ресурсными и прочими возможностями территорий.

³ Как убедительно свидетельствует опыт Китая 1979–2010 гг. или Европы, людские ресурсы, их количество и качество действительно являются основной производительной силой, а не только политической декларацией.

В связи с этим дальнейшее развитие сети городских поселений в восточных регионах, как мест концентрации рабочих мест, центров основных производительных сил и промышленных, транспортных, торговых, культурных, административно-политических функций, вновь становится весьма актуальной задачей страны.

С целью преодоления «инерции покоя» в экономике стратегически важного макрорегиона реализацию стратегий, программ регионального развития следует начать с реализации «громких» проектов (нацеленных на решение «узловых проблем»), способных не только выступить «локомотивами» развития многих отраслей, производств, но и получить поддержку населения, вызвать у него желание участвовать в них. Сегодняшние проблемы региона – зачастую в головах людей, в их неверии власти, в неверии возможных позитивных перемен в регионе, стране. Таких проектов для начала должно быть немного или, точнее, реально «подъемно» для страны в сегодняшнем его состоянии.

В числе таких «громких» проектов, например, должны быть: Восточный космодром в г. Свободном. Чтобы лучшие специалисты поехали его создавать и работать на нем, необходимо кардинально повысить статус г. Свободного⁴, его привлекательность, комфортность. В городе целесообразно, на наш взгляд, построить (наряду с массовым жилищным строительством, благоустройством и пр.) крупный современный локомотивостроительный и вагоностроительный завод (типа, например, «Сапсан»). Для Дальнего Востока и Сибири это важно и необходимо по многим основаниям, прежде всего, в силу особой важности транспортного фактора по причине их обширности, огромной удаленности от западных регионов и др.

«Громким» проектом для Еврейской области должен стать (запланированный в Стратегии Дальнего Востока и Байкальского региона) крупный металлургический комбинат.

Для Приморского края «громкими» проектами должны стать нефте- и газоперерабатывающие, химические комбинаты, крупные судостроительные верфи (совместно с Южной Кореей), гражданское авиастроение для местных линий на Арсеньевском авиапредприятии, крупный современный автозавод в пригороде Владивостока, международные проекты по «связке» Транссиба с Транско-

рейской железной дорогой, газопровод и линия ЛЭП в Республику Корея через КНДР.

Для Хабаровского края и Сахалинской области «громкими» проектами должны стать мост между материком и островом, крупные авиа- и судостроительные производства, железная и автодорога с севера на юг Сахалина, нефте- и газоперерабатывающие предприятия и т. п.

Такие проекты должны переломить упаднические настроения в обществе и остановить отток населения с Дальнего Востока России, обеспечить значительное развитие экономики приграничных регионов, создать много новых высокооплачиваемых рабочих мест и др.

Создаваемые в таких направлениях новые рабочие места неизменно отразятся на уровне жизни местного населения и обусловят более устойчивое развитие экономики. Реализация крупных и «громких» проектов, несомненно, отразится и на позитивном имидже этого стратегически важного региона России.

Заключение

Перспективы развития населения дальневосточного региона, повышение уровня жизни определяются геополитическими и внешнеэкономическими интересами России. Нельзя игнорировать объективный фактор возрастания роли Азиатско-Тихоокеанского региона в мировом развитии, отставание российского Дальнего Востока от сопредельных стран приводит к потере здесь нынешних экономических и геополитических позиций.

Исходным условием устойчивого социально-экономического развития Дальнего Востока является решение демографической проблемы, закрепление населения в регионе на основе повышения уровня жизни населения, прежде всего, – удовлетворения основных потребностей человека: в жилье, пище и одежде. Представляется оправданным предлагаемое А.В.Пантиным [13] направление экономического развития следующим образом: от варианта с высокой степенью экономической интеграции в мегарегион СВА до развития, сопровождающегося дифференциацией внутреннего единого пространства на зоны различного уровня жизни, тяготеющие экономическими связями в большей степени друг к другу, а в меньшей степени – к зарубежным странам.

⁴ г. Свободный (Амурская область) и Комсомольск-на-Амуре (или один из них), на наш взгляд, необходимо в дальнейшем формировать как «Дальневосточные столицы» – то есть как потенциальные центры Дальневосточного макрорегиона, так как нынешние краевые и областные центры: Хабаровск, Благовещенск, Владивосток на роль общедальневосточного центра не подходят в силу их расположения на государственной границе или вблизи нее.

Государство не должно допускать снижения жизненного уровня населения ниже определенного уровня, вслед за которым может наступить катастрофическая потеря устойчивости социальных отношений. Население из дальневосточного региона продолжает уезжать, за 2009 г. население уменьшилось на 20 тыс. чел. К 2025 г. треть рабочих мест нужно будет замещать трудовыми мигрантами. При существовании резкой асимметрии между слабозаселенным Дальним Востоком и плотно населенными соседними провинциями Китая, проблема «лишнего» насе-

ления на востоке России сразу представляется непродуманной.

Нарастающая угроза региональной и национальной безопасности сегодня проявляется в снижении темпов экономического и социального развития, демографического потенциала и уровня жизни. Реализация любых целей развития Дальнего Востока зависят от того, насколько успешным может быть его превращение в район, где жизнь и экономическая деятельность людей происходит не в экстремальных, а в нормальных, сравнимых с эталонными территориями, условиях.

*****

1. gtmarket.ru/news/state/2011/11/03/3705: <http://www.bing.com/search>.

2. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года./Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 февраля 2009 г., № 2094-р, М., 2009.

3. Электронный ресурс: <http://www.deita.ru/economy/primorskij-kraj>. 01.07.2010.

4. Регионы России. Социально-экономические показатели. – М.: Росстат, 2008.

5. Лесков С.П. Проблемы занятости молодежи на современном этапе социально-экономического развития//Российский Дальний Восток и страны АТР: воспроизводство ресурсов и проблемы социально-экономического развития. (Материалы междунар. научн. конференции 1–3 окт. 2009 г.) – Владивосток: ТГЭУ, 2009.

6. Римашевская Н.М. Социальные последствия экономических трансформаций в России//Социологические исследования. – 1997, № 6.

7. Слукa Н.А. Ключевые компетенции» глобальных городов в мировой системе//Глобальный город: теория и реальность. – М.: Аванглион, 2007.

8. Денисов Н.А. Проблема бедности в России в контексте макроэкономической политики//Уровень жизни регионов России. – 2009, № 1–2.

9. Хорошавин А.В. Промышленная политика Сахалинской области: методология и практика формирования. – Хабаровск: Изд-во ДВГАС, 2009.

10. Рыночная демократия в действии. Современное политико-экономическое устройство разных стран/под ред. В.А. Мау, А.А. Морданова, Е.В. Туринцева. Сер.: «Межстрановые социально-экономические исследования». – М.: Ин-т экономики переходного периода, 2005.

11. Бабурин В.Л. Эволюция Российских пространств: от Большого взрыва до наших дней (инновационно-энергетический подход). – М.: Эдиториал УРСС, 2002.

12. Бобков В.Н. Заметки участника III Международной конференции по развитию европейской социальной модели//Уровень жизни населения регионов России. – 2009, № 1–2.

13. Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. – М.: Наука, 2004.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТРАНСПОРТНОЙ ПОДВИЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ ¹

Бардаль А.Б.

В статье рассматривается динамика транспортной подвижности населения Дальнего Востока России в течение последнего десятилетия. Представлены основные элементы организации пассажирских перевозок отдельными видами транспорта в регионе, происходящие изменения и их причины. Проведен сравнительный анализ транспортной подвижности населения и показана общая негативная тенденция снижения данного показателя.

Ключевые слова: Дальний Восток России, пассажирские перевозки, транспортная подвижность населения.

Тенденции транспортной подвижности в ДФО 1990–2011 гг.

Право свободного перемещения населения закреплено основным законом нашей страны,

а возможность реализации этого права является важным показателем качества и комфортности проживания на определенной территории. Физическая и экономическая доступность для насе-

¹ Материал подготовлен при поддержке проектов ДВО РАН №№ 12-I-ООН-01, 12-II-УО-10-019.

ления транспортных услуг: передвижения в пределах региона проживания, проезда в другие районы страны, а также зарубежные страны является одним из критериев, определяющих привлекательность проживания на данной территории. Понимание важности транспорта в реализации социальной мобильности населения отражается в том числе, при выборе коэффициента транспортной подвижности населения одним из индикаторов эффективности выполнения программ развития транспортной системы страны. Например, согласно Транспортной стратегии РФ на период до 2030 г. предполагается рост данного показателя к 2030 г. в два раза.

Вопрос доступности транспортных услуг для населения Дальнего Востока в настоящее время более актуален, чем для жителей центральных и западных районов страны. Его актуальность определяется социально-экономическими особенностями региона: значительная территория, исторически сложившееся неравномерное очаговое расселение и локализация производства, удаленность от центров экономической активности страны, географическая близость к крупным экономическим узлам азиатского региона.

В этих условиях транспорт выступает одним из базовых факторов проживания, играет важнейшую роль в обеспечении перемещения населения с различными целями: мобильность трудовых ресурсов, деловые поездки, туризм, поездки на отдых и лечение, поддержание родственных связей (например, посещение родственников в различных частях региона, других районах страны, либо странах ближнего и дальнего зарубежья). Транспортная дискриминация населения может негативно повлиять на перспективы общего экономического развития восточной части страны [1, с. 84–90].

Исходя из вышесказанного задача данной работы – изучить тенденции транспортной подвижности населения Дальневосточного федерального округа (ДФО) в период 1990–2010 гг., рассмотреть особенности пассажирских перевозок отдельными видами транспорта в регионе.

Все пассажирские перевозки делятся на внутригородские и внегородские. В данной работе будут рассмотрены внегородские перевозки (пригородные, междугородные и международные). Вопросы организации и функционирования системы внутригородских пассажирских перевозок, на наш взгляд, целесообразно рассматривать в рамках отдельной работы.

За последние двадцать лет произошли изменения в транспортном обслуживании населения Дальнего Востока. Во многом они носили негативный характер. Так, была практически утрачена отлаженная ранее система регулярных морских пассажирских перевозок. Морской транспорт региона, обращенного в сторону Тихого океана, перестал осуществлять массовые перевозки, не действуют каботажные линии, связывавшие прибрежные населенные пункты восточной части страны. В регионе отсутствует опорная сеть автодорог, многие населенные пункты не имеют круглогодичного наземного транспортного сообщения с центральными поселениями, а также между собой. Действующие автодороги, включая дороги федерального значения, находятся в ненадлежащем состоянии и нуждаются в ремонте. Значительно снизилось число маршрутов воздушного транспорта, резко сократилась аэропортовая сеть региона. Это привело к тому, что отдельные районы остаются без регулярных транспортных связей. Наземная инфраструктура и флот оставшихся авиационных предприятий находятся в состоянии, близком к критическому, и требуют немалых инвестиционных вложений. Прекратила функционирование базовая региональная авиакомпания, что также негативно сказалось на транспортном обслуживании территории. Практически не развивается сеть железных дорог, происходит сокращение протяженности дорог вследствие прекращения работы малодеятельных линий. Планы развития железнодорожной инфраструктуры связаны в основном со строительством новых участков дороги к месторождениям сырья и последующей транспортировкой добытого на экспорт.

Помимо отрицательных изменений материальной части транспортного комплекса, снизилась экономическая доступность транспортных услуг для населения. Рост тарифов на перевозки воздушным, железнодорожным и др. видами транспорта лимитирует возможности передвижения проживающих в регионе людей. Исчезновение отдельных форм поддержки населения, ранее установленных государством, привел к сокращению доступности транспортных услуг. Предпринимаемые государством меры по поддержке транспортной мобильности населения Дальнего Востока не компенсируют потери. Все перечисленное воздействует на снижение привлекательности региона как места постоянного проживания, способствует миграционному оттоку населения. За период 1990–

2010 г. численность населения ДФО сократилась с 8,0 до 6,3 млн чел., тенденция оттока населения сохраняется.

Транспортная подвижность населения региона, под которой принято подразумевать объем транспортной работы по перевозке пассажиров (число поездок либо пассажиро-километры), происходящий в среднем на одного жителя [2], в первом приближении позволяет оценить масштаб и динамику перемещения граждан. Данный показатель может рассматриваться как для страны в целом, так и для отдельных ее регионов, либо отдельных социальных групп. Он является ориентиром для планирования перспективных объемов пассажирских перевозок, а, соответственно, и для определения необходимых населению направлений развития транспортных сетей.

Комплексную характеристику уровня транспортного обслуживания населения позволяет дать совокупность показателей [3]:

- коэффициент транспортной подвижности (ед.);
- средний пассажирооборот – объем выполненной транспортной работы на одного жителя (пас-км);
- среднее расстояние перевозки одного пассажира (км);
- время, проведенное в поездках в среднем на одного жителя в год (пас-ч);
- средняя густота перевозок – число пассажиров, проследовавших в среднем по участку транспортной сети (характеризует интенсивность определенных направлений пассажиро-потока).

Коэффициент транспортной подвижности населения является основным показателем. Общая закономерность его изменения такова: рост социально-экономических характеристик страны, развитие транспортной системы, повышение общего уровня жизни приводит к более свободному передвижению граждан, то есть к увеличению транспортной подвижности. Таким образом, положительная динамика данного коэффициента отражает возрастающую возможность граждан свободно перемещаться по территории страны и за рубеж к местам отдыха, работы, постоянного либо временного проживания, проживания родственников и т.д. и, соответственно, является желательной.

В большинстве стран динамика коэффициента транспортной подвижности демонстрирует рост. Например, в период 2000–2010 гг. среднее число поездок на железнодорожном, морском, воздушном транспорте Германии увеличилось с 27,1 до 39,5 (на 45,8%); во Франции – с 17,7 до 19,3 (9,0%); Великобритании – с 21,5 до 25,5 (на 18,6%) [4]. Показатель для России, рассчитанный аналогично, снизился в этот период с 9,9 до 7,1 поездки (на 28,3%), а для Дальнего Востока произошло снижение среднего числа поездок с 5,0 до 4,0 (на 20,0%) в расчете на одного жителя [5].

Более полный показатель транспортной подвижности населения, оцениваемый на основе всех видов транспорта общего пользования показывает, что за период с 1980 г. по 2010 г. происходили негативные изменения как на общероссийском, так и на региональном уровнях. Число поездок на одного жителя в среднем сократилось как по России, так и на Дальнем Востоке в 1,9 раза (рис. 1).

При этом жители Дальнего Востока совершают на 30% меньше поездок, чем в среднем по России. Можно сказать, что за последние тридцать лет наблюдается тенденция снижения мобильности населения Дальнего Востока. Это свидетельствует, в том числе, о снижении доступности для жителей региона центральных районов страны, общем снижении «притяжения» центра, а в целом – снижении степени комфортности проживания людей на данной территории.

Рассматривая причины негативной тенденции, отметим, что на транспортную подвижность населения (как и на другие показатели транспортного обслуживания населения) влияет множество факторов, которые можно сгруппировать следующим образом:

- политические (государственная политика в области транспорта, политика по развитию регионов, характер внешних связей страны и т.д.);
- социально-экономические (уровень доходов, характер размещения населения по территории страны, конфигурация и состояние санаторно-курортной сети, туризма, масштабы и направления миграционных процессов, в том числе маятниковой миграции и т.д.);
- демографические (численность населения, структура населения: постоянное – номиналь-

² Этот показатель ранее называли «километрической подвижностью населения». Источник: Транспортная система мира /Под ред. С.С. Ушакова, Л.И. Василевского. – М.: Изд-во «Транспорт», 1971. – 216 с.

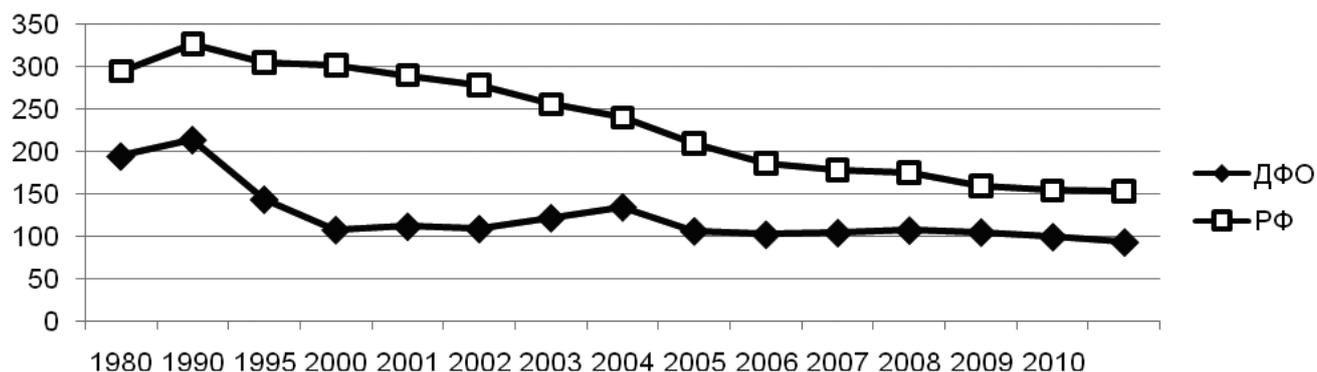

Рис. 1. Динамика коэффициента транспортной подвижности населения, поездок на 1 чел.

ное, городское – сельское, доля экономически активного населения и т. д.);

- внутритранспортные (доступность транспортной инфраструктуры, регулярность перевозок, уровень транспортных тарифов, безопасность, экологическая нагрузка и т. д.).

Очевидно, что перечисленные факторы тесно связаны между собой. Например, численность населения и уровень доходов влияют на состояние санаторно-курортной сети и масштабы туристических потоков. Государственная политика по развитию регионов, а также политика в области транспорта напрямую определяет состояние и доступность транспортной инфраструктуры отдельных регионов. Влияние данных факторов на работу отдельных видов транспорта Дальнего Востока будет рассматриваться ниже.

Однако не все показатели транспортного обслуживания населения ДФО демонстрируют негативную динамику. Например, возрастает «километрическая подвижность» населения Дальнего Востока, то есть средний пассажирооборот. За период 2000–2010 гг. данный показатель возрос на 34%. Этот показатель определяется в основном расходами жителей на поездки и бюджетом времени. Соответственно, положительная динамика коэффициента показывает, что возрастает уровень жизни населения (национальный доход или ВРП на душу населения), а также то, что в пределах затрачиваемого времени люди совершают поездки на более далекие расстояния, что определяется развитием технических характеристик транспорта.

В рассматриваемом случае рост показателя транспортной работы на одного жителя Дальнего Востока происходит под влиянием нескольких факторов:

- повышение среднедушевых доходов населения. За период 2000–2010 гг. ВРП на душу насе-

ния в текущих ценах увеличился в 7,4 раза, однако реальные доходы на душу населения возросли только в 2,3 раза.

- Повышение скорости отдельных видов транспорта. Совершенствование транспортных средств, инфраструктуры транспортных сетей, технологий организации перевозочного процесса приводит к повышению средних скоростей перевозки пассажиров всеми видами транспорта.

- Увеличение доли скоростных видов транспорта в общем пассажирообороте. В ДФО наблюдается тенденция повышения доли воздушного транспорта в транспортной работе по перевозке пассажиров, за период 2000–2010 г. доля воздушного транспорта в общей структуре возросла в 2 раза. По итогам 2010 г., в ДФО сложилась следующая структура пассажирооборота по видам транспорта: 47% – воздушный транспорт, 27% – автомобильный, 25% – железнодорожный, доли морского и внутреннего водного в совокупности не превышают 1%. Иная ситуация в целом по России, в 2010 г. наибольшей в пассажирообороте была доля железнодорожного транспорта – 37%, доля автомобильного и воздушного составила по 26%.

Преобладание воздушного транспорта в объеме транспортной работы по перевозке пассажиров на Дальнем Востоке объясняется:

- недостаточным развитием инфраструктуры наземных и водных видов транспорта в отдельных районах (особенно северных);
- географическими особенностями региона, его значительной удаленностью от центральных и западных районов страны;
- возрастающими масштабами связей с зарубежными странами, в том числе со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) (поездки на отдых, лечение, деловые поездки).

Если в европейской части страны магистральный транспорт соединяет все главные города, то наземная транспортная сеть на территории ДФО расположена неравномерно и сконцентрирована в южных, а также центральных районах. До настоящего времени вне зоны железнодорожного обслуживания остаются Камчатский край, Магаданская область и Чукотский автономный округ. На территории Республики Саха (Якутия) построен участок железной дороги протяженностью 808 км, при этом перевозки пассажиров с 2004 г. осуществляются до ст. Томмот. Протяженность автомобильных дорог федерального значения на начало 2012 г. на территории ДФО составляла 7231 км. В число магистральных федеральных дорог входят «Амур» (Чита – Хабаровск), «Усури» (Хабаровск – Владивосток), «Лена» (Невер – Якутск), «Колыма» (Якутск – Магадан), «Восток» (Хабаровск – Находка). На двух последних из указанных дорог строительство не завершено, на дороге «Амур» ведутся работы по реконструкции и приведению отдельных участков к нормативным требованиям. Из общего перечня федеральных дорог только 43% (3100 км) имеют твердое покрытие.

Поэтому на значительной территории северных районов Дальнего Востока за исключением прибрежных, транспортная связь с которыми осуществляется при использовании морского транспорта, воздушные перевозки пассажиров в настоящее время не имеют альтернативы.

Увеличившиеся масштабы поездок россиян за рубеж подтверждаются статистическими данными, согласно которым с 1995 г. по 2010 г. число поездок в страны дальнего зарубежья (вне СНГ) увеличилось в 3 раза и составило 25487 тыс. Возрастает поток туристических визитов в страны АТР. По итогам 2010 г., число поездок составило: в КНР – 1440,4 тыс. (рост с 2002 г. в 2,3 раза), в Таиланд – 264,1 тыс. (рост в 6,6 раза), в Южную Корею – 74,2 (рост в 4,4 раза), Японию – 26,1 (рост в 1,5 раза) [6]. Географическая удаленность, транспортная оторванность, значительные финансовые затраты на поездку в центральные и западные регионы России способствуют тому, что более предпочтительными для жителей Дальнего Востока становятся поездки в страны АТР. С точки зрения транспортного обслуживания поездка в некоторые города соседних стран (Пекин, Сеул, Харбин, Токио при использовании специальных тарифов) потребует меньших расходов и будет более комфортно организована, нежели поездка до Москвы.

Рассмотрим подробнее особенности пассажирских перевозок отдельными видами транспорта на Дальнем Востоке.

Железнодорожный транспорт

Перевозки пассажиров железнодорожным транспортом разделяются на пригородные – в границах пригородных зон и перевозки дальнего следования – местные и прямые. В условиях Дальнего Востока железнодорожный транспорт осуществляет перевозки населения в пригородном и дальнем сообщении. При перевозках на короткие и средние расстояния железнодорожный транспорт конкурирует с автомобильным, а при перевозках на дальние и сверхдальние – с воздушным транспортом.

Периодом максимальной нагрузки для железнодорожного транспорта Дальнего Востока в части пассажирских перевозок были 1990-е гг., когда число ежегодно перевозимых пассажиров превышало 75 млн чел. В 2010 г. по сравнению с 1990 г. по железным дорогам ДФО было перевезено в 3,5 раза меньше пассажиров (в целом по России падение составило 3,3 раза).

При этом значительны по объемам пригородные перевозки. За 2010 г. в пригородном сообщении железнодорожным транспортом общего пользования ДФО было перевезено 3,8 млн чел., пассажирооборот составил 203,5 млн пас-км. Действовали льготы для семи категорий граждан: студентов, школьников, пенсионеров, ветеранов труда, реабилитированных лиц, работников тыла, курсантов автошколы РОСТО. Предоставлялись различные по величине льготы (полностью бесплатный проезд, 50% скидка) на определенный период времени (учебный год, дачный период), также обозначался регион действия данной льготы.

Начавшаяся в 2001 г. реформа железнодорожного транспорта, естественно, затронула и пассажирские перевозки. Первоначально деятельность по перевозке пассажиров была выделена в рамках ОАО «РЖД». Был выделен сегмент перевозок дальнего следования, для которого тарифы регулировались государством – перевозки в плацкартных и общих вагонах. Соответственно, выпадающие доходы в этом сегменте компенсировались железнодорожной компании из федерального бюджета. Размер субсидий, выделенных в рамках такого механизма, составил: в 2006 г. – 10,7 млрд руб.; в 2007 г. – 16,1 млрд руб.; в 2008 г. – 10,9 млрд руб.; в 2009 г. – 16,4 млрд руб. и в 2010 г. – 22,6 млрд руб.

Однако, по оценкам перевозчика, выделенные средства не покрывают полностью убытки, поэтому происходит по сути перекрестное субсидирование за счет нерегулируемого сектора (купейные вагоны, СВ). Также выделяются субсидии, компенсирующие перевозку льготных категорий граждан, установленных на федеральном уровне (например, студенты и школьники). В 2010 г. была создана ОАО «Федеральная пассажирская компания».

Логика преобразований железнодорожного транспорта в части организации пригородных перевозок заключалась в том, что каждый регион должен самостоятельно сформировать заказ на организацию пригородного пассажирского сообщения, то есть определить объемы перевозок и их конкретные направления и подписать соглашение со специально созданной пригородной компанией. Компания-перевозчик в свою очередь заключает договор с железной дорогой на предоставление услуг инфраструктуры. Соответственно, регион принимает на себя обязательства по компенсации возникающих в ходе пригородных перевозок убытков. Таким образом, в рамках данной модели перевозки пассажиров к 2011 г. полностью выведены из функций ОАО «РЖД».

Осенью 2007 г. в структуре ДВЖД была создана и приступила к работе Дорожная дирекция по обслуживанию пассажиров в пригородном сообщении. Основными направлениями деятельности созданного подразделения стали организация пригородных пассажирских перевозок, содержание инфраструктуры пассажирского хозяйства, ремонт и техническое обслуживание подвижного состава.

В настоящее время на Дальнем Востоке созданы две пригородных пассажирских компании ОАО «Экспресс Приморья» (действует с сентября 2005 г., с апреля 2009 г. – в качестве самостоятельного перевозчика, с 2011 г. обслуживает помимо Приморского края Хабаровский край и ЕАО) и ОАО «Пассажирская компания Сахалин» (решение о ее создании принято в 2011 г.). Активно обсуждается вопрос учреждения пассажирской компании в Амурской области.

Компания «Экспресс Приморья» обеспечивает пригородные железнодорожные перевозки на территории четырех субъектов Дальнего Востока: Хабаровский и Приморский края, Амурская область, ЕАО. Перевозки пассажиров осуществляются по следующим направлениям: ст. Архара – ст. Облучье, ст. Брибиджан – ст. Хабаровск, ст. Биро-

биджан – ст. Облучье, ст. Хабаровск – ст. Вяземская, ст. Хабаровск – ст. Николаевка, ст. Хабаровск – ст. Кругликово, ст. Владивосток – ст. Сибирцево, ст. Мыс Чуркин – ст. Раздольное, ст. Сибирцево – ст. Ружино, ст. Владивосток – ст. Партизанск, ст. Партизанск – ст. Мыс Астафьева, ст. Февральск – ст. Иса, ст. Тында – ст. Дипкун, ст. Тында – ст. Муртыгит, ст. Тында – ст. Юктали и др. При этом сократилась протяженность обслуживаемых компанией железнодорожных линий с 539 км в 2006 г. до 315 км по итогам 2010 г.

Переход компании к самостоятельной хозяйственной деятельности совпал с волной последствий экономического кризиса, вызвавшей в том числе снижение доходов населения и снижение числа поездок. Негативно на динамике перевозок пассажиров сказалось также отсутствие региональных льгот в 2009–2010 г. Все перечисленное выше привело к тому, что с 2006 г. число пассажиров, перевезенных ОАО «Экспресс Приморья» ежегодно снижается (табл. 1).

Помимо снижения числа перевезенных пассажиров значительно сократилась средняя дальность поездки – в 1,7 раза за пять лет с 2006 г. по 2010 г., соответственно резко упал пассажирооборот пригородных перевозок – в 3,2 раза.

К негативным тенденциям транспортного обслуживания населения Дальнего Востока можно отнести и сокращение числа пригородных железнодорожных маршрутов. Например, в Амурской области в 2011 г. закрыто 5 из 23 пригородных направлений. Кроме того, вдовое сократилось число рейсов между крупными городами Белогорском и Благовещенском [7]. На этих направлениях вводятся дополнительные автобусы. С января 2010 г. в Приморском крае было сокращено число ежедневных пригородных электропоездов на 8 единиц, что вызвало активный протест жителей территории. Люди лишились возможности добираться к местам обучения, работы. В результате реакции на протест половина маршрутов была возвращена [8].

Пригородные железнодорожные пассажирские перевозки на острове Сахалин по большей части не имеют альтернативы, поэтому несут значительную социальную нагрузку и крайне важны с точки зрения транспортного обслуживания жителей. Поэтому вопрос создания совместной компании-перевозчика с участием железной дороги и администрации чрезвычайно актуален. В бюджете Сахалинской области предусмотрены дота-

Таблица 1

Основные показатели работы ОАО «Экспресс Приморья»

Показатель	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Отправленные пассажиры, тыс. чел., в т. ч.	17494,5	17615,4	16239,1	11079,5	9323,4
– федеральные льготники	4487,3	3200,4	2871,0	2178,4	964,6
– региональные льготники	1183,2	1039,5	1037,3	0	0
– учащиеся	1172,6	1282,9	876,9	291,0	195,6
– железнодорожники	1562,4	1971,2	1563,1	821,8	551,8
– военнослужащие	14,3	17,7	9,4	7,8	6,2
– пассажиры, не имеющие льгот	9074,7	10103,7	9881,4	7780,5	7605,2
Пассажирооборот, млн пасс.-км	911,3	883,3	703,2	400,4	283,0
Средняя дальность поездки, км	50,8	50,2	43,3	36,1	30,4

Источник: Годовая отчетность ОАО «Экспресс Приморья» за 2006–2010 гг.

ции ОАО «Пассажирская компания Сахалин» на покрытие 100% убытков от пригородных перевозок в размере 109 млн руб. в 2011 г. (в 2010 г. дотация составила 71,5 млн руб.).

Воздушный транспорт

Ситуация сложившаяся в гражданской авиации Дальнего Востока сложна. Общие для России негативные тенденции: старение парка воздушных судов, рост цен на авиационное топливо, несовершенство законодательной базы, необходимость модернизации аэродромной инфраструктуры, для региона усугубляются отсутствием альтернативных способов транспортных связей значительной части северных территорий. Для четырех субъектов РФ в составе ДФО авиация является основным способом обеспечения круглогодичной транспортной доступности: Камчатский край, Чукотский АО, Магаданская область, Республика Саха (Якутия). Важность воздушного транспорта для Дальнего Востока подтверждается статистическими данными – более 60% пассажирооборота в междугородном сообщении выполняется этим видом транспорта; удельный вес воздушного транспорта в общем объеме пассажирских перевозок Дальнего Востока в 2 раза выше, чем в среднем по России, в северных районах в данном виде сообщений доля авиации превышает 90%.

Особенностями воздушного транспорта Дальнего Востока является неразветвленность сети межрегиональных маршрутов и практическое отсутствие конкуренции на рынке межрегиональных и внутрирегиональных перевозок, что само по себе не несет стимулов для перевозчиков по снижению цен. Проведенный ФАС России анализ маршрутной сети перевозчиков в ДФО показывает, что доля маршрутов, обслуживаемых един-

ственным перевозчиком, составляет более 70%, одним-двумя перевозчиками – 90%.

В настоящее время на Дальнем Востоке действует 81 аэропорт, в том числе 14 – федерального значения, 8 – международных. За последние двадцать лет число аэродромов в ДФО сократилось в 3,6 раза (в среднем по России в 4,4 раза), причем сокращение произошло за счет региональных и местных. Более 50% аэродромов имеют грунтовые взлетно-посадочные полосы, что делает невозможным их работу в межсезонные периоды. В действующих аэропортах крайне высок уровень износа аэродромного оборудования. С 1995 г. число перевезенных воздушным транспортом Дальнего Востока пассажиров увеличилось на 30% (рис. 2) [9].

При относительно стабильной положительной общей динамике перевозок пассажиров воздушным транспортом меняется структура перевозок: сокращается объем перелетов в местном и региональном сообщении при увеличении числа полетов за рубеж.

По оценкам специалистов Государственного научно-исследовательского института гражданской авиации (ФГУП ГосНИИ ГА), для 8 субъектов ДФО авиационные перевозки являются социально значимым видом транспорта. К числу таких относятся Республика Саха (Якутия), Камчатский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Магаданская, Сахалинская области и Чукотский АО. В 2007 г. местные пассажирские перевозки на Дальнем Востоке осуществлялись по 168 социально значимым маршрутам. Число социально значимых рейсов превышало 6,5 тыс. ед., было перевезено более 260 тыс. чел. В 2009 г. число социально значимых маршрутов увеличилось до 256, общее количество маршрутов превысило 9 тыс. ед., было перевезено более 360 тыс. чел. [10].

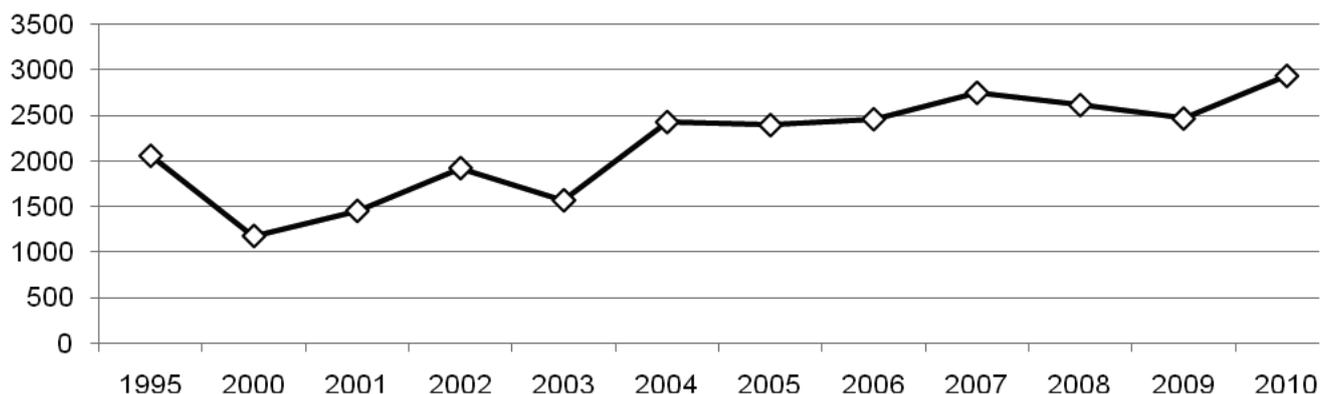

Рис. 2. Перевозки пассажиров воздушным транспортом ДФО, тыс. чел.

В настоящее время около половины пассажиров в местном авиасообщении перевозится по безальтернативным социальным маршрутам, которые субсидируются из региональных бюджетов. В 2010 г. подобные субсидии (дотации) предоставлялись в Сахалинской области, Камчатском крае (Петропавловск-Камчатский – Палана; Палана – Тигиль; Петропавловск-Камчатский – Оссора), Хабаровском крае (Николаевск-на-Амуре – Тугур – Чумикан – Удское; Николаевск-на-Амуре – Октябрьское – Херпучи – имени Полины Осипенко; Хабаровск – Богородское; Хабаровск – имени Полины Осипенко – Аян; Хабаровск – имени Полины Осипенко – Нелькан; Хабаровск – имени Полины Осипенко – Херпучи; Хабаровск – имени Полины Осипенко – Чумикан; Хабаровск – Николаевск-на-Амуре; Хабаровск – Николаевск-на-Амуре – Охотск; Хабаровск – Охотск).

С 2009 г. также предоставляются субсидии авиоперевозчикам из федеральных средств при перевозках отдельных категорий пассажиров (младше 23 лет и старше 60 лет) по следующим основным маршрутам (в 2009 г. субсидировалось 18 маршрутов, в 2010 г. – 26): Анадырь – Москва – Анадырь; Благовещенск – Москва – Благовещенск; Владивосток – Москва – Владивосток; Магадан – Москва – Магадан; Мирный – Москва – Мирный; Нерюнгри – Москва – Нерюнгри; Якутск – Москва – Якутск; Петропавловск-Камчатский – Москва – Петропавловск-Камчатский; Южно-Сахалинск – Москва – Южно-Сахалинск; Хабаровск – Москва – Хабаровск; Полярный – Москва – Полярный. Результаты субсидирования проявились с тем, что при общем снижении объема пассажирских перевозок воздушным транспортом в РФ в 2009 г. на 9%, объем перевозок на маршрутах, включенных в программу субсидирования, вырос на 9,1%, а в 2010 г. – на 19,9% [11].

В целом за период с 1995 г. по 2010 г. произошли следующие изменения в объемах пассажирских перевозок через основные аэропорты Дальнего Востока:

- возросли перевозки через Южно-Сахалинск (в 1,3 раза), Владивосток (аэропорт Кневици на 84%), Благовещенск (на 63%), Хабаровск (на 42%), Петропавловск-Камчатский (на 26%);
- сократились перевозки через Якутск (на 11%), Магадан (2%), Анадырь (0,1%).

На работу воздушного транспорта Дальнего Востока повлияло и прекращение деятельности авиакомпании «Дальавиа» (октябрь 2008 г.), в июне 2009 г. предприятие было признано банкротом. Рейсы авиакомпании выполняются авиакомпанией «Владавиа». Авиакомпания «Дальавиа» выполняла множество внутренних рейсов, а также международные рейсы из Хабаровска в Сеул (Южная Корея), Ниигату (Япония), Пекин (КНР), Харбин (КНР), Гуаньчжоу (КНР).

Для поддержания аэропортовой инфраструктуры на базе аэропортов, где местные авиaperезвозки носят социальный характер и не являются предметом коммерчески эффективного бизнеса, создаются федеральные казенные предприятия (ФКП). В настоящее время приняты решения о создании ФКП «Аэропорты Севера», ФКП «Аэропорты Камчатки» и ФКП «Аэропорты Чукотки». ФКП планируется создать в Амурской области, Приморском и Хабаровском краях.

В развитии российского рынка авиации в долгосрочной перспективе основной целью провозглашается увеличение авиационной подвижности населения. Именно коэффициент авиационной подвижности населения, который характеризует среднее количество авиaperелетов, совершаемых одним жителем, принимается в качестве целево-

го показателя в Транспортной стратегии РФ на период до 2030 г. Действительно, в настоящее время данный показатель для России составляет 0,31 (для Дальнего Востока 0,28), тогда как для подавляющего большинства стран Европы он превышает единицу. Например, для Германии и Франции коэффициент авиационной подвижности населения составляет 2,0, для «островных» стран вследствие географических особенностей расположения, например, для Ирландии, Кипра, показатель еще выше – 3,55 и 4,57 соответственно.

Однако столь значительная разница в уровне авиационной подвижности населения во многом объясняется не только развитием рынка воздушных перевозок, но и существенно более высоким уровнем жизни в указанных странах, а также особенностями локализации капитала и производства. В связи с этим выбор данного показателя в качестве целевого ориентира (равно как и достижение поставленных в Транспортной стратегии величин авиационной мобильности 0,9–1,0 к 2020 г. и 1,7 к 2030 г.) представляется сомнительным. В отношении Дальнего Востока в среднесрочной и долгосрочной перспективе более важно создание надежной системы организации перевозок, соответствующей потребностям населения и хозяйствующих субъектов региона и предоставляющей авиационные услуги мирового качества.

При этом сложившиеся экономико-географические особенности (низкая плотность населения, низкая платежеспособность потребителей услуг местных перевозок) и невысокий базовый уровень развития, а также специфические условия функционирования авиации на Дальнем Востоке (низкая интенсивность пассажиропотоков и, следовательно, высокая себестоимость авиаперевозок вследствие высоких удельных затрат на содержание аэропортовой сети и использования воздушных судов малой вместимости) требуют для данного региона специфических мер, отличных от необходимых в аналогичном временном промежутке для центральной и западной частей страны (где высока плотность населения, имеются разветвленные сети наземного транспорта, уровень доходов потребителей местных перевозок выше). Следовательно, целевые ориентиры, а, возможно, и применяемые модели развития авиационного рынка для различных макрорегионов страны, должны быть дифференцированными.

Морской и речной транспорт

В период с 1990 г. как отмечалось выше, была утрачена сложившаяся ранее на Дальнем Востоке система регулярных морских пассажирских перевозок. Не действуют каботажные линии, связывавшие прибрежные населенные пункты.

Особенно негативно это сказывается на жизни в отдаленных северных территориях. На Камчатке для возобновления морских пассажирских перевозок, прекращенных ранее, правительство края заказало грузопассажирское судно вместимостью 36 чел. и 150 т. Судно строится южнокорейской компанией на верфи в КНР и должно быть завершено в августе 2012 г. Планируется, что осенью 2012 г. с его использованием морские пассажирские перевозки будут восстановлены.

На Чукотке морские пассажирские перевозки как единственная альтернатива воздушному транспорту в транспортной связи поселков и столицы округа, осуществляются из порта Анадырь в порты Беринговский, Эгвекинот, Провиденция и Лаврентия. Перевозки пассажиров были прекращены в середине 1990-х гг. и возобновлены в 2006 г. после ремонта судна. В настоящее время морские пассажирские перевозки субсидируются из окружного бюджета (4,3 млн руб. в 2011 г.).

ОАО «Сахалинское морское пароходство» осуществляет, в том числе пассажирские перевозки тремя паромами по линии Ванино – Холмск. Эта линия также является единственной альтернативой воздушному транспорту. В настоящее время это наиболее экономически доступный способ поездки на остров Сахалин: стоимость билета для взрослого пассажира составляет от 1195 руб. (сидячее место) до 3165 руб. (каюта класса «Люкс»), тогда как стоимость авиабилета до Южно-Сахалинска из Хабаровска составляет от 5890 руб., из Владивостока – от 7890 руб. [12]. В течение года паромом пользуются около 60 тыс. чел.

В Приморском крае действует несколько местных паромных пассажирских линий (на острова Попова, Русский, Рейнеке и др.), а также международный грузопассажирский маршрут: Владивосток (РФ) – Донгхе (Республика Корея) – Сакаиминато (Япония).

Важны для населения ДФО и речные пассажирские перевозки. Всего на Дальнем Востоке (Амурский и Ленский филиалы Российского речного регистра) на учете состоит 138 пассажирских судов.

³ Средняя себестоимость авиаперевозок в расчете на 1 пасс-км на региональных авиалиниях в 4 раза превышает аналогичный показатель на магистральных внутрироссийских авиалиниях.

Численность фактически действующего на территории ДФО пассажирского флота 114 единиц, высок средний возраст судов – около 29 лет, ресурс их эксплуатации уже выработан или близок к исчерпанию. Основной поток пассажиров перевозится по бассейну реки Амур – порядка 1,2 млн чел. за период навигации. В Республике Саха (Якутия) речным транспортом перевозится около 400 тыс. чел. ежегодно.

Для группы компаний «Амурское пароходство» прибыльными являются международные перевозки в КНР, тогда как перевозки в пределах Хабаровского края и города Хабаровска (на левый берег, где расположены дачные участки) – убыточны. Снижается общее число перевозимых пассажиров: 800 тыс. чел. в 2008 г. и 614 тыс. чел. по итогам 2011 г. Ситуацию усугубляет то, что в 2011 г. убыток от пассажирских перевозок по Хабаровскому краю был покрыт субсидией, тогда как перевозки в пределах города не субсидировались из местного бюджета и компания потеряла порядка 31,5 млн руб. В связи с этим компанией планируется выделение пассажирских перевозок в рамках отдельного подразделения во избежание перекрестного финансирования.

Автомобильный транспорт

Рост числа автомобилей в личной собственности граждан приводит к росту внутрирегиональной транспортной подвижности населения с использованием данного вида транспорта. Эта тенденция имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

К положительным моментам относится увеличение мобильности населения, повышение свободы перемещения и сокращение времени на поездки между населенными пунктами региона. Отрицательными можно считать рост числа ДТП, усиление негативного влияния на экологическую обстановку со стороны автомобильного транспорта, увеличение потерь времени, связанных с недостаточной пропускной способностью дорожных сетей крупных городов Дальнего Востока, снижение качества покрытия значительной части автомобильных дорог региона (табл. 2).

Неуклонно растет автомобилизация населения. Наличие хотя бы одного автомобиля в семье в настоящее время становится нормой жизни. Увеличение индивидуальной мобильности населения проявляется в таких показателях, как возрастание числа лиц, имеющих водительские удостоверения,

рост числа автотранспортных средств в расчете на одного потенциального водителя и т.д.

Рост автомобилизации не был равномерным. Точкой отсчета изменений подвижности населения на автомобильном транспорте можно считать 1992 г., когда начался ввоз бывших в употреблении иномарок из Японии в регион. С ростом автомобилизации возросла мобильность населения. Использование индивидуальных легковых автомобилей значительно расширяет зоны транспортной доступности организующих центров территории. Следствием автомобилизации является возможность более широкого выбора мест отдыха, мест постоянного проживания в отдалении от центральных районов городов, увеличиваются зоны экономического притяжения городов.

Рост числа личных автомобилей предъявляет новые требования к наличию и качеству транспортных сетей в регионе. В настоящее время транспортные системы крупных городов – Хабаровск, Владивосток – не справляются с нагрузками в пиковые часы. Недостаточно развита и сеть автомобильных дорог между городами Дальнего Востока, небольшие населенные пункты не всегда имеют автомобильную дорогу, связывающую их с административным центром территории, зачастую отсутствуют межпоселенческие дороги. Часть имеющихся дорог, в том числе относящихся к федеральным, не соответствует нормативным характеристикам по качеству покрытия.

Особенно важны автомобильные дороги в северных районах, где отсутствует железнодорожный транспорт. Приведение в должное состояние автомобильных дорог Республики Саха (Якутия), Магаданской области, Сахалинской области, Камчатского края означает предоставление жителям данных территорий способа наземной транспортировки грузов и перевозки пассажиров. В настоящее время многие автомобильные дороги в отличие от формально зафиксированного статуса на практике являются сезонными, то есть пригодными для относительно безопасного проезда только в зимний период. Кроме того, для уже построенных автомобильных дорог важными являются работы по приведению реконструкции, приведению в техническое соответствие дорожного покрытия, созданию пунктов технического обслуживания, медицинской помощи и организации питания вдоль пути следования, обеспечению непрерывной мобильной связи и т.д.

Таблица 2

Отдельные показатели автомобильного транспорта

Показатель	1995	2000	2005	2010
Число легковых автомобилей в собственности граждан (ед. на 1 тыс. чел.):				
РФ	92,3	130,5	169,0	213,5*
ДФО	130,0	160,6	181,2	206,6*
Число ДТП (на 100 тыс. чел. населения):				
РФ	112,7	107,5	156,1	139,5
ДФО	130,6	127,6	175	155,9
Плотность автомобильных дорог общего пользования (км на 1 тыс. км² территории):				
РФ	28,0	31,0	31,0	39,0
ДФО	5,0	5,5	5,4	6,1
Удельный вес автомобильных дорог с твердым покрытием (%):				
РФ	89,9	91,1	91,3	80,6
ДФО	90,7	91,6	77,4	69,6

* данные за 2008 г.

Источник: Госкомстат России//www.gks.ru

На Дальнем Востоке производятся работы по развитию сети автомобильных дорог, однако масштаб этих работ в настоящее время значительно отстает от реальной потребности с учетом процессов автомобилизации. За период 2000–2010 гг. общее увеличение протяженности автомобильных дорог общего пользования, имеющих твердое покрытие составило 3,8 тыс. км. Прирост автодорог составил: в Приморском крае – 1,5 тыс. км, Хабаровском крае – 1,4 тыс. км, Республике Саха (Якутия) – 1,0 тыс. км, Амурской области – 0,9 тыс. км, Камчатском крае – 0,3 тыс. км, ЕАО – 0,08 тыс. км. На территории трех субъектов в составе ДФО протяженность автомобильных дорог с твердым покрытием за исследуемый период сократилась: Магаданская и Сахалинская области, Чукотский автономный округ.

Подводя итог, можно сделать вывод об общих негативных тенденциях в обеспечении транспортной мобильности населения Дальнего Востока в период 1990–2010 гг. Изменяются масштабы и направления пассажирских потоков: при сокращении поездок в абсолютном выражении снижается сила «притяжения» центральных районов страны и увеличивается пассажиропоток в страны АТР.

Отлаженные ранее в регионе системы организации перевозок пассажиров были разрушены с изменением общей экономической системы, а создание новых на отдельных видах транспорта в настоящее время лишь начинается. Все это не только отрицательно влияет на комфортность проживания в самом восточном макрорегионе России, но и снижает возможности экономического развития региона.

*****

1. Бардаль А.Б. Транспорт как фактор долгосрочного развития Дальневосточного региона России//Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. – 2010, № 3.

2. Единая транспортная система/Под ред. В.Г. Галабурды. – М.: Транспорт, 2001.

3. Петрова Е.В., Ганченко О.И., Кевеш А.Л. Статистика транспорта. – М.: Финансы и статистика, 2001.

4. Рассчитано на основе базы данных Eurostat. <http://epp.eurostat.ec.europa.eu>

5. Рассчитано на основе данных Госкомстата России. <http://www.gks.ru>

6. Рассчитано на основе данных Российского союза туристической индустрии. <http://www.ratanews.ru>

7. Зубарев И. Что будет с поездами?//АиФ Дальний Восток. № 6 (628) от 9 февраля 2011 г.

8. Новости Владивостока//Дальневосточная звезда. 21.01.2010 г. <http://dv-zvezda.ru>

9. Социально-экономическое положение ДФО за 2000–2010 гг. – Хабаровск: Карйкомстат, 2011.

10. Развитие региональных авиаперевозок в России. Аналитический доклад. 2010 г. //ФГУП ГосНИИ ГА. <http://www.gosniiga.ru>

11. Доклад об обоснованности стоимости авиаци-

онного сообщения между регионами Дальнего Востока и европейской частью России и предложениях по ее снижению//ГосМенеджмент. Электронный журнал. Аналитические материалы от 14.04.2011 г. <http://gosman.ru>

12. Данные ОАО «Сахалинское морское пароходство». <http://www.sasco.ru>; ОАО «Аэрофлот». <http://www.aeroflot.ru>.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ КАК ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ЖИЗНЕННЫХ СИЛ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА

Байков Н.М.

В статье анализируются объективные и субъективные показатели социального самочувствия пожилых людей по результатам сравнительных социологических исследований в Хабаровском крае (1999 г., 2011 г.), рассматриваются позитивные и негативные изменения в общественном сознании исследуемой категории граждан, предлагаются варианты оптимизации социальной политики в отношении данной категории граждан.

Ключевые слова: пожилые люди, социальное самочувствие, ценностные ориентации, семейные состояния, социальная и материальная помощь.

За прошедшие постсоветские десятилетия в пожилой возраст вступило новое поколение российских граждан, которое в отличие от советских пенсионеров познало все тяготы становления нового общественного строя. Пенсии, пособия и льготы, хотя и увеличились за эти годы, но по-прежнему имитируют возможности достойной жизни пожилых граждан и не позволяют обеспечивать удовлетворение их насущных потребностей в питании, одежде, лекарствах, оплате услуг ЖКХ, досуге и восстановлении здоровья.

Негативные социально-демографические тенденции, характерные для большинства регионов России, усугубляются значительным оттоком трудоспособного населения с территории Дальнего Востока. Как следствие, доля пожилых людей в регионе превышает общероссийские показатели и имеет тенденцию к росту. Доля людей старших возрастов на Дальнем Востоке увеличилась за период (1989–2010 гг.) почти в два раза (с 10,4% до 18,2%). Такого максимального прироста населения старше трудоспособного возраста нет ни в одном из федеральных округов России. Например, в Хабаровском крае ежегодный прирост пенсионеров в регионе составляет около 6 тыс. чел., в то время как еще в начале нового века он составлял менее тысячи. Продолжительность жизни, особенно у мужчин, в регионе ниже общероссийских показателей. Вместе с тем очевидно, что от увеличения доли населения в старших возрастных группах зависит и уровень смертности.

Старение общества серьезно осложняет проблемы социальной поддержки, прежде всего пенсионного обеспечения пожилых людей. Возможности обеспечения достойного уровня жизни пожилых людей, разумного использования их жиз-

ненного потенциала, представляют сложную научную и практическую задачу.

В социальных науках и мировой практике социального обслуживания приняты различные основания для определения статусно-ролевого набора пожилого человека. Однако при всех отличиях общим является пенсионный возраст. Российское законодательство относит к категории пожилых людей женщин, достигших пенсионного возраста (55 лет и старше) и мужчин (60 лет и старше). Согласно концептуальной модели исследования они разделены нами на три категории: собственно пожилые (55–64 года), старые (65–74 года) и престарелые (75 лет и старше) [1]. Результаты опросов показали, что доля пожилых женщин превышает долю пожилых мужчин в зависимости от возраста и имеет тенденцию к увеличению. Если в возрастной группе 55–64 года численность мужчин и женщин отличается незначительно, то к 75 годам половозрастной разрыв возрастает в три раза. Характеристики пожилых респондентов по признаку места рождения (город-село) в целом отражают общие демографические тенденции и старение населения. Доля родившихся в городе возрастает, а доля выходцев из сельской местности значительно уменьшается от престарелых групп к более «молодым» пенсионерам. Возможно, это также подтверждает и распространенное мнение о том, что сельские жители имеют большую продолжительность жизни в сравнении со сверстниками из города.

В анализе объекта исследования принималось во внимание то обстоятельство, что абсолютизация возрастного (календарного) подхода в определении статуса пожилого человека ведет к нежелательной социальной трактовке. Пожилой возраст целесообразно рассматривать скорее как

социальный и психологический показатель, чем биологический, ибо они не всегда совпадают друг с другом. Этот последний отрезок жизни человека связан с понижением его способностей и социальной активности, а также с отделением от прежних социальных обязательств.

Интегральным показателем состояния жизненных сил пожилого человека, отраженном в его ощущениях, представлениях, оценках удовлетворенности жизнью в социуме является социальное самочувствие. Следует особо подчеркнуть, что социальное самочувствие по своей природе является сложным социально-психологическим явлением, возникающим в системе «человек – общество», связано с преобразующей деятельностью людей, с тем, что они хотят, стремятся и пытаются реализовать в своей личной и общественной жизни.

В рамках социологического подхода социальное самочувствие характеризуется как «относительно устойчивая эмоциональная реакция субъекта на воздействие социальной среды и условий его жизнедеятельности». Оно «выступает результатом осознания и переживания человеком смысла и значимости различных сторон жизни», «вырастает из непосредственных условий бытия человека, определяющих степень удовлетворения его многообразных потребностей, возможностей развертывания индивидуальной жизни, самоутверждения и самореализации» [2].

Социальное самочувствие пожилых людей во многом определяется стандартом жизни, характерным для выделенных сегментов пожилых людей, а также их субъективными оценками. Динамика его изменения, отраженная в субъективных представлениях пожилых людей, служит основанием для оптимизации социальной политики региональных и муниципальных органов управления.

Важной социально-демографической составляющей жизненного пространства региона являются семейные состояния пожилых людей. В них отражается зависимость между процессом старения личности и завершением ее семейного цикла. К достижению пожилого возраста две трети опрошенных состояли в браке, но каждый третий был одинок. К престарелому возрасту эта тенденция резко усиливается: только каждый четвертый сохраняет семью, а у большей части усиливается одиночество и состояние вдовых. В старших возрастных группах появляется тенденция к созданию нового брака после потери супруга, что выражает стремление пожилых людей к объединению.

Очевидно, что увеличение доли одиноких людей в составе старших возрастных групп обуславливает необходимость в актуализации проблем их вторичной социализации через создание центров (агентств) социального обслуживания, разработку специальных целевых программ оптимизации жизнедеятельности пожилых людей. Старые люди, как правило, органично существуют в семье и сохраняют тесные контакты и полнокровные отношения с ее членами. Заметим, что в большинстве случаев старшие не нуждаются в помощи, не считая обычных услуг, которыми родственники обмениваются в повседневной жизни.

Социально-экономические изменения в обществе коренным образом изменили характер и продолжительность внешней помощи пожилым людям. По оценкам респондентов, значение родственников, социальных работников и соседей в оказании различных видов помощи во время болезни сопоставимо с их собственными усилиями. До глубокой старости человек рассчитывает на свои силы, родственники помогают от 17,0% до 58,4% случаев в зависимости от вида помощи, а роль соседей и социальных работников как таковая малозначима. Эта разница увеличивается в сельской местности.

Несколько выше доля опрошенных, позитивно оценивающих услуги социальных работников в группе старше 75 лет (6,7%). Однако и в этом случае она все-таки не сопоставима с помощью, оказываемой престарелым людям со стороны родственников. Роль соседей в оказании тех или иных видов помощи пожилым людям также крайне незначительна (3% опрошенных). Основное медицинское обслуживание своих пожилых членов, их пропитание, проживание личный уход (мытьё, кормление, одевание, туалет и присмотр), некоторые хозяйственные нужды в большей части обеспечивает семейный бюджет. От семейного круга пожилых людей исходит и эмоциональная поддержка, которая дает им ощущение собственной полезности, уверенность, что у них есть на кого положиться. Это то, в чем престарелые люди нуждаются более всего с увеличением возраста.

Отметим, что доля родственников ощутила и в прямом оказании материальной помощи, несмотря на то, что немалая часть трудоспособного населения края имеет доходы ниже или незначительно превышающий размер прожиточного минимума. Величина прожиточного минимума в расчете на душу населения в Хабаровском крае за IV кв. 2011 г. в среднем на душу населения со-

ставляет 9039 руб., для трудоспособного населения – 9701 руб., для пенсионеров – 7283 руб., для детей до 7 лет – 8013 руб., для подростков от 7 до 15 лет – 9012 руб. [3]. Потребности в материальной помощи особенно ощутимы для людей старше 75 лет, так как она сопоставима с теми дополнительными доходами, которые они имеют от приусадебного хозяйства.

Материальное благосостояние пожилых людей – это единственная проблема, которая по своей значимости может соперничать со здоровьем. Размер пенсии у пожилых людей в Хабаровском крае составляет менее половины (40%) от величины прожиточного минимума, или 20% от средней заработной платы по региону. Заработная плата, как источник дохода, с возрастом уменьшается и после 75 лет практически отсутствует в бюджете пожилого человека. Неслучайно, что среди респондентов, принадлежащих к старшим возрастным группам, более высокий уровень бедности.

Анализ жилищно-бытовых условий пожилых респондентов показал, что свыше 80% пенсионеров живут в отдельной квартире и имеют достаточно хорошие бытовые условия. Однако субъективные ощущения от жилья у пожилых людей далеко не положительные: тесно, холодно, сыро, темно и другие. К сожалению, за прошедшее десятилетие доля пожилых людей, отметивших недостатки своего жилья, не изменилась и составляет половину респондентов. Субъективные оценки условий проживания в целом отражают объективную картину жилищно-бытовых условий пенсионеров. В то же время выявлено, что с увеличением возраста респондентов возрастает доля тех, кто положительно оценивает условия своего проживания. Однако это свидетельствует скорее, о снижении потребностей пожилых людей в комфортности жилья, его современном виде, чем реальном улучшении жилищно-бытовых условий. К сожалению, в регионе до сих пор не решена проблема обеспечения достойным жильем немалой части пожилых людей, проживающих в ветхом и аварийном жилье.

Процесс старения привлекает к себе все большее внимание, как в России, так и во многих странах. Реакция общественности на положение пожилых людей в разных странах разнообразна – от создания групп самопомощи до общенациональных программ социальных услуг и оказания материальной поддержки. На вопрос «Приходилось ли вам сталкиваться с социальной несправедливостью к себе за последнее время?» утвер-

дительно ответили от 26,0% до 37,0% опрошенных разных возрастных групп пожилых людей. В большей мере это выявлено у респондентов в группе 55–64 года. Видимо, это связано с тем, что малый размер пенсии, на фоне средней зарплаты, кажется настолько ничтожным, что не может вызвать благоприятных ощущений. Он нивелирует всякий трудовой стаж. Тяжелые физические условия прежней работы многих рабочих профессий или высокий интеллектуальный труд профессора и многие другие различия трудового и жизненного опыта не имеют в настоящее время существенного значения при определении размера пенсии. Кроме того, социальная группа, достигшая сегодня пенсионного возраста, вынуждена искать дополнительные возможности для жизни в новом экономическом и социальном пространстве (дополнительные источники дохода, контакты со знакомыми, коллегами по работе и т.д.) по сравнению с другими возрастными группами. Они не всегда приносят пожилым людям чувство удовлетворения справедливостью по отношению к себе.

Высокие ритмы социально-экономических и политических изменений в современном российском обществе негативно отражаются на старых людях, так как вынуждают их менять сложившиеся представления и привычки. Перед пожилыми гражданами встают немалые социально-психологические трудности, которые порождают чувства тревоги и неуверенности (табл. 1).

Как следствие, пожилой человек перестает чувствовать себя полноценным работником, теряет свой социально-профессиональный статус. Он может, как правило, уже не трудиться и уйти в отставку, но понимает, что не выживет на мизерную пенсию. Все это накладывает отпечаток на душевное состояние личности пожилого человека, ее здоровье.

Объектом повышенной тревоги респондентов всех возрастов по-прежнему являются рост цен, состояние здоровья, материальное положение. За анализируемый период усилилась тревога по поводу медицинского обслуживания, что в полнее объяснимо низкой удовлетворенностью качеством медицинских услуг в поликлиниках и больницах края. К сожалению, несмотря на решение ряда крупных проектов по оказанию населению высокотехнологической медицинской помощи, обеспеченность медицинскими кадрами в крае составляет в среднем менее 50% от потребности. Отрадно, что в последнее время пожилых жителей края практически не беспокоят проблемы обеспе-

чения теплом, водой, электроэнергией, работа общественного транспорта и органов социальной защиты.

В то же время пожилые люди проявляют озабоченность общеполитическими проблемами, в частности, политической нестабильностью в стране, ростом коррупции, взяточничества в органах государственной власти. В немалой степени эти тревоги обусловлены влиянием средств массовой информации, прежде всего телевидения, которое является для большинства пожилых граждан основным источником сведений о жизни за стенами квартиры. С возрастом тревоги по поводу перечисленных проблем только усиливаются, особенно за состояние здоровья, одиночество, рост преступности, в том числе в отношении пожилых людей.

Анализ протестного потенциала пожилых людей показал, что он достаточно выражен, но доля желающих лично отстаивать свои права сократилась с 47% в 1999 г. до 38% в 2011 г. С увеличением возраста количество пожилых респондентов, готовых отстаивать свои права, резко снижается. Кроме того, важным фактором является уровень образования: чем он выше, тем активнее позиция пожилых людей в отстаивании своих прав. Наибольший протестный потенциал среди пожилых людей в основном имеют мужчины с высшим образованием в возрасте 65 и старше. За прошедшее десятилетие сократилось (с 61% до 47%) количество респондентов, которые считают основным методом борьбы за свои права – участие в выборах. При этом доля пожилых, считающих наиболее

приемлемым участие в демонстрациях, митингах несколько увеличилось (с 13% до 17%) (табл. 2). Социальная база потенциальных участников политических партий и движений за исследуемый период существенно не изменилась и составляет лишь 4–7% положительных ответов.

Переход людей в группу пожилых существенно изменяет как взаимоотношения человека и общества, так и внутренний мир этих людей. Ценностный потенциал нынешнего поколения пожилых респондентов сформировался и был во многом связан с советским периодом жизни, общественным производством и активной социальной деятельностью. Став пенсионерами, они, как правило, утрачивают постоянную связь с прежней работой. Прекращение трудовой деятельности и, как следствие, ухудшение материального состояния, снижение социального статуса приводят к тому, что пожилой человек отделяется от взрослых детей, родных и близких. Отчужденность выражается в изменении мотивации, сужении круга интересов и сосредоточении их на своем внутреннем мире, спаде коммуникабельности и т. д.

В этой связи интересно проанализировать данные на вопрос о ценностных ориентациях пожилых людей (табл. 3). Во всех возрастных группах на первые места вышли ценности, отражающие первичные потребности пожилых людей: здоровье, крепкая семья, дети и внуки, материальное обеспечение. В то же время многие ценности социального порядка отходят на второй и третий план. Речь идет о ценностях работы, справедливости,

Таблица 1

Динамика проблем, тревожащих пожилых людей, в % к числу опрошенных

Какие из ниже перечисленных проблем тревожат Вас больше всего?	1999 г.	2011 г.
Рост цен на товары первой необходимости (продукты, одежда)	94,6	78,8
Состояние здоровья	68,3	58,3
Материальное положение пожилых людей	57,2	37,6
Рост преступности	44,3	29,0
Политическая нестабильность в стране	33,7	35,0
Медицинское обслуживание	20,2	26,4
Социальная незащищенность	17,7	16,4
Жилищные условия	13,2	14,3
Коррупция, взяточничество в органах власти	11,1	19,8
Одиночество	9,9	16,9
Обеспечение теплом, водой, электроэнергией	8,3	2,9
Отношения в семье	7,4	8,3
Работа органов социальной защиты	3,8	3,8

Таблица 2

Наиболее приемлемые методы борьбы пожилых людей за свои права, в % к числу опрошенных

Какие методы борьбы за свои права для вас наиболее приемлемы?	возрастная группа			территория		пол		образование		
	55–64 года	65–74 года	75 и старше	город	село	мужчины	женщины	среднее	среднеспец.	высшее
Участие в выборах	61,6	63,1	55,8	61,4	59,6	65,0	59,6	56,9	63,2	71,6
Участие в демонстрациях, митингах	16,9	17,9	4,8	16,9	11,2	19,5	13,5	13,1	16,7	23,0
Участие в работе политических партий, движений и т. д.	4,6	5,0	3,9	4,7	4,5	8,0	3,2	3,7	4,6	9,5

коллективизма, патриотизма, духовной культуры, демократии.

Гендерная дифференциация указывает на ряд различий по отношению к ценностям: здоровье, семья, дети, внуки, вера в Бога. Так, пожилые женщины в большей мере, чем их сверстники мужчины, принимают эти ценности. В свою очередь респонденты мужского пола больше склонны принимать ценности справедливости, постоять за других, свободы и независимости.

Высокие гражданские ценности патриотизма, демократии, образования занимают низкие значения в рейтинге независимо от половозрастных различий. Очевидно, дает о себе знать угнетенность материального, психофизиологического состояния, большие трудности с удовлетворением первичных потребностей (здоровья, питания и т. д.). Так, анализ различий в ценностных ориентациях по возрастным группам (55–64, 65–74, 75 лет и старше) показал, что с возрастом, у пожилых ре-

спондентов укрепляются ценностные ориентации на свое «здоровье».

Практика социальной работы во многих странах показывает, что в жизни пожилых людей (во всяком случае, значительной их части) большое значение имеет религия. Причины здесь могут быть разными. Во-первых, во многих странах мира религия занимает важное место в жизни пожилых людей. Во-вторых, когда люди заканчивают активную трудовую жизнь перед ними встает вопрос: «Что же дальше, что стоит за новым этапом жизни?». В-третьих, для многих пожилых людей религия выступает своеобразным способом устойчивого душевного состояния, что особенно важно в кризисные периоды общественного развития. Однако среди пожилых людей Хабаровского края, доля респондентов, которые отмечали в качестве ценностной ориентации Веру в Бога, глубокую религиозность за последнее десятилетие не изменилась (один из десяти ответов).

Таблица 3

Динамика ценностных ориентаций пожилых людей, в % к числу опрошенных

Что для Вас наиболее ценно в жизни?	1999 г.	2011 г.
Здоровье	86,3	82,0
Крепкая семья и хорошие дети, внуки	82,5	75,6
Хорошее материальное обеспечение	47,9	40,7
Справедливость, умение постоять за других	11,7	11,3
Работа	11,2	9,7
Вера в Бога, глубокая религиозность	11,1	9,5
Надежный друг	6,6	10,6
Коллективизм, взаимовыручка	5,0	5,6
Свобода, независимость	4,7	4,6
Патриотизм, гражданство России	3,3	9,3
Образование, богатство духовной культуры	3,1	4,6
Демократия	1,0	1,3

Таким образом, ценностными ориентациями в достижении функционального комфорта для пожилых людей являются здоровье, крепкая семья и хорошее материальное благополучие. В возрастной группе «молодых» пенсионеров (55–64 года) достаточно высоки ценности духовного плана, что служит источником их привлечения к общественной деятельности, развития форм взаимопомощи и поддержки.

Самооценка самочувствия – сложный интегративный показатель «самости» человека. По параметрам «самочувствие – активность – настроение» она хорошо соотносится с ответами на вопросы о факторах, тревожащих пожилых людей, об ощущении одиночества. Анализ результатов опросов пожилых респондентов показывает односторонненность их оценок состояния во всех трех возрастных группах по большинству параметров. С высокой точностью можно говорить о том, что самочувствие пожилого человека динамично ухудшается с увеличением возраста. Перефразируя слова известной песни можно сказать, что «мои года не во всем мое богатство». Особенно контрастно это просматривается по «пикам» следующих ответов: «малоподвижный – подвижный», «здоровый – больной», «бездеятельный – деятельный», «свежий – изнуренный».

Социально самочувствие и благополучие пожилых людей во многом зависит от того, насколько они ощущают свою востребованность государством и обществом, семьей, друзьями и соседями. Результаты опроса показали, что подавляющее большинство опрошенных пожилых респондентов (69,8%) считают, что они нужны только своей семье, детям, внукам. Заметим, что спустя десять лет таких ответов стало существенно меньше (1999 г. – 85,2%). Усиление межпоколенческой отчужденности в семьях усугубляется ростом ощущений у пожилых людей своей ненужности окружающим людям (друзьям, соседям, коллегам по работе). Как и прежде (1999 г.), подавляющее большинство пожилые люди не ощущают свою востребованность со стороны государства и общества. Положительный ответ дали только 3% респондентов.

Следует отметить, что графики семантического дифференциала по таким позициям самооценки как: «довольный – недовольный», «спокойный – озабоченный» не дают достоверных отличий по возрастным группам и фокусируются в основном в зоне средних оценок. Однозначно то, что показатели «жизненной силы», «здоровья» и «само-

чувствия» динамично и очень резко уменьшаются с годами.

Тревогу и неуверенность, страх и отчаяние испытывают более половины опрошенных пожилых людей (54,7%). Только немногим более четверти опрошенных смотрят в будущее с надеждой и оптимизмом, а также спокойно, без особых надежд и иллюзий (27%). При этом каждый пятый уклонился от ответа или не пожелал определить свое настроение. Тревога и неуверенность в большей степени проявляется у женщин и у респондентов в возрастной группе 55–64 года. Среди тех, кто смотрит в будущее «со страхом и отчаянием» в два раза больше живущих в городе, чем в селе.

Жизненно необходимым атрибутом современной жизни пожилых людей, как свидетельствуют результаты опросов, до глубокой старости стали дачные и огородные участки. Они являются одним из источников жизни для большинства пожилых жителей региона. Анализ ответов респондентов показывает, что доля имеющих обрабатываемые участки практически равнозначна для людей допенсионного (61%) и пенсионного возрастов (64%). Только около 3% опрошенных приобрели участки после выхода на пенсию. При этом выращенные на дачах овощи и фрукты в большинстве своем используются лишь для собственного употребления (87,9%), а не для продажи в качестве получения дополнительного дохода (10,1%).

Очевидно, что в нынешних социально-экономических условиях трудно рассчитывать на радикальное изменение социального самочувствия пожилых людей, которое может изменяться как в пессимистическом, так и в оптимистическом вариантах. Пессимистический вариант оценки социального самочувствия основывается на высоком уровне неудовлетворенности пожилых людей своим материальным положением, росте цен на товары и услуги и усилении тенденции к сокращению бюджетного финансирования (пенсии, льготы, пособия и т.д.). В конечном итоге, это может привести к усилению протестных настроений, росту социальной напряженности, особенно в городах, дальнейшей маргинализации данной социальной группы жителей края.

Оптимистический вариант прогноза исходит из того, что повышение социального самочувствия пожилых людей предполагает создание позитивного жизненного пространства, суть которого состоит в сочетании материальной поддержки с побуждением к посильной социальной активности. В комплексе условий жизнедеятельности, стиму-

лирующих социальное самочувствие пожилых людей, ведущее место призваны занять деятельность органов социальной поддержки, здравоохранения, социального страхования, отделений Пенсионного фонда РФ, работодателей, общественных организаций, спонсоров и меценатов, ближнего социального окружения (родных, соседей, коллег по прежней работе и др.). Все они, в конечном счете, детерминируют социальное самочувствие пожилых людей в качестве одного из основных мотиваторов жизнедеятельности, опыта, ценностей и традиций.

В связи с обозначенными тенденциями исследование социального самочувствия и положения пожилых людей позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, нарастающие темпы старения населения привели к тому, что исчезает социальное обеспечение «от колыбели до могилы». Это тре-

бует поиска новых форм реализации потенциала пожилых людей, направленных на максимальное использование их ресурсов самопомощи и взаимопомощи.

Во-вторых, преодолению дефицита трудовых ресурсов в дальневосточных регионах, в том числе в Хабаровском крае, может способствовать рациональное использование как жизненного, так и трудового потенциала пожилых людей, что в значительной степени отражается на их социальном самочувствии.

В-третьих, совершенствование государственной социальной политики возможно через изменение существующей парадигмы отношения к пенсионному возрасту как «периоду дожития» на актуализацию условий для полного использования возможностей «второй половины жизни» человека.

*****

1. Исследование «Состояние и перспективы реализации и использования социального потенциала пожилых людей в развитии региона», ДВАГС, 1999 г. и 2011 г. Объем выборки в 1999 г. – 605 чел., в 2011 г. – 852 чел. Выборочная совокупность представлена пожилыми гражданами трех возрастных групп «собственно пожилые люди» (55–64 года), «старые» (65–74 года) и «престарелые» (75 лет и старше), стратифицирована по возрасту, полу и основным социально-экономическим территориям (муниципальным образованиям) Хабаровского края. Научные руководители – Н. М. Байков, проректор

по научной работе, д. с. н., профессор, и Л. В. Каширина, директор ИАЦ ПУ, д. п. н., профессор.

2. Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Наемные работники. Некоторые черты формирующегося класса // Социологические исследования. – 2002, № 9.

3. Постановление Губернатора Хабаровского края № 5 от 31.01.2012 г. «О величине прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Хабаровском крае за IV кв. 2011 г. // Консультант Плюс.

Мультипликативный характер воздействия туризма на экономику дальневосточного региона

Заусаев В. К., Марков Д. Н.

Статья посвящена необходимости развития высокоэффективных отраслей с целью укоренения населения на Дальнем Востоке. Рассмотрена туристическая отрасль как один из лидирующих проектов развития. Представлена методика, которая позволяет учесть мультипликативный эффект туризма и осуществлять обоснованное управление развитием данной отрасли.

Ключевые слова: население, Дальний Восток, вклад туризма, методика.

Наиважнейшей задачей любого субъекта Дальневосточного федерального округа РФ является укоренение населения на обжитых территориях. Не обладая благоприятным климатом, достаточной федеральной поддержкой, отсутствием развитой инфраструктуры, особенно в северной части, Дальневосточный федеральный округ ежегодно за счёт естественной миграции теряет значительную часть населения.

Для того чтобы прекратить отток квалифицированных кадров в западную часть государства необходимо развивать высокоэффективные отрасли, которые будут обеспечивать рабочие места и способствовать развитию инфраструктуры региона.

В решении данной задачи может помочь туристическая сфера, так как она является одной из самых высококорентабельных отраслей и обеспечивает мультипликативный эффект воздействия

на смежные виды экономической деятельности. Неслучайно в настоящее время развитие туризма на Дальнем Востоке относится к лидирующим проектам¹.

На качество жизни местного населения оказывают воздействие как въездные, так и внутренние туристические потоки.

Въездной туризм, заключающийся в перемещении иностранных граждан в пределах территории принимающего государства, выполняет следующие положительные функции, улучшающие уровень жизни местного населения:

1. Доходы от туризма позволяют активизировать платежный баланс, создавать резервы иностранной валюты для закупки на мировом рынке новейших импортных средств производства или предметов потребления, что позволяет удовлетворить спрос на местном рынке на более качественном уровне.

2. Развивается туристическая инфраструктура принимающего государства, которой на равных правах с туристами пользуется местное население.

3. Принимающее иностранных туристов государство не рискует никакими финансовыми потерями, что возможно при традиционном экспорте. Кроме того, проданные иностранцам товары в стране их пребывания приносят значительно большие суммы в валюте, чем при реализации их за границей посредством торговли. В данном случае отпадает необходимость в расходовании средств на транспортировку продукции, ее страхование, складирование, уплату таможенных пошлин и тарифов.

4. Активно развиваются отрасли, связанные с обслуживанием въездных туристов, что приводит к увеличению числа рабочих мест для местного населения.

В свою очередь, внутренний туризм, который заключается в перемещение местного населения в пределах территории государства, выполняет в экономическом и социальном контексте те же функции, что и въездной туризм. Но плюс ко всему он обеспечивает право на отдых, возможность для гражданина познать свою собственную среду.

Более глубокое осознание своей национальной принадлежности, которая связывает его со своими соотечественниками, а также ощущение принадлежности к культуре и к народу – все это является важнейшими причинами для стимулирования уча-

стия человека во внутреннем туризме путем обеспечения доступа к отдыху и путешествиям.

Также одним из плюсов является то, что туристические ресурсы, а именно объекты туризма, ради которых и совершаются путешествия, являются возобновляемыми и неограниченными, так как не тратятся в момент их потребления. И если сравнить туристическую отрасль с другими высокоэффективными отраслями, такими как добыча сырья, переработка и производство товаров, то она практически не оказывает никакого серьезного влияния на экологическую обстановку и может эффективно развиваться в пределах населенных пунктов без вреда для жизни и здоровья местного населения. При правильной организации обслуживания туристических потоков можно свести на нет отрицательное влияние на окружающую среду и обеспечить занятость населения на неограниченное количество лет.

Вклад туризма начинается с того, что туристы тратят деньги в гостиницах, ресторанах, транспорте и т.д. и таким образом проникают в экономику страны пребывания. Это проникновение можно исследовать с помощью оценки прямого и косвенного проникающего воздействия. Прямое воздействие – это объем расходов туристов за вычетом объема импорта, необходимого для полного обеспечения товарами и услугами туристов. Предприятия, к которым непосредственно поступают расходы туристов, также нуждаются в покупке товаров и услугах других секторов местной экономики. Например, гостиницы пользуются услугами строителей, коммунальных организаций, банков, страховых компаний, производителей пищевых продуктов и др. Таким образом, генерированная экономическая активность, полученная из этих последовательных этапов расходования, и является косвенным воздействием.

Во время прямого и косвенного расходования у местного населения накапливается доход в форме заработной платы, арендной платы и др. Этот дополнительный доход местные жители могут расходовать на покупку отечественных товаров и услуг, создавая тем самым новый виток экономической активности.

Но для того, чтобы правильно и обосновано вкладывать денежные средства в развитие туристической отрасли, необходимо производить оценку прямого и косвенного воздействия на определенную

¹ Дальний Восток России: как жить и хозяйствовать: монография/А.В. Хорошавин, В.К. Заусаев. – Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2012.

территории. А именно, здесь и кроются основные проблемы. В настоящее время для оценки влияния туризма на экономику региона используют данные статистики, которые не способны дать полноценной картины. Статистика представляет подробные данные только в сфере туроперейтинга, гостиничного хозяйства и культурно-досуговых учреждений. Причём последние, хоть по умолчанию и относятся в полном объёме к туристическому потреблению, но по факту данная сфера занимается также обслуживанием местного населения. Для того чтобы по настоящему оценить вклад туризма в экономику региона необходимо учесть доходы всех предприятий, относящихся к индустрии туризма.

Помимо туристических операторов, предприятий гостиничного хозяйства, специализированных средств размещения, объектов санаторно-курортного лечения и отдыха в обслуживание туристов вовлекаются следующие отрасли: транспорт, связь, розничная торговля, общественное питание, средства развлечения, объекты познавательного, делового, лечебно-оздоровительного, физкультурно-спортивного и иного назначения, а также организации, предоставляющие услуги экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков и инструкторов-проводников. Развитие смежных видов деятельности является основной причиной высокого уровня рентабельности туризма.

Однако мультипликативный характер воздействия туристической сферы на различные отрасли создаёт значительные трудности по учёту совокупного экономического вклада туризма в макроэкономические показатели. Особенно это актуально на территории Российской Федерации, где статистические данные не позволяют выделить туристическую составляющую в перечисленных выше видах деятельности.

Для решения данной проблемы в Хабаровском крае была разработана методика, позволившая оценить воздействие туризма комплексно с учётом влияния разных отраслей. Она основана на принципах сателлитных счетов туризма, над построением которых занимаются многие национальные статистические службы и профессиональные институты, связанные с туризмом. Согласно имеющимся публикациям, центральным звеном экономического измерения туризма является понятие туристского потребления. Посетитель рассматривается как лицо, представляющее собой особый вид индивидуально-туристского потребления. Отличается он от других лиц тем, что находится вне своей обычной среды

и путешествует или осуществляет пребывание с целью, отличной от занятия деятельностью, оплачиваемой из источника в месте пребывания. Причём совокупность товаров и услуг делится на специфические и неспецифические для туризма. В составе специфических выделяют характерные, поддающиеся статистическому учёту продукты, большая часть которых, вероятно, исчезнет в большинстве стран или уровень потребления которых значительно сократится в отсутствие посетителей.

Согласно концепции системы национальных счетов виды деятельности, для которых производство товаров и услуг для исследуемой сферы является типичным, определяются как характерные виды деятельности, а производители, занимающиеся характерными видами деятельности, должны называться характерными производителями.

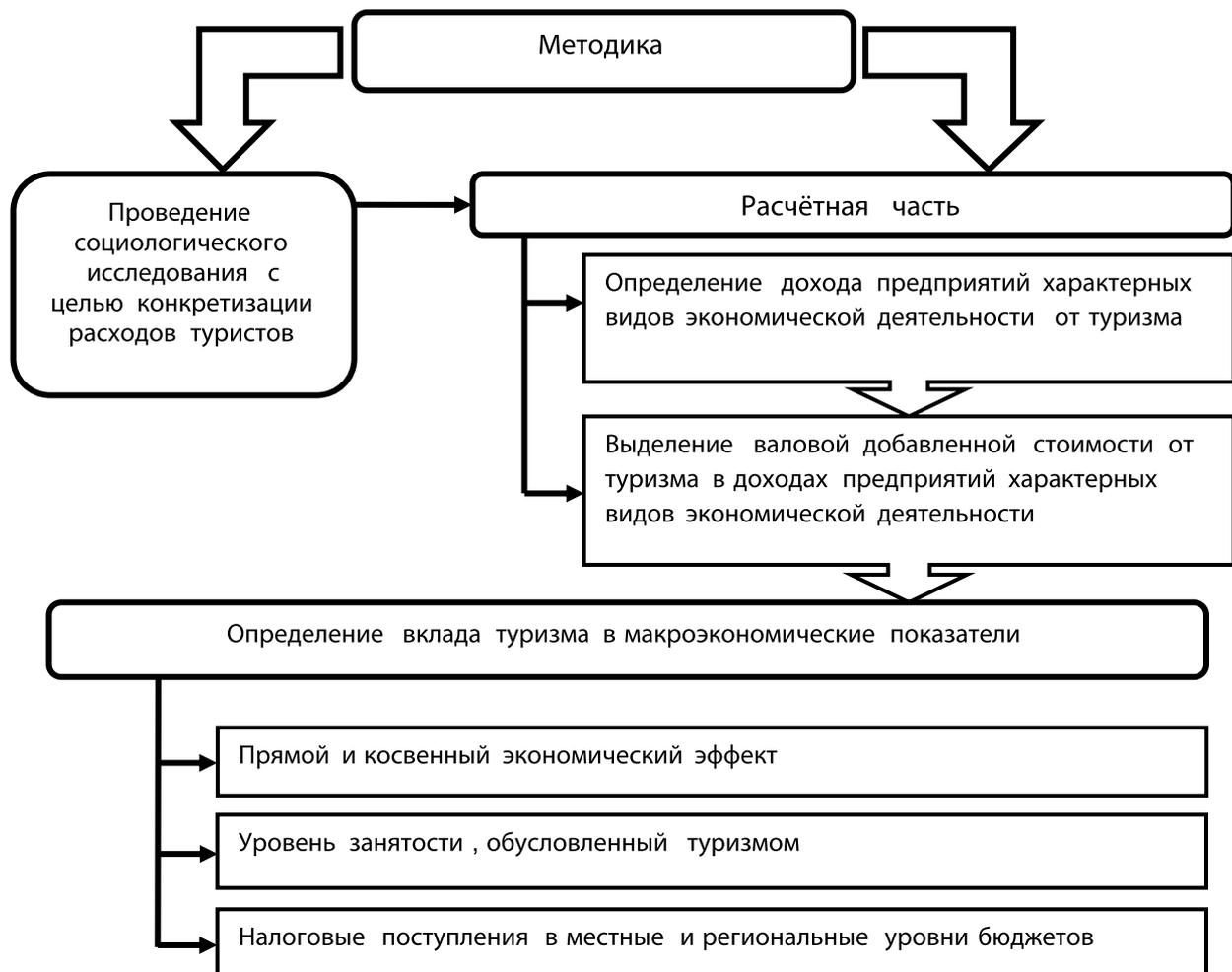
Концепция разработанной для Хабаровского края методики заключается в определении стоимости товаров и услуг, реализованных туристам предприятиями определённой территории, посредством вычленения из общих доходов организаций доли, сформированной за счёт туристического потребления. Этапы методики по определению вклада туризма представлены на рисунке 1.

На первом этапе были выделены основные, характерные сферы предпринимательской деятельности, связанные с обслуживанием туристов. Их можно разделить на две условные группы: основные и сопутствующие туризму. Основные отрасли занимаются непосредственно обслуживанием только туристических потоков, а сопутствующие – помимо туристов занимаются обслуживанием и местного населения:

- основные (гостиницы и аналогичные средства размещения; предприятия санаторно-оздоровительного комплекса; туристические организации);
- сопутствующие (предприятия розничной торговли, общественного питания, транспорта общего пользования, оказывающие услуги связи, дополнительного образования и повышения квалификации, средние специальные и высшие учебные заведения, учреждения медицины, культуры и искусства).

Согласно Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД) выделенные отрасли можно объединить в следующие разделы классификатора:

Раздел G – оптовая, розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного потребления.

Рис. 1. Схема методики определения вклада туризма в макроэкономические показатели территории

Раздел Н – гостиницы и рестораны.

Раздел I – транспорт и связь.

Раздел М – образование.

Раздел N – здравоохранение.

Раздел О – прочие коммунальные, социальные и персональные услуги.

На втором этапе с целью конкретизации размеров затрат путешествующих был проведён социологический опрос в гостиницах г. Хабаровска. Обследование продолжалось в 2008–2009 гг., опрошено 250 респондентов.

В результате данного исследования была определена структура ежедневных средневзвешенных затрат на одного туриста (рис. 2). В 2008 г. ежедневные затраты составили 5477,3 руб. Для определения данного значения в 2009–2010 гг. учитывались индексы цен на продовольственные и непродовольственные товары.

При расчётах в качестве доходной части предприятий отраслей использовалась не выручка ор-

ганизации, а ее оборот за определённый период. Это связано, в первую очередь, с тем, что статистическая информация предоставляет данные по интересующим показателям только в виде оборота и, во-вторых, он более удачно подходит для целей расчётов.

Оборот организаций – выручка-нетто от реализации товаров, продукции, работ, услуг. Он, как правило, включает выручку от продажи товаров, приобретенных в целях перепродажи, за минусом НДС, акциза и других аналогичных обязательных платежей; выручку от реализации посреднических услуг (сумму вознаграждений комиссионеров (поверенных, агентов) за минусом НДС); стоимость товаров собственного производства, отгруженных (переданных) другим юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям; выручку от других видов деятельности (доход от сдачи в аренду зданий, складских помещений и торговых площадей, транспортных средств и оборудования и т.п.).

Рис. 2. Структура ежедневных средневзвешенных затрат на одного туриста в 2008 г.,%

На третьем этапе методики был произведен расчёт туристического оборота предприятий по отраслям (табл. 1).

Всего за счёт туризма оборот предприятий края составил 18,1 млрд руб. и 21,1 млрд руб. в 2009 и 2010 гг. соответственно. Рост туристического оборота имеет тенденции за прошедшие периоды. Увеличение показателя было обеспечено в значительной степени за счёт транспорта общего пользования.

Более половины туристического оборота (67,5% в 2009 г. и 69,7% в 2010 г.) приходится на международное и междугородное виды сообщения, что свидетельствует о ярко выраженном выездном характере туристической отрасли Хабаровского края.

Но для того, чтобы можно было сравнить полученные значения с валовым региональным продуктом (ВРП) территории, необходимо привести обороты предприятий к валовой добавленной стоимости (ВДС). Это возможно осуществить с помощью формул представленных в табл. 2.

Основой расчётов является формула № 2 табл. 2, в которой определяется отношение оборота к НДС определённого вида экономической деятельности. По разделам G, H, I, согласно ОКВЭД, в качестве коэффициента пересчёта берется полученный результат. Но в случае с разделами M, N, O значение будет превышать единицу. Это является результатом использования предприятиями этих разделов в своей деятельности бюджетного финансирования, поэтому в качестве коэффициента пересчёта лучше использовать единицу.

Если формула прямого вклада туризма в ВРП достаточно логична, то формула вклад туризма с учётом смежных отраслей требует некоторых пояснений. В косвенном эффекте учитывается НДС отраслей, которые участвуют в создании туристического продукта, товаров или услуги для туристов на первых стадиях их производства. Например: до того как любой товар будет реализован туристу, его необходимо доставить до магазина, произвести на заводе с использованием определенного

Таблица 1

Сводные данные по обороту предприятий Хабаровского края, полученного от обслуживания туристических потоков, млн руб.

Сфера предпринимательской деятельности	2008		2009		2010	
	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%
Розничная торговля	2 089,3	14,6	1 991,2	11,0	2 094,5	9,9
Гостиницы и аналогичные средства размещения	1 405,4	9,8	1 465,1	8,1	1 685,5	8,0
Общественное питание	1 264,3	8,8	1 168,3	6,4	1 285,3	6,1
Транспорт общего пользования	8 447,0	58,9	12 247,5	67,5	14 731,1	69,7
Предприятия, оказывающие услуги связи	21,1	0,1	19,7	0,1	22,4	0,1
Туристические организации	468,6	3,3	538,0	3,0	619,2	2,9
Предприятия по оказанию услуг дополнительного образования и повышения квалификации	183,3	1,3	195,7	1,1	209,5	1,0
Средние специальные и высшие учебные заведения	67,2	0,5	81,4	0,4	81,9	0,4
Предприятия санаторно-оздоровительного комплекса	220,1	1,5	254,9	1,4	216,1	1,0
Медицинские учреждения	91,6	0,6	87,0	0,5	93,1	0,4
Учреждения культуры и искусства	78,2	0,5	84,3	0,5	91,2	0,4
Всего оборот предприятий от обслуживания туристов	14 336,1	100,0	18 133,0	100,0	21 129,8	100,0

сырья, которое могут получить только сельскохозяйственные или добывающие предприятия.

Учитывать влияние смежных отраслей в туризме необходимо, так как без их участия сам товар или услугу нельзя произвести. А для того, чтобы учесть это влияние необходимо воспользоваться особенностью формирования ВДС любого предприятия. Валовая добавленная стоимость – это разница между выручкой организации и стоимостью сырья, товаров и услуг, которые были приобретены у сторонних предприятий. В итоге получается, что конечная стоимость товара или услуги является суммой ВДС всех предприятий, которые участвовали в его или ее производстве. В нашем случае такой суммой ВДС является «туристический оборот организаций».

В итоге через коэффициенты пересчёта оборота предприятий в валовую добавленную стоимость были определены ВДС отдельных видов экономической деятельности и вклад туризма в макроэкономические показатели Хабаровского края (табл. 3).

Таким образом, прямой вклад туризма Хабаровского края от характерных видов экономической деятельности в 2010 г. составил 4,4%, тогда как с учётом смежных отраслей – 6,8% ВРП Хабаровского края. На каждое рабочее место в тури-

стическом секторе в 2010 г. приходилось 13 путешествующих. В среднем в мире этот показатель составляет 3–4 туриста, что говорит о недостаточности работников для обслуживания туристических потоков Хабаровского края.

С экономической точки зрения, туризм – это одна из ведущих и наиболее динамичных отраслей мирового хозяйства. За быстрые темпы роста он был признан экономическим феноменом столетия. Туризм является фундаментальной основой экономики многих развитых и развивающихся стран мира. К тому же он способствует улучшению качества жизни местного населения. Во-первых, увеличивается число рабочих мест, во-вторых, развивается инфраструктура региона, что делает жизнь людей более интересной и разнообразной и, в-третьих, снижаются эмиграционные потоки, так как население меньше задумывается о смене места жительства. Таким образом, туризм выступает своеобразным катализатором социально-экономического развития территории.

Разработанные методические подходы позволяют проводить анализ оборота и валовой добавленной стоимости предприятий индустрии туризма региона на более качественном уровне. На основании полученных данных можно принять обоснованные управленческие решения, которые

Таблица 2

Формулы для определения вклада туризма в макроэкономические показатели

№ п/п	Формулы
Прямой и косвенный экономический эффект от туризма	
1.	$ТВДС_i = TO_i \times K_{O_{вВДС}_i}$ <p>ТВДС_i – валовая добавленная стоимость организаций i-ого вида экономической деятельности, полученная от обслуживания туристических потоков; TO_i – туристический оборот организаций i-ого вида экономической деятельности; K_{O_{вВДС}_i} – коэффициент пересчета оборота организаций в валовую добавленную стоимость i-ого вида экономической деятельности.</p>
2.	$K_{O_{вВДС}_i} = O_i / ВДС_i$ <p>O_i – оборот организаций i-ого вида экономической деятельности; ВДС_i – валовая добавленная стоимость организаций i-ого вида экономической деятельности.</p>
3.	$d_{\text{Туризма П.}} = 100 \times \sum ТВДС_i / ВРП$ <p>d_{Туризма П.} – прямой вклад туризма в ВРП, % ВРП – валовой региональный продукт территории.</p>
4.	$d_{\text{Туризма К.}} = 100 \times \sum TO_i / ВРП$ <p>d_{Туризма К.} – вклад туризма в ВРП с учётом смежных отраслей, %</p>
Уровень занятости, обусловленный туризмом	
5.	$K_{\text{ТОКО}_i} = TO_i / O_i$ <p>K_{ТОКО_i} – коэффициент отношения оборота предприятий от туризма к обороту всего i-ого вида экономической деятельности.</p>
6.	$TZ_i = Z_i \times K_{\text{ТОКО}_i}$ <p>TZ_i – количество сотрудников предприятий в экономике региона i-ого вида экономической деятельности, занятых обслуживанием туристических потоков; Z_i – занято в экономике региона в i-ом виде экономической деятельности.</p>
Налоговые поступления в местные и региональные уровни бюджетов от туристической деятельности	
7.	$ТНис_i = Нис_i \times K_{\text{ТОКО}_i}$ <p>ТНис_i – налоги и сборы от i-ого вида экономической деятельности, полученные в результате туристического потребления; Нис_i – налоги и сборы, полученные от i-ого вида экономической деятельности.</p>

будут способствовать развитию предпринимательского сектора, необходимого в данный момент вида экономической деятельности. Построенные прогнозы и планы благодаря методическим подходам будут основаны на математических расчётах, а не на экспертной оценке происходящего. Полученные результаты можно успешно использовать в качестве целевых индикаторов программ всех уровней власти, что обеспечит более подробную оценку эффекта от реализации определенных мероприятий, так как включают результаты деятельности не только основных предприятий, но и организаций смежных к туризму отраслей.

Большим плюсом методики является то, что она не требует сложных расчётов и массивного объёма исходной информации. Другой значимой положительной стороной является возможность применения разработанных формул на территории любого региона Российской Федерации, так как принципы формирования статистики одинаковы на всей территории государства.

Практически во всем мире ощущается острая нехватка информации о роли туризма в экономике стран и регионов и, следовательно, имеется потребность в надежных оценочных данных, отражающих важность и уровень развития этого эко-

Таблица 3

Доля туризма в макроэкономических показателях Хабаровского края, %

Показатели	2006	2007	2008	2009	2010
Прямой вклад туризма в ВРП	3,8	4,2	3,3	4,6	4,4
Вклад туризма с учётом смежных отраслей в ВРП	6,3	6,2	5,3	6,6	6,8
Доля занятых в туристической сфере	5,0	4,9	4,0	5,1	4,9
Количество въездных и внутренних туристов, обеспечивших одно рабочее место, чел.	10,5	9,8	16,8	11,3	13,3
Доля в региональных и местных налогах, сборах от туризма	5,1	5,7	4,6	6,7	7,1

номического сектора и позволяющих разрабатывать деловую стратегию его развития и проводить государственную политику в области туризма. По-

этому разработанная методика является одним из вариантов решения данной проблемы для субъектов РФ и муниципальных образований.

*****

1. Дальний восток России: как жить и хозяйствовать: монография/А. В. Хорошавин, В. К. Заусаев. – Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2012.

2. Вспомогательный счет туризма: рекомендуемая методологическая основа/Комиссия Европейских сообществ, Организация экономического сотрудничества и развития, Организация Объединенных Наций, Всемирная туристская организация – Нью-Йорк: Издательская секция Организации Объединенных Наций, 2002.

3. Хабаровский край: Статистический ежегодник/Хабаровскстат – г. Хабаровск, 2011.

4. Состояние экономики Хабаровского края: Аналитическая записка/Хабаровскстат – г. Хабаровск, 2010.

5. Экономика и социальная сфера Хабаровского края. 2010 год: Стат. обозрение/Хабаровскстат – г. Хабаровск, 2010.

6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб./Росстат. М., 2011.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Березутский Ю.В.

В статье представлена социологическая оценка особенностей социального развития молодежи одного из субъектов Дальнего Востока РФ – Хабаровского края. Социальное развитие молодежи раскрывается посредством значимых для нее социальных переходов: прохождение обучения, начало трудовой деятельности, усвоение навыков здорового образа жизни, создание семьи, формирование гражданской позиции. Анализ позволил сделать вывод, что социальные переходы к желаемому состоянию нередко носят стихийный характер, не совпадают с реальными потребностями личности и регионального развития.

Ключевые слова: молодежь, социальное развитие, государственная молодежная политика, ценности молодежи, сознание и поведение молодежи, социальные переходы.

Важнейшим ресурсом развития любого общества является молодежь, которая играет большую роль в социально-экономических процессах, как его настоящего, так и его будущего. Однако данные статистики и результаты социологических исследований свидетельствуют о серьезных проблемах социального, экономического, психофизиологического, духовного развития российской молодежи, в том числе и дальневосточной. Молодежная преступность и наркомания, правовой нигилизм, низкая социальная активность, деформация процесса усвоения знаний, девальвация ценностей, высокий миграционный потенциал и другие нега-

тивные процессы вызывают обоснованную тревогу за развитие Дальнего Востока.

На разных этапах своего развития общество стремится выработать определенные требования к молодежи в форме норм, ценностей, правил. Посредством государственной политики оно создает условия для социального развития молодежи. В политике государства выражается его отношение к молодому поколению как ресурсу социально-экономического, политического и культурного развития общества.

Новая социальная и политическая стратегия, изложенная еще в Послании Президента РФ Д. А. Мед-

ведева 2009 г., исходит из того, то «стране жизненно необходима всесторонняя модернизация. Ее главная цель – движение к новой России, к новому времени, в результате которого вместо примитивного сырьевого хозяйства в России должна быть создана экономика, основанная на инновациях и высоких технологиях, – что приведет к ее демократизации. Обеспечить это новое качество – призвана молодежь. Ей под силу достичь того, чтобы вместо прошлой, построить настоящую Россию – современную, устремлённую в будущее молодую нацию, которая займет достойные позиции в мировом разделении труда» [1].

Может ли молодежь быть группой развития, своеобразной «точкой роста» для экономики и социальной сферы нашего общества?», «Способна ли она решить задачи модернизации общества?». Ответы на эти и другие вопросы требуют научного осмысления и анализа. Попробуем проанализировать состояние этих проблем на уровне одного из дальневосточных субъектов РФ – Хабаровского края.

Данные статистики и результаты социологических исследований дают мозаичную и противоречивую, порой парадоксальную картину состояния сознания молодежи, а, следовательно, и ее развития.

С одной стороны, молодежь составляет значительную долю в составе новых статусных групп и социальных слоев населения – предпринимателей, менеджеров, чиновников, банковских работников. Современная молодежь более продвинута, чем старшее поколение в новых информационных технологиях, инновационна по своей природе. Как самая динамичная, более восприимчивая к изменяющимся условиям социально-демографическая группа, молодежь легче адаптируется к новым социально-экономическим условиям. Сегодня увеличилось число молодых людей в органах государственной власти и муниципального управления, общественных движениях и политических партиях.

С другой стороны, подтверждается вывод, сделанный отечественными социологами, о том, что каждое последующее поколение российской молодежи хуже по своим социальным характеристикам предыдущего. Новое поколение оказалось среди незащищенных социальных групп, ухудшилось его материальное положение, деформировалось социальное развитие. Наблюдается глубокое противоречие, вызванное несоответствием новых

социально-экономических требований и качеств личности молодого человека, которые традиционно формируются социальными институтами общества.

Не умаляя значения социальной субъектности молодежи, можно сказать, что многое в ее сознании и поведении в основном заданно теми условиями и факторами, которые и определяют ее социальную субъектность, жизненное самоопределение, социальное развитие.

К сожалению, за сложными и противоречивыми общественными процессами вне поля управленческой практики остаются базовые ценности, потребности, ориентации и стратегии поведения молодежи. В то же время, очевидно, что молодежь интенсивно самоопределяется в процессе так называемых *социальных переходов*: прохождение обучения, начало трудовой деятельности, усвоение навыков здорового образа жизни, создание семьи, формирование гражданской позиции.

В них заключается социальный смысл «взросления» молодежи по освоению ценностей и норм трансформирующегося общества и их последующего воспроизводства. Социальные переходы молодежи от одного возрастного периода к другому могут быть резкими и критическими, медленными и постепенными, успешными и прогрессивными, что очень важно учитывать при разработке и реализации социальных программ и проектов государственной молодежной политики.

Особенность периодов взросления в том, что «недовложение» ресурсов, жизненно необходимых для данного возраста (финансовых, социальных, материальных, культурных, духовных и др.) ведет к безвозвратной потере молодежного ресурса.

В свое время немецкий социолог и философ К. Маннгейм, обосновывая социологический подход к изучению молодежи, показывал тесную зависимость между социальным развитием молодежи и развитием общества, подчеркивая, что «динамичные общества опираются на связь с молодежью, особая функция которой состоит в том, что она представляет собой оживляющего посредника, своего рода резерв, выступающий на передний план, когда такое оживление становится необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам» [2, с. 441].

Однако результаты региональных социологических исследований показывают, что надежды на улучшение жизни молодежь связывает, в пер-

Таблица 1

Оценка молодежью отношения к ней государства, в процентах от общего числа опрошенных

Оценки отношения	1997 г.	2000 г.	2005 г.	2007 г.	2009 г.
1. Лучше, чем к другим группам населения	8,0	4,9	7,5	10,7	12,7
2. Так же, как к другим группам	51,3	42,1	55,2	54,6	54,8
3. Хуже, чем к другим группам	31,7	23,4	23,8	18,1	17,0
4. Затрудняюсь	10,3	29,0	13,6	16,4	15,5

вую очередь, с собственными усилиями (надеется лишь на себя), а не с усилиями государства и его политических и социальных институтов [3]. Этого мнения придерживается до 70% молодежи.

Более конкретное представление о том, как оценивает молодежь отношение к себе государства, среди других социальных групп населения, отражает динамика ее ответов. Данные показывают, что оценка позитивного отношения государства, а, следовательно, и властных структур, действующих от его лица, к молодежи предельно низкая (порядка 10% от числа опрошенной молодежи), хотя и несколько возросло число тех, кто отмечает улучшение государственного внимания к себе. Среди опрошенных сократилось число негативно оценивающих это отношение – с трети до пятой части. Однако более половины молодежи по-прежнему единодушны в том, что государство относится к ней также как к другим группам населения, не учитывает ее особенностей (табл. 1).

Все это приводит к деформации социально-го развития молодежи, низкому уровню ее социальной и политической активности. Проведенный анализ региональных социологов позволил сделать вывод о том, что потенциал самоорганизации школьников, колеблющийся от 40% до 70%, в основном, не реализуется, либо реализуется в форме асоциальных неформальных объединений или ориентированных на досугово-развлекательный характер детских и молодежных общественных организаций [4, с. 122].

Серьезной проблемой в процессе обучения современной молодежи выступает проблема девальвации ценности образования. Процесс усвоения знаний большинством молодежи сегодня подменяется процессом получения «диплома» (самого документа).

Анализ состояния молодежи в процессе обучения показывает, что проводимые государством реформы неоднозначны по своим последствиям. Очевидно, что модернизация системы образова-

ния (ЕГЭ, подушевое финансирование, оптимизация сети образовательных учреждений и др.) дали определенный положительный эффект в формировании рынка образовательных услуг. Но социальные последствия реформаторских действий не вызывают особого удовлетворения у школьников и студентов [5]. Только одному из пяти школьников и одному из трех студентов нравится учиться в своем учебном заведении (табл. 2).

В процессе обучения каждому второму школьнику «неинтересны некоторые предметы», особенно это актуально для старших школьников, определившихся с вузами поступления и выбравших три-четыре предмета для подготовки к ЕГЭ. Остальные предметы для них становятся «не важными», не интересными, что значительно снижает интеллектуальный потенциал российской молодежи.

Сохраняются деформации в профессиональной ориентации выпускников школ. По-прежнему среди привлекательных для них профессий: юристы (12,9%), экономисты (8,9%), банкиры (7,1%), программисты (7,1%). Среди непривлекательных – социально значимые профессии учителя (0,9%), фермера (0,4%), ученого (0,9%), работника культуры (0,9%) и др.

Результаты социологических исследований демонстрируют повышение потребности разных возрастных групп молодежи к профессиональному обучению. Сохраняется устойчивый и высокий интерес выпускников школ к получению высшего образования, нежели к среднему специальному или среднему профессиональному. Высокая мотивированность молодежи на получение высшего образования стала социальной нормой и свидетельствует о превращении высшей школы в массовую и доступную. По данным опроса, 92,3% городских и 71,3% сельских учащихся 10–11 классов собираются поступать в вузы.

В шкале мотивов получения высшего образования у выпускников школ Хабаровского края доминируют представления о том, что оно дает «высо-

Таблица 2

Результаты ответов на вопрос: «Нравится ли Вам учиться в школе (вузе)?»,
в процентах от общего числа опрошенных

Оценки	Школьники	Студенты
1. Очень нравится	16,8	29,5
2. В целом нравится, но хочется большего	42,7	54,3
3. Мне все равно, лишь бы получить образование	20,9	6,0
4. В целом не нравится	19,6	10,3

кооплачиваемую работу», «интерес к профессии», «интеллектуальное развитие». Однако третья часть молодежи приходит в вуз, чтобы приобрести просто «диплом как таковой».

Как следствие, осложнились проблемы трудовой занятости молодежи. Нередко они вызваны тем, что притязания молодежи на высокодоходные и престижные места не совпадают с потребностями рынка труда. В своих же материальных предпочтениях молодежь ориентируется на достаточно высокий уровень дохода, не особо обращая внимание на условия трудовой деятельности. Мотив «большая заработная плата» значим для 65,7% опрошенных молодых людей, в то время как мотив «условия труда» – только лишь для 37,5% молодежи.

Существенных различий в мотивах «большой зарплаты» среди разных возрастных групп в исследованиях не выявлено. Однако страх оказаться безработным, невостребованным на рынке труда испытывают как 17-летние, еще не имеющие профессии, так и уже работающая молодежь, что свидетельствует о неустойчивости современного рынка труда.

Известно, что деньги в современном российском обществе и, особенно среди молодежи, играют особую роль, о чем отметило 61,1% опрошенных молодых людей. Эта ценность занимает второе место в шкале ценностей молодежи, уступая лишь желанию быть здоровым (65,8%).

Желание иметь материально обеспеченную жизнь – вполне нормальное, как с экономических, так и социальных позиций. Но какие способы их добычи молодежь считает допустимыми? Подавляющее большинство молодежи отмечает «устройство на работу». При этом значительная часть связывает мотивацию трудовой активности со стремлением заработать деньги любыми способами, в том числе и противоправными: «взять то, что плохо лежит» считают для себя в той или иной степени допустимым явлением 37,0% молодежи;

«добыть хитростью» – 77,0%; «взять силой» – 31,1%; «уклонение от уплаты налогов» – 48,1%; «вступить в физическую близость за плату» – 22,6%. При этом существенных изменений в позитивную сторону в сознании молодежи по результатам региональных социологических исследований за последние двенадцать лет не произошло, что вызывает обостренную тревогу.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что происходит социальная кристаллизация ненормативности сознания молодежи. Можно также утверждать, что «ненормативность», асоциальная направленность сознания молодежи воспроизводит себя, поскольку в разные годы замеров молодежь разная, а сознание остается практически идентичным на одном, высоком ненормативном уровне. А в этом кроются причины распада молодых семей, проституция, воровство, хулиганство и другие противоправные действия.

Создание семьи стабильно занимает одно из ведущих мест в рейтинге ценностей молодежи, но реальный переход к ней носит отсроченный характер.

Каждый десятый молодой человек, не состоящий в браке, не собирается в него вступать и в будущем; 40% молодежи вообще затруднились дать ответ на вопрос о возрасте вступления в брак. Кризис молодежного сознания обусловлен тем, что сегодня каждый третий молодой человек (32,4%) не считает обязательным регистрацию брака при создании семьи. До 40% опрошенных молодых семей живет так называемым «гражданским браком», а он имеет, как известно, свои негативные социальные последствия.

Подобные установки молодежи в сфере брачно-семейных отношений не могут не сказаться и на уровне рождаемости, что в свою очередь определяет демографическую ситуацию в регионе. Современная молодежь откладывает создание семьи на более поздний срок, что совпадает

с общероссийскими тенденциями: сокращение общего числа браков и увеличение среднего возраста вступления в брак [6, с. 101].

В репродуктивных установках молодых семей продолжает доминировать однодетность или даже бездетность. Так, согласно полученным социологическим данным, абсолютное большинство молодых семей желает иметь двух детей (68,9%), еще 15,5% – трех и более, только лишь 1,4% молодых семей не желает иметь детей. Однако в реальной жизни каждая пятая молодая семья не имеет детей, только половина имеет одного ребенка, двоих детей имеет только 15,9% молодых семей и 1,9% семей имеет трех и более детей [7]. Желания молодых семей иметь второго или третьего ребенка существенно расходятся с возможностями материального положения, наличием жилья, проблемами здоровья, обеспеченностью дошкольными учреждениями.

Особую озабоченность вызывает состояние здоровья современной молодежи. Анализ иерархии ценностей молодежи показывает, что подавляющее большинство отдает приоритет ценности «здоровья», придавая ему значение «сверхценности» (65,8% опрошенных молодых людей).

Выбор «здоровья» в качестве доминирующей ценности объясняется реальным, кризисным состоянием здоровья российской молодежи. Согласно экспертным оценкам, в настоящее время только 10% детей рождается полностью здоровыми. Среди молодежи только 40% оценили состояние своего здоровья, как хорошее. Только третья часть молодежи отметила то, что практически не болеет.

В то же время результаты исследования свидетельствуют о том, что молодежь мало что предпринимает для поддержания нормального состояния своего здоровья. Только пятая часть молодежи систематически занимается спортом, делает зарядку, посещает спортивные секции.

При этом до половины молодежи всех возрастных групп курит. Среди молодежи отмечается большее количество тех, кто практически постоянно (почти каждый день, 1–2 раза в неделю) употребляет спиртные напитки. Среди студентов хабаровских вузов только 20% не употребляют алкоголь. 72% опрошенных отдают предпочтение пиву; 70% – вину; 57% – энергетическим коктейлям. Каждый пятый школьник 9–11 классов (16%) имеет опыт употребления наркотиков. Абсолютное боль-

Таблица 3

Актуальные направления молодежной политики в оценках молодежи,
в процентах от общего числа опрошенных

	Актуальные направления молодежной политики	%
1	Решение жилищной проблемы	60,4
2	Поддержка молодой семьи	53,5
3	Решение вопросов занятости и безработицы	53,5
4	Решение проблем преступности	32,4
5	Развитие системы отдыха и досуга	32,1
6	Развитие массового спорта	28,1
7	Поддержка талантливой молодежи	27,1
8	Решение проблем безнадзорности и беспризорности	22,9
9	Совершенствование системы образования	22,4
10	Поддержка молодежного предпринимательства	16,1
11	Поддержка деятельности молодежных организаций	11,5
12	Развитие гражданской ответственности и патриотизма	11,1
13	Создание системы информационного обеспечения	10,6
14	Развитие системы социальных служб	9,9
15	Международное молодежное сотрудничество	8,9
16	Развитие художественного творчества	8,2
17	Повышение политической активности	6,0

шинство школьников (90,0%) отмечает, что сегодня достать наркотики достаточно легко [8, с. 154–155].

У каждого третьего школьника (30,3%) в кругу друзей и знакомых есть такие, кто бы употреблял наркотики. На открытый вопрос в анкете школьники 9–11 классов написали 37 наименований наркотических средств.

Таким образом, результаты региональных социологических исследований убеждают, что модернизация общества требует кардинального изменения отношения к молодежи всех ветвей власти, работодателей и гражданского общества. Без осознания этого простого и ясного императива на основе достижений фундаментальной и прикладной науки невозможно правильно определить приоритеты развития России и ее будущее, особенно здесь, на Дальнем Востоке. Об этом напоминают и миграционные настроения молодежи. Желание молодежи жить и работать на территории Дальнего Востока, Хабаровского края с годами, к сожалению, постепенно падает. Сегодня каждый третий опрошенный молодой человек (34,7%) планирует покинуть территорию Дальнего Востока.

На наш взгляд, основой совершенствования молодежной политики могут быть приоритеты, которые определяет сама молодежь. Они достаточ-

но прагматичны и отражают ее основные интересы и потребности (табл. 3).

Хочется надеяться, что деятельность вновь образованного в мае 2012 г. Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока позволит изменить существующие социально-экономические условия и развернуть вектор социального развития молодежи действительно в русло развития Дальневосточного региона.

Таким образом, результаты исследований показывают, что социальное развитие молодежи достаточно деформировано в современных меняющихся условиях. У молодежи Хабаровского края доминируют разнонаправленные установки на получение профессии, трудовую занятость и достижение материального благополучия, создание семьи и ведение здорового образа жизни. Переходы к желаемому состоянию нередко носят стихийный характер, не совпадают с реальными потребностями личности и регионального развития.

Объективная необходимость в новой, более эффективной государственной молодежной политике обусловлена ее высокой общественной значимостью как субъекта социально-экономического и духовного развития дальневосточного региона.

*****

1. Поднять Россию на новую ступень развития. Послание президента Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2009//Тихоокеанская звезда. – 2009. – 14 ноября.

2. Карл Маннгейм. Диагноз нашего времени.: Пер. с нем. и англ. – М.: Юрист, 1994.

3. Мониторинговое исследование «Молодежь Хабаровского края: проблемы и перспективы». Замеры состояния молодежных проблем проводились четыре раза: в 1997 г., 2000 г., 2005 г., 2007 г. и 2009 г. Объем выборочной совокупности составлял 550–700 респондентов. Генеральную совокупность составляла молодежь Хабаровского края трех возрастных групп – 17, 24 и 29 лет. Тип выборочной совокупности – многоступенчатый, квотный – в разрезе трех основных характеристик (пол, возраст, территория проживания), случайный на этапе отбора респондентов. Научный руководитель – д. с.н., профессор Н. М. Байков. В исследованиях 2007 г. и 2009 г. научный руководитель – к. с.н., доцент Ю. В. Березутский.

4. Байков Н. М., Брилев Д. В. Самоорганизация учащихся школ как ресурс развития гражданского общества//Власть и управление на Востоке России: научно-публицистический журнал. – Хабаровск: ДВАГС, 2010, № 1 (50).

5. Исследование «Специфика и проблемы состояния молодежного потенциала в Хабаровском крае», 2008 г. (школьники n=649, студенты n=580). Генеральную совокупность составляли две социальные группы молодежи: школьники старших классов (10–11 классов) образовательных школ Хабаровского края и студенты младших курсов (1–3 курсы) вузов Хабаровского края. Научный руководитель – к. с.н., Ю. В. Березутский.

6. Богданова Л. П., Щукина А. С. Гражданский брак в современной демографической ситуации//Социологические исследования. – 2003, № 7.

7. Исследование «Современная молодая семья: состояние и проблемы», 2007 г. (n=640). Генеральную совокупность составляли молодые семьи Хабаровского края в возрасте до 30 лет. Научный руководитель – д. с.н., профессор Н. М. Байков. Дальневосточная академия государственной службы. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Современная молодая семья: состояние и проблемы», проект № 07–03–88305 а/Т.

8. Березутский Ю. В., Халикова С. С. Самосохранительное поведение студентов: ценностный ресурс здоровья или декларация//Власть и управление на Востоке России: научно-публицистический журнал. – Хабаровск: ДВАГС, 2010, № 4 (53).

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Сухомиров Г.И.

В работе рассматривается зависимость продовольственной безопасности и качества жизни населения на Дальнем Востоке от современного уровня и перспектив развития сельского хозяйства по двум вариантам.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, сельское хозяйство, потребление, качество жизни, инновация.

Качество жизни населения и продовольственная безопасность Дальнего Востока в большой степени зависят от уровня развития сельского хозяйства, поэтому рассмотрим условия и перспективы его развития, начиная с предреформенного периода, то есть с 1990 г. Сельское хозяйство в регионе функционирует в условиях рискованного земледелия, обусловленных сложными, нередко экстремальными природно-климатическими факторами. Это предопределяет более высокие издержки производства в отрасли по сравнению с другими регионами страны.

Развитие сельскохозяйственного производства в регионе предполагает использование специальных механизмов экономического регулирования. Они использовались до 1991 г., значительную часть средств региональные сельхозпроизводители получали в виде надбавок из государственного бюджета к закупочным ценам, которые составляли 40% к себестоимости реализованной продукции по региону, а в северных территориях 57–62%. Такой подход обеспечивал рентабельную работу большинства сельскохозяйственных предприятий.

После 1990 г. обстановка ухудшилась не только для дальневосточного сельского хозяйства, но и в целом для отрасли. Усилилась перекачка ресурсов из сельского хозяйства в другие секторы экономики. Ежегодно не менее 1 трлн руб. валового дохода, созданного в сельском хозяйстве, изымается из отрасли, а бюджетная поддержка ее, включая льготы и преференции, составляет не более 20% изъятия [1, с. 126].

Ситуация усугублялась диспаритетом цен. За 1991–2008 гг. в ДФО цены на приобретаемую промышленную продукцию выросли в 697,9 раза, а на реализованную сельскохозяйственную продукцию всего в 74,2 раза, то есть в 9 раз меньше [2, с. 59]. Это привело к глубокому системному кризису сельского хозяйства, разрушению производственного и экономического потенциала сельскохозяйственных товаропроизводителей, сокращению числа занятых и падению материальной заинтересованности работников сельского хозяйства, зара-

ботная плата которых уменьшилась с 95% в 1990 г. до 45–50% от средней по экономике в последние годы. Это привело к снижению качества жизни сельчан.

Основной объем сельскохозяйственного производства региона сосредоточен в Амурской области, Приморском и Хабаровском краях, Республике Саха (Якутия) (80,3% в 2010 г.). Сельскохозяйственные угодья и пашня занимают незначительную (0,7 и 0,4%) часть территории и сосредоточены в основном в Приамурье и Приморье. После 1990 г. на Дальнем Востоке площадь сельскохозяйственных угодий сократилась почти на 35% (пашни – 31%). В результате обеспеченность сельскохозяйственными угодьями на душу населения в регионе, даже с учетом потери численности населения, к настоящему времени более чем в 2 раза уступает среднероссийским показателям (1,35 и 0,67 га, а пашни 0,81 и 0,34 га). Посевные площади сельскохозяйственных культур в регионе сократились в 2,1 раза (табл. 1).

После 1990 г. в ДФО объем производства основных сельскохозяйственных продуктов значительно снизился. Среднегодовое производство зерновых культур сократилось на 57,4% (с 1115,1 тыс. т в 1986–1990 гг. до 474,7 тыс. т в 2006–2010 гг.), овощей соответственно на 18% (с 465,0 тыс. т до 381,4 тыс. т) и картофеля – на 5,7% (с 1330 тыс. т до 1254 тыс. т). Поголовье домашних животных уменьшилось: крупного рогатого скота с 1709,4 до 457,3 тыс. голов (в 3,7 раза); коров с 625,0 до 196,9 тыс. голов (в 3,2 раза); свиней с 1603,5 до 292,4 тыс. голов (в 5,5 раза); птиц с 27955 до 10585,7 тыс. голов (в 2,6 раза). Сократилось производство мяса в 2,8 раза (с 351,1 тыс. т до 124,2 тыс. т), молока – в 2,7 раза (с 1571,4 тыс. т до 591,4 тыс. т) и яиц – в 1,9 раза (с 2260,6 млн шт. до 1188,5 млн шт.).

Падение сельскохозяйственного производства привело к резкому уменьшению потребления основных продуктов питания населением и снижению качества жизни в 2000–2005 гг. С проведением проекта «Развитие АПК» в 2006–2007 гг.

Таблица 1

Посевные площади всех сельскохозяйственных культур в Дальневосточном федеральном округе за 1990–2010 гг., тыс. га

Территория	1990	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Дальневосточный ФО	2892,4	1405,9	1179,6	1223,8	1244,4	1304,4	1392,4	1382,9
Республика Саха (Я)	107,5	60,6	49,0	45,7	42,6	35,3	43,2	44,1
Камчатский край	64,9	30,8	18,8	21,0	21,4	21,9	22,6	22,0
Приморский край	741,6	436,2	340,1	327,8	313,3	308,3	348,3	314,0
Хабаровский край	121,3	97,5	77,3	79,6	77,0	77,1	79,2	72,6
Амурская область	1623,5	655,2	576,4	626,5	662,4	726,0	761,5	790,3
Магаданская область	36,5	11,6	6,8	7,9	8,6	8,4	7,4	6,1
Сахалинская область	50,0	35,6	23,9	23,4	23,4	25,4	25,0	25,4
Еврейская АО	146,9	78,5	87,2	91,8	95,8	102,0	105,2	108,4
Чукотский АО	0,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб./Росстат. – М., 2010.

и реализацией «Госпрограммы на 2008–2012 гг.», когда АПК ДФО получил государственную поддержку из средств федерального бюджета на сумму 11,3 млрд руб. и из средств бюджета субъектов ДФО около 45 млрд руб., положение с производством продукции растениеводства относительно стабилизировалось. Доля убыточных сельскохозяйственных организаций снизилась. При этом уровень рентабельности (со знаком минус) без учета субсидий из бюджетов был: в 2006 г. – 18,0%, в 2007 г. – 11,9, в 2008 г. – 10,8, в 2009 г. – 12,3 и в 2010 г. – 9,8%, а с субсидиями (со знаком плюс) соответственно по годам: 5,8%, 12,1, 14,9, 17,5 и 12,9%. Приведенные показатели уровня рентабельности не обеспечивают условий даже для простого воспроизводства.

В последние годы благодаря росту импорта продуктов, особенно мяса и молока, увеличилось потребление основных видов продуктов на душу населения по сравнению с 2000 г., но уровень потребления в 1990 г. по мясу и мясным продуктам, молоку и молочным продуктам, яйцам и овощам не достигнут в целом по региону даже в 2010 г. Сейчас уровень потребления населением данных видов продуктов составляет от научно-обоснованной нормы соответственно: 88,9%, 48,5%, 81,8% и 76,3% (табл. 2), а уровень самообеспечения, потребление за счет собственного производства составляет соответственно: 22,2%, 22,9%, 58,1% и 42,1%.

В 2010 г. потребление на душу населения по дальневосточным субъектам РФ сильно различаются: мяса от 51 кг – в Еврейской автономной области (ЕАО) до 88 кг – в Республике Саха (Якутия), молока от 73 кг – в Чукотском автономном округе

(ЧАО) до 287 кг – в Республике Саха, яиц от 165 шт. – в Камчатском крае до 263 шт. – в Хабаровском крае, картофеля от 51 кг – в Чукотском автономном округе до 180 кг – в Еврейской автономной области, овощей от 12 кг – в ЧАО до 132 кг – в ЕАО. Низкое обеспечение продуктами местного производства сказывается на качестве жизни и создает угрозу продовольственной безопасности местному населению, особенно в неблагоприятные для сельского хозяйства годы и/или прекращения импорта продуктов.

В последнее 20-летие на Дальнем Востоке увеличился разрыв в потреблении продуктов между группами населения с минимальными и высокими доходами. В Хабаровском крае этот разрыв превышает пятикратную величину. Из-за низких доходов сельских жителей многие продукты питания для них оказались недоступными. Сельское население питается значительно хуже городского, структура питания их сильно различается. В Хабаровском крае сельчане потребляют меньше горожан мяса и мясopодуков на 37,2 кг, или на 50,7%, молока и молокопродуктов – на 84,6 кг, или 36,4%, яиц – на 8 шт. (4,6%), фруктов – на 42,5 кг (59,8%), овощей – на 13,2 кг (13,4%), а намного больше потребляют хлебопродуктов – 53,4%, картофеля – в 2,2 раза. Следовательно, в сельской местности более выражена модель тяжелого углеводистого типа питания [3, с. 19]. Это отрицательно сказывается на качестве жизни дальневосточников, средняя продолжительность жизни которых значительно ниже среднероссийской.

В результате различных экспериментов и реформ в значительной степени разрушены производственная и социальная инфраструктура на селе.

Таблица 2

**Потребление основных сельскохозяйственных продуктов питания на душу населения
в Дальневосточном федеральном округе в 1990–2010 гг., кг/год**

Продукт	Норма*	1990	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Хлебные продукты	105	114	107	113	114	115	116	115	116
Мясо и мясопродукты	81	73	46	58	61	64	69	70	72
Молоко и молокопродукты	392	364	148	168	176	184	185	186	190
Яйца, штук	292	284	162	204	210	215	221	228	239
Картофель	118	98	137	153	153	154	121	120	122
Овощи и бахчевые	139	102	69	114	119	100	105	104	106

Источники: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2009: Стат. сб./Росстат. – М., 2009. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб./Росстат. – М., 2011.

*Данные Института питания АМН СССР.

Практикой доказано, что опора на рыночный механизм при отсутствии социальных ориентиров ведет к деградации человеческого потенциала, тормозит экономическое развитие. Социальная сфера не создает материальных благ, но без ее развития невозможно эффективное развитие производства. С падением доходов аграрных работников ухудшается доступность образования, здравоохранения, культуры, торгового, бытового и других сфер обслуживания, которые образуют социально-производственные условия жизни. На селе значительно хуже, чем в городе, обеспеченность дошкольниками, медицинскими, бытовыми, торговыми учреждениями, дорогами с твердым покрытием, телефонной связью. Только за 2003–2009 гг. в сельской местности Дальневосточного федерального округа на 7,8% уменьшилось количество образовательных учреждений, на 40% сократилось количество амбулаторно-поликлинических учреждений и на 25,5% – количество фельдшерско-акушерских пунктов. Известно, что если в селе закрывается школа, то в течение ближайших 2–3 лет семьи, имеющие детей, уезжают, и поселение постепенно исчезает.

Жителями деревни уже потеряны многие положительные черты: трудолюбие, опыт и навыки жизни в условиях сельской местности, семейные устои, нравственность и традиции. Сельское население в значительной мере утратило предпринимательский дух, а иждивенческое настроение стало всеохватывающим явлением. К сожалению, этот процесс не остановлен. При наличии большой безработицы на селе, сельскохозяйственные предприятия различных форм собственности испытывают острый дефицит в специалистах: механизаторах, агрономах, зоотехниках. Таким образом, на селе ДФО сложилась устойчивая социально-экономи-

ческая ситуация, основной доминирующей тенденцией которой является увеличение разрыва в уровне жизни сельского и городского населения. Продолжение данной тенденции в перспективе может привести к необратимым процессам в развитии села – к его неспособности выполнять ни одну из его функций: производственную, социально-демографическую, культурную, природоохранную и рекреационную. Это угрожает не только продовольственной, но общеэкономической безопасности ДФО.

По мере интеграции российского сельского хозяйства в глобальную экономику все более осязаемой становится возросшая степень отставания отечественного АПК от ведущих мировых производителей продовольствия по всем компонентам научно-технического развития. Российское сельское хозяйство в настоящее время в 5 раз более энергоемкое, в 4 раза более металлоемкое и в 8–10 раз ниже по производительности труда, чем в США, Канаде и в странах ЕС. Инновационная активность, отражающая долю предприятий и организаций, осуществляющих разработку и использование нововведений, снизилось с 20% в начале 1990-х гг. до менее 4% в 1999–2000 гг. и в последующие годы [4]. Положение в ДФО еще более удручающее. Здесь основными производителями сельскохозяйственной продукции являются «хозяйства населения», в которых преобладает ручной труд.

Проблема обостряется со вступлением России во Всемирную торговую организацию (ВТО). Ведь, цели и задачи ВТО в принципе противоречат как текущим, так и долгосрочным интересам России и, особенно, ДФО в сфере агропромышленного производства. Наше сельское хозяйство не выдержит конкуренции без больших государственных субсидий и защитных пошлин на импортную продукцию.

С вступлением России в ВТО внутренний торговый рынок сельскохозяйственной продукции будет открыт для зарубежных производителей и возникнет реальная угроза прекращения работы многих наших сельхозтоваропроизводителей, особенно животноводческой продукции. При вступлении в ВТО Россия, в том числе ДФО, не смогут конкурировать с Китаем и другими странами ни по объемам, ни по себестоимости сельскохозяйственной продукции. Если полностью будет открыта граница с Китаем, то КНР заполнит наш рынок своим картофелем и другой дешевой, но, кстати, не качественной сельскохозяйственной продукцией.

В перспективе основной проблемой развития регионального сельского хозяйства является не только восстановление уровня самообеспечения по тем продуктам, производство которых возможно в силу наличия ресурсного и технологического потенциала, но и повышение этого уровня, и, следовательно, повышение качества жизни населения и обеспечение продовольственной безопасности Дальнего Востока.

По прогнозам мировых экспертов, в ближайшие 20 лет в мире будет наблюдаться дефицит продовольствия и к 2025 г. число голодающих может возрасти до 1,2 млрд человек. Такое положение не может пройти без последствий и для ДФО, поэтому ускоренное развитие собственного сельскохозяйственного производства в регионе необходимо.

ООН и его подразделения (ЮНЕСКО и ФАО), а также Международный валютный фонд и Всемирный банк, обеспокоенные продовольственным кризисом, призывают все государства мира всерьез заняться сельским хозяйством, увязать его развитие с промышленностью, другими отраслями экономики и проблемами экологии [5, с. 63].

Научно-обоснованная аграрная политика в России должна учитывать и опираться на ярко выраженную многофункциональность сельского хозяйства, его системное воздействие на реализацию важнейших социальных, демографических, экологических и политических задач государственного управления. Такой комплексный подход позволит по-новому взглянуть на реальную окупаемость бюджетных затрат на поддержание и развитие аграрного сектора, учесть обобщающий синергический эффект функционирования сельскохозяйственной отрасли в системе народного хозяйства, заложить основы ее инновационного роста.

Дальневосточное сельское хозяйство в перспективе должно преодолеть технологическую отсталость и повысить качество труда. При переходе на модель экологического сельского хозяйства необходимо постоянное улучшение плодородия почвы, охраны окружающей среды, рационального использования ресурсов, повышение производительности труда при его высоком качестве, эффективности и низком энергопотреблении.

На наших землях отечественные технологии позволяют получать экологически чистую продукцию, что в современном мире становится глобальным конкурентным преимуществом, которое может обеспечить получение «экологической ренты». Поэтому основным направлением развития сельского хозяйства и повышения его эффективности в перспективе становится использование природных способов ведения сельского хозяйства путем чередования сельхозкультур (севооборот), а также поддержание и повышение почвенного плодородия биологическими методами (например, запахивание в почву зеленых удобрений – сидератов, использование многолетних трав). Перспективным направлением является освоение эффективной технологии возделывания сельскохозяйственных культур в сочетании с максимальным использованием их сортового и биоклиматического потенциала. Получат широкое распространение селекционно-генетические инновации, необходимые для введения в производство сортов и гибридов растений, устойчивых к неблагоприятным условиям, болезням и вредителям. В животноводстве – создание пород мясного скота, в птицеводстве – новых кроссов птицы высокой продуктивности.

Учитывая высокую инерционность аграрного сектора, поддерживая уровень инвестирования и финансово-материальной поддержки регионального сельского хозяйства в пределах, обеспечивающих рост производства в размере 3–5%, следует ориентироваться на достижение к 2025 г. основных показателей по производству сельхозпродукции и самообеспечению ими населения примерно на уровне 1990 г. Важной задачей предстоящей перспективы является создание условий, в том числе институциональных, для перехода к новой идеологии формирования и развития аграрного сектора на Дальнем Востоке. Конечно, традиционное сельскохозяйственное производство и в перспективе останется конституирующим сектором продовольственного обеспечения. Однако и для

него возможны как минимум два варианта организации [6, с. 462–468].

Вариант первый. Сельское хозяйство региона может и в перспективе ориентироваться на мелко- и среднемасштабное растениеводство и животноводство, которые в предшествующие 100 лет решали вопросы продовольственного обеспечения населения продуктами питания. В этом случае стартовый период будет посвящен исключительно изменению экономических институтов и подготовке к внедрению отдельных технических и технологических инноваций. Однако, инерционное развитие отрасли должно быть исключено из рассмотрения перспективной стратегии, так как экстраполяция текущих тенденций развития сельского хозяйства обеспечит стагнацию производства продовольствия и аграрного сырья, а уровень производства и потребления не достигнет уровня 1990 г. даже к 2050 г. В данных условиях ни о какой продовольственной безопасности не может быть и речи.

Рассмотрению подлежит преимущественно инновационный сценарий развития сельскохозяйственного производства, отличительной особенностью которого является максимальное внедрение технологических и технических новаций для достижения полной обеспеченности населения региона за счет собственного производства мясом, молоком, яйцом, медом, картофелем и овощами, которые можно эффективно производить в природно-климатических условиях Дальнего Востока. На этой основе улучшить качество жизни местного населения и повысить продовольственную безопасность региона.

При сохранении организационных форм в отрасли, дальнейшей концентрации финансово-материальных ресурсов (до 8% совокупных расходов федерального бюджета в АПК к 2025 г.) в традиционном сельскохозяйственном производстве даже при интенсивном использовании новых технологий к 2050 г. по сравнению с 1990 г. в ДФО удастся увеличить производство зерна не более чем на 14–15%, овощей в 2,3 раза и картофеля в 1,6 раза.

Еще сложнее складывается ситуация в области животноводства. Более высокая трудоемкость и длительность производственного периода требует более продолжительного времени для улучшения положения. поголовье крупного рогатого скота (КРС) в 2050 г. по сравнению с 2010 г. увеличится в 2 раза (до 900 тыс. голов, в том числе коров 420 тыс.), а относительно 1990 г. составит всего 52,7%. поголовье свиней в 2050 г. по сравнению

с 1990 г. составит 74,8% (1200 тыс. голов) и северных оленей соответственно 74,4% (910 тыс. голов). Только птицеводство, у которого воспроизводственный цикл короткий, может реально к 2050 г. нарастить поголовье птиц по сравнению с 1990 г., но не более чем на 5–6%. В Республике Саха (Якутия) традиционно развивается табунное коневодство, и хотя поголовье лошадей в 2009 г. по сравнению с 1990 г. сократилось с 190 до 159 тыс. голов, есть реальная возможность увеличить поголовье к 2050 г. до 250 тыс. голов. При росте продуктивности данное поголовье позволит увеличить по сравнению с 1990 г. производство товарной животноводческой продукции: мяса на 20–22%, молока на 25%, яиц на 40–42%. Это слабый прогресс за 60 лет (1990–2050 гг.).

Эти уровни производства основных сельскохозяйственных продуктов позволят к 2050 г. изменить продовольственную самообеспеченность региона. В зависимости от вариантов увеличения численности населения процент самообеспеченности будет изменяться (в предположении, что не изменятся представления о рациональном рационе питания). Но даже при условии сохранения практически неизменной численности населения к 2050 г. (что мало реалистично) существенный прогресс по сравнению с 1990 г. с точки зрения продовольственной безопасности можно с уверенностью прогнозировать только по картофелю и яйцу.

Следовательно, одни только технологические и институциональные изменения в сельском хозяйстве недостаточны для серьезного изменения тенденций в области обеспечения продовольственной безопасности Дальнего Востока. Необходимо рассмотреть альтернативный вариант организации воспроизводственного процесса в отрасли.

Вариант второй. Сочетание традиционной среднеразмерной и мелкомасштабной структуры сельского хозяйства с наличием высокоиндустриальных крупномасштабных аграрных фабрик с компьютеризацией и робототехникой, на которых будет производиться значительная часть продукции (мясо, молоко, овощи). Подобная форма организации производства позволит решить в значительной степени проблему нехватки рабочей силы и резко повысит продуктивность по сравнению с существующей.

Часть сельскохозяйственных земель, особенно в районах с относительно низкой естественной продуктивностью почв и отсутствием больших мас-

сивов пашни (Хабаровский край, Еврейская автономная область, отдельные районы Приморского края и Амурской области), переводится в пастбища и кедрово-широколиственные плантационные леса, где организуются животноводческие и коллаторско-растениеводческие хозяйства, а также предприятия по использованию лесных ресурсов. Даже при условии слабого освоения территории в ДФО среднегодовой сбор продукции дикорастущих растений достигал более 90 тыс. т, в том числе, грибов – 34,6, ягод – 24,0, папоротника – 16,1, орехов – 7,1, черемши – 6,9 тыс. т. Объем заготовок мяса диких животных достигал 3,7 тыс. т, боровой дичи – 79,9 тыс. штук и березового сока – 4,1 тыс. т [7, с. 258]. Даже без кардинального преобразования и перевода этой деятельности на индустриальную основу, должная организация производства и более полное освоение угодий может увеличить объем продукции охотничьего и природного плодово-ягодного хозяйства в 2–3 раза, что значительно улучшит питание и качество жизни местного населения за счет экологически чистой продукции.

Развитие сельского хозяйства региона по второму варианту потребует расширения мелиорации и освоение новых земель, обеспечит существенное увеличение объемов производимого продовольствия и особенно повысит продуктивность сельскохозяйственного комплекса. В частности урожайность может вырасти к 2050 г. по сравнению с первым вариантом по зерновым в 2–3 раза, по картофелю и овощам в 2–2,5 раза. Продуктивность в животноводстве увеличится по мясу в 2 раза, по молоку в 3 раза. Вместе с увеличением поголовья скота и птицы в связи с кардинальным расширением масштабов животноводческих производств обеспечит принципиально иные по сравнению с первым вариантом развития аграрного комплекса параметры по производству и потреблению сельскохозяйственной продукции (табл. 3).

Таким образом, реализация второго варианта развития аграрного комплекса, который будет зависеть от активности бизнеса и власти, позволит к 2050 г. создать в регионе высокоиндустриальное сельскохозяйственное производство в комплексе с плантационной деятельностью. Рост эффективности производства обусловит кардинальное изменение ситуации с продовольственным обеспечением населения региона. Если при первом варианте самообеспеченность населения Дальнего Востока к 2050 г. может быть только по картофе-

лю и яйцу, то при втором варианте данный показатель будет достигнут по всем основным продуктам (кроме зерна), и представится возможность значительную часть экологически чистой продукции даже экспортировать.

Реализация индустриального варианта развития аграрного комплекса в основном определяется способностью улучшения экономической среды, создания возможностей для восстановления и сбалансированности производственного потенциала. Это невозможно сделать силами самого аграрного сектора, тем более в масштабах и на уровне компетенции региона. Необходимо модернизировать всю систему экономических отношений, институтов, регулирующих и стимулирующих полное использование внутренних резервов аграрного сектора при оптимальной государственной поддержке (до 15% совокупных расходов федерального бюджета в АПК к 2050 г.).

Для устойчивого развития аграрного сектора необходимо, прежде всего, создать условия обеспечения для субъектов хозяйствования уровня доходности, необходимого для расширенного воспроизводства. Рост цены реализации сельскохозяйственной продукции до уровня, обеспечивающего условия расширенного воспроизводства в аграрном секторе, невозможен по социальным и политическим причинам. Поэтому в большинстве развитых стран доходы и прибыль фермеров в значительной степени формируются за счет субсидий, компенсаций и других форм господдержки. В государствах с федеральным устройством на бюджетную поддержку федерального уровня приходится более 90% всей поддержки сельского хозяйства. В развитых странах Европы прямая господдержка сельхозпроизводителей составляет около 20% расходной части бюджета, а в России многие годы удельный вес сельского хозяйства в расходной части госбюджета не превышает 1–2%. Хотя доля аграрного сектора в ВВП даже при искаженной структуре цен составляет 4,4%. В близких к России по климатическим условиям Норвегии, Финляндии, Швеции государственные субсидии составляют около 70% фермерского дохода. В расчете на 1 га обрабатываемой площади субсидии селу составляют: в Норвегии – 3500 долл., в Финляндии – 1600 долл., в США – 200 долл., а в России – менее 20 долл. [8, с. 63].

Повсеместно необходимо создание системы льготного кредитования и налогообложения сельхозтоваропроизводителей и системы страхо-

Таблица 3

Возможные варианты развития сельского хозяйства и самообеспеченности населения основными сельскохозяйственными продуктами в ДФО до 2050 г.

Продукция	Было в 1990 г.	Вариант 1		Вариант 2 2050 г.
		2025 г.	2050 г.	
Производство сельскохозяйственной продукции, тыс. т				
Зерно (после доработки)	1312,2	1050	1500	3500
Картофель	1108,4	1500	1750	2300
Овощи	394,4	600	900	1500
Мясо скота и птицы	351,1	283	428	900
Молоко	1571,4	1097	1971	6000
Яйца, млн шт.	2260,6	2335	3180	4000
Уровень самообеспечения населения региона, % от научно-обоснованной нормы*				
Зерно (после доработки)**	16	15	21	43
Картофель	117	182	181	227
Овощи	35	62	79	132
Мяса скота и птицы	54	50	64	136
Молоко	50	40	61	187
Яйцо	96	114	133	167

Источник: Расчеты автора с использованием: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб./Росстат. – М., 2011.

* При прогнозной численности населения в 2025 г. 7 млн, в 2050 г. – 8,2 млн чел.

** Полное самообеспечение предполагает потребность 1 т зерна (с учетом потребностей животноводства и для других целей) на человека.

вания. Требуется усиление регулирующей роли государства для обеспечения эквивалентного обмена сельского хозяйства с другими секторами экономики, стимулировать внедрение ресурсосберегающих технологий производства.

Кроме оказания надлежащей господдержки, требуется сосредоточить усилия на «очистке» произведенного в сельском хозяйстве первоначального продукта от непомерных и необоснованных «накруток» многочисленных перекупщиков, переработчиков и торговых организаций. В настоящее время разница между ценой производителя и розничной ценой, по данным Росстата, составляет в среднем 50% и более. Реально эта разница может увеличиваться в 3 и более раз. Торговая наценка на продукты питания в России достигает 25–30 и даже 40%. В Канаде, Китае, Белоруссии, Казахстане предельная наценка составляет 12%, а на социально значимые продукты – 8% [9, с. 42]. Необходимо законодательно приостановить увеличение ножиц цен на товарную продукцию сельского хозяйства и установить доли производителей в конечной цене не менее 40%, переработчиков – 40%, торговли – 20%, как это практикуется в зарубежных странах с развитым аграрным производством [10, с. 90]. Это будет способствовать улучшению питания населения.

Государственная аграрная политика должна ориентироваться на два сектора: с одной стороны, на высокомеханизированные крупнотоварные сельскохозяйственные организации и фермеров с развитыми формами объединения, вплоть до холдингов, дающие основную товарную продукцию, и, с другой стороны, на мелкотоварный сектор, представленный семейными хозяйствами. Мелкотоварное производство не может в перспективе оставаться слабомеханизированным. Необходимо стимулировать закупки и отечественное производство малогабаритной техники, насыщение семейных ферм племенным скотом и семенами районированных сортов. При реализации продукции перерабатывающим предприятиям, социальным учреждениям фермерские и личные подсобные хозяйства должны пользоваться поддержкой такого же уровня, как и крупные аграрные производители. В свою очередь индустриальные объединения и корпорации будут способствовать сохранению объектов социальной инфраструктуры и закреплению населения в сельской местности и, как следствие, повышению занятости на селе, а следовательно, и повышению уровня жизни. Кооперация и интеграция в производстве, переработке и реализации сельскохозяйственной продукции к 2050 г. должна охватить до 90% сельскохозяйственных предприятий.

Одним из главных факторов развития сельского хозяйства остается его кадровое обеспечение. В значительной степени эта проблема решается за счет индустриализации аграрного производства. Однако не меньшее значение будет иметь изменение всей инфраструктурной и социальной базы сельской местности, в том числе радикальное снижение глубины бедности. Требуется выверенная, глубоко обоснованная и продуманная стратегия возрождения и устойчивого развития села. Речь идет о сохранении сельского хозяйства как системообразующего сектора экономики региона, определяющего удовлетворение жизненных

потребностей всего населения, как сектора, который является «заказчиком» и «потребителем» товаров и услуг для многих отраслей промышленности, является мультипликатором, способствующим развитию взаимодействующих с ним отраслей, созданию новых рабочих мест и снижению безработицы. Деятельность одного сельскохозяйственного работника обеспечивает не менее шести несельскохозяйственных рабочих мест.

Таким образом, только комплекс мероприятий по развитию сельского хозяйства позволит обеспечить достойное качество жизни на Дальнем Востоке и его продовольственную безопасность.

*****

1. Буздалов И. Перекачка как отражение социально-экономической ущербности аграрной политики//Вопросы экономики. – 2009, № 10.

2. Шелепа А.С. Экономические проблемы развития сельского хозяйства Дальнего Востока России//Пространственная экономика. – 2010, № 4.

3. Шелепа А.С., Пастухова Н.Ю., Проскурякова Т.И. и др. Факторы и методы снижения бедности сельского населения: методические рекомендации. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП. 2009.

4. Инновационная деятельность в аграрном секторе экономики России/Под ред. И.Г. Ушачева, И.Т. Трубилина и др. – М.: Колос. 2007.

5. Устиан И. Мировой продовольственный кризис: серьезный вызов начала XXI века//Экономист. – 2008, № 10.

6. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050/Под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко; ИЭИ ДВО РАН. – Владивосток: Дальнаука, 2011.

7. Сухомиров Г.И. Таежное природопользование на Дальнем Востоке России/ИЭИ ДВО РАН; Амурский филиал Всемирного фонда дикой природы (Россия). – Хабаровск: РИОТИП, 2007.

8. Нечипоренко О.В. Сельское хозяйство и реформы аграрной сферы: адаптация или деградация?//Социологические исследования. – 2009, № 6.

Рау В.В. Глобальный продовольственный кризис и перспективы российского животноводства//Проблемы прогнозирования. – 2009, № 1.

10. Маркова Г. Об эффективности воспроизводственных процессов в сельском хозяйстве//Экономист. – 2010, № 10.

РАСХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ НА СОДЕРЖАНИЕ ЖИЛЬЯ И КОММУНАЛЬНЫЕ УСЛУГИ: ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ¹

Найден С.Н.

В статье анализируются расходы населения на содержание жилья и коммунальные услуги в целом по стране и в разрезе регионов Дальнего Востока и пространственная дифференциация стоимости жилищно-коммунальных услуг по центральным городам субъектов Дальневосточного федерального округа. Предложен подход и оценены реальные расходы населения на содержание жилья, включая расходы на текущий ремонт.

Ключевые слова: доходы населения, потребительские расходы, жилищно-коммунальные услуги, тарифы, пространственная дифференциация, Дальний Восток.

Жилье остается важнейшим фактором экономического и социального развития, определяющим соответствующий уровень и качество среды обитания человека. Несмотря на то, что вопросы его приобретения являются первоочередными при удовлетворении базовых потребностей, не ме-

нее важную роль играют расходы на содержание жилья и коммунальные услуги, которые стали одной из весомых статей в потребительских бюджетах населения. Если в начале 1990-х гг. отношение расходов на содержание жилья к величине семейных доходов составляло в среднем 2,5%, причем

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Рынки жилищно-коммунальных услуг в условиях трансформации общественного сектора экономики Дальнего Востока», № 11-12-27007а/Т.

собственно квартирная плата занимала 1%, а оплата коммунальных услуг – 1,5%, то к концу 2000-х гг. удельная величина жилищно-коммунальных платежей достигла 10–11% [1; 2, с. 15].

Причиной тому послужил рост тарифов на жилищно-коммунальные услуги, темп увеличения которых, начиная с 1999 г., постоянно опережает общий индекс потребительских цен. За десять последних лет цены на потребительские товары и услуги выросли в среднем по стране в 3,1 раза к уровню 2000 г., а тарифы на жилищно-коммунальные услуги за этот же период – в 10,4 раза, в том числе на горячее водоснабжение – в 14,7 раза, на отопление – в 13,3 [3, с. 8–9].

В стоимостной структуре коммунальных услуг, оказываемых жителям Дальневосточного федерального округа (ДФО), подавляющая доля (86,6%) приходится на снабжение ресурсами, производители и поставщики которых традиционно занимают монопольное положение на обслуживаемой ими территории и являются локальными естественными монополиями. Стоимость отдельных услуг по территориям сильно дифференцирована в зависимости от климатических особенностей и специфики сложившегося ЖКХ (табл. 1).

Так, самая высокая плата за содержание жилья в 2000 г. была зафиксирована в Якутске (6 руб. за 1 м²). Несмотря на схожие климатические условия, в 2010 г. лидирующее положение занял центр Чукотского АО, где плата за содержание 1 м² жилья (37,1 руб.) превысила в 2 раза якутский тариф (18,5 руб.). Соотношение между максимальным и минимальным значениями варьировало в пределах от 5 раз в 2000 г. до 3,6 раза в 2010 г. Причиной такого разброса стало не только техническое состояние жилищного фонда, но и сложившиеся особенности финансовых взаимоотношений между центром и регионами, когда для получения трансфертных вливаний территории поспешили привести в соответствие свои тарифы, надеясь на значительные компенсации высоких затрат со стороны федерального бюджета. В результате плата за обслуживание жилья в центрах южных субъектов ДФО (Владивостоке и Хабаровске) превысила стоимость аналогичных услуг в Якутске и Магадане.

Стоимость 100 кВт/час различается по городам Дальнего Востока в 2,6 раза. Здесь первенство в исследуемый период делили Петропавловск-Камчатский и Анадырь, где стоимость 100 кВт/час в 2000 г. составляла 100 руб. и 160 руб. соответственно, в то время как в Магадане за то же количество

электроэнергии плата была установлена на уровне 40 руб. К 2010 г. произошло выравнивание уровня тарифов с учетом природно-климатических условий территорий. Минимальный тариф уже традиционно был зафиксирован в южных столицах субъектов ДФО. Плата за водоснабжение и водоотведение в расчете на 1 человека в месяц варьировала в 2000 г. от 12,6 руб. во Владивостоке до 45,6 руб. в Якутске (где в весенне-осенний период ежегодно возникает критическая ситуация с водоснабжением в результате конструктивных недостатков существующего водопровода и отсутствия станции очистки воды) размах составлял 3,6 раза. Тарифы на воду за 2000–2010 гг. в среднем по стране выросли в 11,5 раза. В тоже время в самых крайних точках Дальнего Востока рост составил 490% (г. Анадырь, Чукотский АО) и 600% (г. Якутск, Республика Саха (Якутия)) к уровню 2000 г., зато в Южно-Сахалинске тарифы взлетели в 16 раз, а в южном центре Приморского края (г. Владивосток) в 15,2 раза. Это невозможно объяснить только особенностями географического положения или повышенной стоимостью производства услуги, обусловленной объективно существующими техническими возможностями. В данном случае причина заключается в том, что местные органы власти использовали монопольно завышенные тарифы для получения максимально возможной дотации при расчете трансферта на возмещение разницы в объективно существующем различии между условиями жизни в дальневосточном регионе по сравнению с центральными районами страны. Именно на это постоянно указывают в Министерстве финансов РФ и Министерстве экономического развития РФ, когда рассматривают заявки территорий на получение трансфертов на очередной год.

Первое место по стоимости горячего водоснабжения в 2000 г. делили два северных города: Магадан (50 руб. на человека в месяц) и Анадырь (49,9 руб.), остальные города по уровню оплаты горячей воды отставали от них в 3–4 раза. В 2010 г. дороже всех горячая вода обошлась жителям Петропавловска-Камчатского, где тариф за 10 лет вырос почти в 15 раз. Стоимость горячего водоснабжения на сегодняшний день остается самым дифференцированным показателем (4-кратный размах вариации в 2010 г.) среди всех тарифов по центральным городам дальневосточных регионов, что трудно поддается объяснению, так как в северных городах производство горячей воды является, по мнению специалистов, побочным продуктом при произ-

Таблица 1

**Стоимость основных жилищно-коммунальных услуг по городам
Дальневосточного федерального округа в 2000 и 2010 гг., руб.**

Города	Содержание 1 м ² жилья		Электроэнергия, 100 кВт/час		Отопление 1 м ² жилья		Горячее водо- снабжение в ме- сяц на 1 человека		Водоснабжение и водоотведение в месяц на 1 человека	
	2000	2010	2000	2010	2000	2010	2000	2010	2000	2010
Анадырь	5,1	37,1	160	359	1,8	34,0	49,9	455,3	43,5	211,1
Якутск	6,0	18,5	60	205	5,7	25,1	32,5	166,1	45,6	272,8
Магадан	2,4	17,7	40	281	2,5	43,0	50,0	474,1	17,0	199,6
Петропавловск- Камчатский	3,7	32,0	100	290	3,6	31,8	45,9	668,2	19,8	163,4
Южно-Сахалинск	1,3	23,5	73	225	2,9	40,7	31,6	494,6	15,0	239,8
Владивосток	3,5	21,8	60	140	2,6	18,0	37,7	368,1	12,6	192,1
Хабаровск	2,6	30,9	41	169	3,6	20,9	23,6	223,4	29,9	231,9
Благовещенск	1,2	10,4	47	142	2,2	23,3	17,0	211,4	20,0	219,1
Биробиджан	1,6	13,8	41	154	2,9	23,3	22,4	220,1	14,6	176,8
Соотношение между макси- мальным и минималь- ным значениями по городам, раз	5,0	3,6	4,0	2,6	3,2	2,4	2,9	4,0	3,6	1,7

Источник: [4, с. 84; 5, с. 79].

водстве более важного сегмента жилищно-коммунальных услуг – отопления.

До 2003 г. большинство субъектов ДФО проводило политику ограничения роста тарифов в отношении дорогостоящих жилищно-коммунальных услуг (тепла и горячей воды). Только после принятия соответствующих документов на федеральном уровне, когда территориям было предписано привести в соответствие себестоимость производимых услуг ЖКХ и сформировать экономически обоснованные тарифы, органы местного самоуправления были вынуждены отпустить тарифную планку. К 2010 г. самые высокие тарифы на тепло были установлены в столицах Магаданской и Сахалинской областей (соответственно 43 и 40,7 руб. на 1 м² жилья).

Превышение стоимости жилищно-коммунальных услуг в центральных городах ДФО при сравнении с аналогичными средними показателями по России достигает по отдельным услугам 2–4 раза. В результате для дальневосточников плата за стандартную квартиру (54 м² на 3-х человек) оказывается в 1,5–2 раза выше, чем в среднем по стране.

Платёжеспособность населения определяется величиной его доходов и темпами их изменения.

Номинально среднедушевые доходы населения в субъектах ДФО стабильно превышают средние показатели по стране: на Чукотке – в 2 раза, в Магаданской, Сахалинской областях и Камчатском крае – в 1,5 раза, в Якутии и Хабаровском крае – в 1,2 раза. Однако вследствие разницы в уровне цен номинальный среднедушевой доход не отражает реальный уровень жизни на территории. После приведения среднедушевых доходов к сопоставимому виду через паритет покупательной способности (рассчитанный на основе данных о прожиточном минимуме в среднем по стране и в субъектах ДФО) оказывается, что реальные доходы жителей Дальнего Востока существенно ниже, чем в среднем по России. Так, на свой номинальный доход дальневосточники могут приобрести товаров и услуг в 1,5–2 раза меньше, чем среднестатистический житель страны. Региональные различия в доходах населения обусловлены экономическим неравенством в развитии субъектов РФ, включая структуру экономики регионов и динамику роста цен на товары и услуги. Устойчивой тенденции к падению реальных доходов дальневосточников по сравнению с общероссийским уровнем в немалой степени способствуют высокие тарифы на жилищно-коммунальные услуги.

Таблица 2

**Расходы населения на услуги ЖКХ в субъектах
Дальневосточного федерального округа в 2010 г., %**

Регионы	Фактический уровень возмещения затрат на услуги ЖКХ	Удельный вес расходов на оплату услуг ЖКХ в потребительских расходах
Республика Саха (Якутия)	40	9,8
Камчатский край	60	15,7
Приморский край	91	10,8
Хабаровский край	88	12,1
Амурская область	91	17,4
Магаданская область	60	15,7
Сахалинская область	79	10,5
Еврейская автономная область	97	14,0
Чукотский АО	32	13,9
Дальневосточный федеральный округ	72	12,2
Российская Федерация	84	11,3

Источник: [6, с. 61; 7, с. 176–178].

По данным официальной статистики, в ДФО по уровню возмещения издержек ЖКХ бесспорное лидерство занимает Еврейская автономная область (97%), жители которой 14% своих потребительских расходов направляют на оплату жилищно-коммунальных услуг (табл. 2).

Минимально, в пределах 9,8% от своих потребительских расходов, тратят на коммунальные платежи жители Республики Саха (Якутия), но их хватает на покрытие только 40% издержек производителей услуг ЖКХ. Самый минимальный уровень возмещения затрат на услуги ЖКХ на протяжении всего реформационного периода остается в Чукотском АО – 32% при том, что удельный вес собственных расходов на эти цели достигает 13,9% от всех расходов потребительского бюджета. Максимальные расходы наблюдаются у жителей Амурской области (17,4% от потребительского бюджета), они возмещают почти 90% стоимости услуг ЖКХ, в то время как оплаты жителей Камчатки (15,7%) и Магаданской области (15,7%) хватает на покрытие только 60% стоимости предоставленных жилищно-коммунальных услуг в субъектах. На протяжении всего периода реформы реальный сбор платежей с населения в большинстве субъектов ДФО не превышает 92%, что свидетельствует о пределе финансовых возможностей потребителей. С момента введения норматива «максимально допустимой доли собственных расходов» в 1997 г. удельные расходы населения во всех дальневосточных субъектах РФ увеличи-

лись в среднем на 55%. В то же время, если в Приморском и Хабаровском краях, а также в Еврейской автономной области рост составил 30–40%, то в Камчатском крае, Магаданской и Сахалинской областях 200–250%. Самый стремительный скачок произошел в Корякском АО и Чукотском АО, где за период с 1999 по 2010 г. доля расходов населения на оплату жилищно-коммунальных услуг выросла в 3,5 раза. Именно в Корякском АО в 2007 г. был зафиксирован самый низкий уровень возмещения издержек ЖКХ – 27%, несмотря на то, что на их покрытие ушло почти 12,8% потребительских расходов населения автономного округа. Для сравнения, в среднем по России население тратит на оплату жилищно-коммунальных услуг в пределах 10% от своих потребительских расходов. Таким образом, несмотря на то, что номинально среднедушевые доходы дальневосточников значительно выше среднероссийских, бремя жилищно-коммунальных платежей для жителей этих территорий превышает средние показатели.

Количество семей в ДФО, пользующихся субсидиями, составляет 246,6 тыс., или 10,4% от общего числа семей, проживающих в ДФО [7, с. 207–208].

Если среди дальневосточников в субсидиях нуждается каждая десятая семья, то для сравнения в среднем по России – только каждая тринадцатая. Причиной этого является не только потеря сложившихся в дореформенный период более высоких доходов у дальневосточников, которые позволяли компенсировать более высокий уровень тарифов

на жилищно-коммунальные услуги. В большей степени положение усугубилось потерей в результате миграции значительной части потребителей, что привело, с одной стороны, к росту обеспеченности жильем и другими объектами социальной инфраструктуры, а, с другой стороны, к соответствующему росту финансовой нагрузки на каждого оставшегося жителя Дальнего Востока по содержанию основных фондов отраслей социальной сферы.

В таблице 3 представлены сравнительные данные о соотношении между стандартом предельной стоимости жилищно-коммунальных услуг, который используется Минфином России для расчета бюджетных трансфертов, и среднедушевыми доходами населения.

Если в 1997 г. отклонение максимальной нагрузки (ЕАО – 35,4%) от средней по стране (15,7%) составляло 2,3 раза, то к 2000 г., несмотря на общую тенденцию к снижению удельных показателей, отрыв от средней составил 3,5 раза (ЕАО – 35,3%, РФ – 10,1%). При этом пик внутрирегиональной дифференциации пришелся на 2001 г., когда произошло резкое увеличение среднедушевых доходов населения в Чукотском АО, что приблизило автономный округ к среднероссийскому уровню (7,9%). В результате размах платежной нагрузки между дальневосточными субъектами РФ достиг 3,3 раза. Если в среднем по стране в течение 2005–2010 гг. соотношение между стоимостью социальной нормы площади жилья и среднедушевыми доходами населения варьирует в пределах 8%, то у большинства регионов ДФО оно продолжа-

ет превышать средний уровень в 1,5–2 раза. Аутсайдерами по удельному соотношению остаются Камчатский край (особенно, за счет Корякского АО, где уровень жизни значительно ниже, чем в целом по краю) (25,8% в 2010 г.), Магаданская область (14,9%), Амурская область (13,7%) и Республика Саха (Якутия) (13,2%), где для первых двух регионов характерна высокая стоимость жилищно-коммунальных услуг, а для двух последних – низкие доходы населения. Неожиданно к аутсайдерам добавился Чукотский АО, где после искусственного сдерживания (до 2005 г.) стремительными темпами стала расти стоимость содержания жилья и оплаты коммунальных услуг. Только в 2009 г. по сравнению с 2008 г. федеральный стандарт предельной стоимости жилищно-коммунальных услуг на Чукотке вырос в 2 раза.

Таким образом, несмотря на рост удельных потребительских расходов населения на услуги ЖКХ, платежеспособность населения не позволяет достичь полного покрытия издержек производителей. Причина заключается в том, что простое увеличение доли расходов населения на оплату услуг ЖКХ без соответствующих изменений в области формирования доходов населения, самое главное, в сфере формирования тарифов на услуги ЖКХ в сторону их экономической обоснованности и, если не снижения, то хотя бы стабилизации на определенный период, не дает позитивных результатов.

Самым популярным аргументом в пользу повышения удельных расходов населения до объявлен-

Таблица 3

Нагрузка жилищно-коммунальных платежей на потребительские бюджеты населения в субъектах Дальневосточного федерального округа, %

Регионы	1997	2000	2010
Республика Саха (Якутия)	17,5	14,2	13,2
Камчатский край	18,4	16,4	25,8
Приморский край	28,0	29,2	10,1
Хабаровский край	23,7	21,0	8,6
Амурская область	27,0	28,8	13,7
Магаданская область	20,1	15,2	14,9
Сахалинская область	27,0	20,2	7,8
Еврейская автономная область	35,4	35,3	11,3
Чукотский АО	16,3	11,9	17,6
Российская Федерация	15,7	10,1	7,4
Отношение максимального показателя по ДФО к РФ, раз	2,3	3,5	3,3

Примечание к таблице: Расчет произведен как отношение стоимости социальной нормы площади жилья (18 м^2 – федеральный стандарт предельной стоимости жилищно-коммунальных услуг, установленной Правительством РФ для каждого субъекта РФ) к среднедушевым доходам населения в субъекте РФ.

ных 22% от совокупного дохода за услуги ЖКХ и перевода на 100-процентное возмещение издержек их производства является показательное сравнение с аналогичными платежами населения развитых стран. Однако, по мнению специалистов, при условии корректного сопоставления оказывается, что доля расходов на жилищно-коммунальные услуги, аналогичные российскому показателю, составляют в США на протяжении последних 45 лет только 5,5–6,6% с амплитудой колебания в пределах 0,5%. В европейских странах эта доля равна в среднем 5,6%, а по странам значения колеблются от 4% во Франции, Великобритании, Люксембурге до 8–9% в Дании, Германии, Австрии. Разброс объясняется разницей в структуре собственности на жилье и ценах на энергоресурсы. Высокий удельный вес расходов в Дании, Германии и Австрии объясняется низкой долей собственного жилья и высокими ценами на энергоресурсы [8, с. 140–142].

По данным статистики, россияне в 2010 г. в среднем на жилищные и коммунальные услуги тратили в зависимости от разных методологий расчета 9–11% от своего дохода, что однозначно не меньше, чем в странах Западной Европе и США. Однако традиционно в анализе структуры платежей учитывают лишь часть потребительских расходов домохозяйств, касающихся только оплаты за жилье и потребленные коммунальные услуги (тепло, свет, газ, воду и пр.). В то же время домохозяйства несут расходы, не входящие в состав выше перечисленных, но имеющие прямое отношение к содержанию и эксплуатации жилья. Речь идет о расходах на текущий ремонт квартир и домов, включая приобретение строительных материалов, а также приобретение жидкого и твердого топлива для отопления собственных жилых помещений. До 2007 г. федеральные органы государственной статистики выделяли данные статьи в общем перечне потребительских расходов населения, причем за 1980–2007 гг. их доля увеличилась с 1% до 5,7%, что, вполне объяснимо, так как в период реформ население добровольно взяло на себя функции по ремонту своего жилья. Однако измененная Росстатом с 2008 г. методология проведения выборочных обследований домашних хозяйств перестала выделять расходы на строительные материалы, топливо и текущий ремонт жилья. Более того, согласно методологическим положениям статистики, расходы на оплату материалов и работ по капитальному ремонту жилых помещений *не являются потребителями расходами, а считаются инвестиция-*

ми, поэтому вообще не учитываются в общем объеме потребительских расходов [9]. Но они имеют прямое отношение к содержанию и обслуживанию жилья. Именно благодаря тому, что население в острый период экономических трансформаций и реформы ЖКХ добровольно взяло на себя текущий и капитальный ремонт своего жилья (замену окон, систем отопления, розлива холодной воды и водоотведения, обновление электросетей, установку входных и межкомнатных дверей, ремонт и остекление балконов и т.д.), износ жилого фонда был приостановлен. Так сколько же реально составляют расходы населения на содержание своего жилья и коммунальные услуги?

Население на рынке жилищно-коммунальных услуг выступает, как минимум, в четырех качествах:

- как покупатель услуг (в данном случае, жилищно-коммунальных), оплачивающий их по установленной цене, что учитывается в официальной статистике;
- как собственник (или наниматель) жилья, принявший на себя добровольно (или по закону) обязательства по ремонту своего жилья и несущий дополнительные инвестиционные расходы;
- как получатель субсидий и льгот на оплату жилья и коммунальных услуг;
- как налогоплательщик, участвующий в формировании доходов бюджета (путем отчисления подоходного налога), часть которых затем направляется на поддержку ЖКХ.

Две последние позиции свидетельствуют о том, что существуют как прямые, так и обратные потоки финансовых средств между населением и бюджетом, которые влияют на масштабы реальных расходов населения за жилье и коммунальные услуги. Объем бюджетных расходов, направленный на выплату субсидий и льгот на оплату жилья и коммунальных услуг, учитывается в статистике при досчетах совокупного объема потребительских расходов, то есть завышает фактически произведенные населением расходы. Например, в 2010 г. за счет бюджетных выплат на субсидирование и льготы в части потребления жилищно-коммунальных услуг потребительские расходы населения были увеличены на 270 млрд руб. С другой стороны, население участвует в бюджетном процессе через свой подоходный налог, который не имеет целевого назначения и растворяется в общей сумме бюджетных доходов, часть которых (пропорционально структуре расходов) затем идет на поддержку ЖКХ. Так, если в 2000 г. доля подоходного

налога в консолидированных бюджетах субъектов всей страны составила 12,3% от всех доходов, значит в каждой 1000 рублей, израсходованной из консолидированных бюджетов субъектов РФ (в том числе и на ЖКХ) 123 рубля было обеспечено за счет налоговых отчислений с доходов населения. Согласно отчетам об исполнении консолидированных бюджетов субъектов РФ, расходы на ЖКХ в 2000 г. составили 202,3 млрд руб., следовательно можно допустить, что средствами населения, внесенными через подоходный налог, было компенсировано 24,8 млрд руб. из этой суммы. В 2010 г. доля подоходного налога в консолидированных бюджетах субъектов РФ выросла до 27,4%. Теперь уже каждый четвертый рубль из подоходных отчислений населения пошел на покрытие расходов, которые осуществляли региональные бюджеты. Общая сумма расходов, направленных на ЖКХ в 2010 г., составила 836,5 млрд руб., из которых 229,2 млрд руб. (в 9,2 раза больше, чем в 2000 г.!) были покрыты за счет средств, собранных по налогу на доходы с физических лиц [7, с. 170, 820, 823, 830, 844].

Следует отметить, что в отличие от прямых расходов на оплату жилья и коммунальных услуг, на которые влияют размеры, уровень благоустройства и качество занимаемого жилья, опосредованное участие населения в бюджетных расходах на ЖКХ напрямую зависит от уровня получаемых доходов. Следовательно, высокооплачиваемые жители вкладывают в бюджетный «котел» в абсолютном исчислении суммы значительно выше, чем низкооплачиваемые, что совершенно справедливо.

Опираясь на более точный учет расходов населения на содержание своего жилья, включая оплату коммунальных услуг, расходы на приобретение стройматериалов, топливо и проведение текущего ремонта в своих квартирах и жилищах, и используя данные о потребительских расходах домашних хозяйств, о налоге на доходы физических лиц, а также расходы бюджета на ЖКХ, на возмещение субсидий и льгот в сфере жилищно-коммунальных услуг, получены следующие оценки:

- население в 2000 г. реально потратило своих средств на содержание, текущий ремонт жилья и покупку коммунальных услуг на 33,5% больше, чем учтено в официальной статистике;
- в 2005 г. реальные расходы населения превысили статистический показатель уже на 54,1%, и составили 1240 млрд руб. в год, что в 2,5 раза больше, чем израсходовали на ЖКХ все консолидированные бюджеты субъектов РФ;

- к 2010 г. реальный вклад населения в свое жилье достиг 3,4 трлн руб., что в 18,2 раза больше, чем было израсходовано в 2000 г. и на 61,1% выше, чем учтено в статистике.

И это без учета расходов на капитальный ремонт и модернизацию своего жилья, которые, по мнению официальной статистики, относятся к инвестициям в основной капитал и, к сожалению, не фиксируются. Тем не менее, по оценкам специалистов, данная часть расходов весьма значительна [10]. Только в 2003 г. стоимость работ и материалов, приобретенных населением для капитального ремонта жилья и внутриквартирной инфраструктуры, составила около 574 млрд руб., что в 2 раза превышает объем финансовых средств, выделенных из консолидированных бюджетов субъектов РФ на ЖКХ в данном году.

Среди дальневосточных субъектов РФ наиболее значительные расходы по уточненной оценке в 2010 г. произвели жители Чукотского автономного округа (в 2,3 раза больше, чем отражено в структуре потребительских бюджетов) и Сахалинской области (в 1,7 раза), где традиционно сосредоточены самые высокие доходы населения и, следовательно, более высокий опосредованный вклад через налоговые отчисления в бюджеты регионов. При этом обратный финансовый поток, направленный на субсидирование населения и покрытие льгот за услуги ЖКХ, в этих субъектах РФ составляет всего 40% по сравнению с масштабами налоговых поступлений. Жители Камчатского края, Амурской области и Еврейской автономной области реально израсходовали на содержание жилья в 1,2 раза больше традиционной оценки. Минимальное отклонение связано с тем, что именно в этих регионах высока доля низко доходных и малообеспеченных слоев населения, которые нуждаются в значительных трансфертах со стороны бюджетной системы. Так, в Еврейской автономной области объем средств, выделенных из регионального бюджета на выплату субсидий и возмещение льгот на услуги ЖКХ, в 2010 г. в 4,2 раза превысил размер средств, которые поступили на поддержку ЖКХ из подоходной части налоговых отчислений бюджета. В Амурской области аналогичное превышение составило 2,8 раза, на Камчатке – 2 раза.

Несмотря на то, что полученные оценки являются достаточно условными, они позволяют сделать следующие выводы:

1. Население уже сегодня оплачивает жилищно-коммунальные услуги на уровне не ниже

среднеевропейских стандартов, однако по информации официальных источников до полного покрытия установленных тарифов еще далеко, а при их неуклонном и стремительном росте говорить о 100-процентном покрытии издержек (совершенно относительной величине) некорректно.

2. Население продолжает самостоятельно осуществлять инвестиции в собственное жилье в меру своих доходных возможностей и косвенно участвовать в финансировании ЖКХ как сферы, где производятся и предоставляются общественные блага через подоходные налоги, отчисляемые в бюджеты соответствующих уровней.

3. Сложившаяся дифференциация населения по уровню доходов, как в социальном разрезе, так и в территориальном будет требовать обязательного участия бюджетов в субсидиарной поддержке низкооплачиваемых и малообеспеченных

граждан. Для жителей Дальнего Востока такая поддержка обусловлена более низкой покупательной способностью доходов, чему в немалой степени способствуют высокие тарифы на услуги ЖКХ.

Следовательно, проблема заключается не столько в повышении реальных доходов населения, хотя это является первостепенно важным, сколько в сокращении нерациональных и неэффективных издержек производства жилищно-коммунальных услуг, рост стоимости которых пока опережает платежеспособные возможности населения. Учитывая, что малообеспеченные слои населения Дальнего Востока в основном сконцентрированы в малых и сельских, а также отдаленных населенных пунктах, где отсутствуют возможности экономического роста и повышения уровня жизни, надеяться на скорое повышение их платежной способности не представляется возможным.

*****

1. Центральная база статистических данных. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ/Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/>

2. Рено Б. Жилищная система бывшего Советского Союза: почему она нуждается в рыночных реформах? // Вопросы экономики. – 1993, № 7.

3. Найден С. Н. Региональный сектор общественных благ: институциональный аспект // Пространственная экономика. – 2011, № 3.

4. Жилищно-коммунальное хозяйство Хабаровского края. 1995–2001 гг.: Стат. сб./Хабаровскстат. Хабаровск, 2001.

5. Жилищно-коммунальное хозяйство Хабаровского края. 2007–2011 гг. Стат. сб./Хабаровскстат. Хабаровск, 2011.

6. Социально-экономическое положение ДФО в январе-декабре 2010 г. Стат. сб./Росстат. – М., 2011. 78 с. С. 61;

7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб./Росстат. – М., 2011.

8. Башмаков И. Способность и готовность населения оплачивать жилищно-коммунальные услуги // Вопросы экономики. – 2004, № 4.

9. Организационные и методологические положения выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств // Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в I квартале 2009 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). М., 2009/Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>.

10. Сколько тратит Россия. Совместный проект REN TV, АКК ФБК и газеты «Ведомости». М., 2004 г. // Официальный сайт аудиторско-консалтинговой компании ФБК/Электронный ресурс: Режим доступа: <http://www.fbk.ru/upload/contents/561/7-Stroitelstvo.pdf>.

КИТАЙСКИЕ МИГРАНТЫ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ПРИСУТСТВИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Залеская О.В.

Одним из значимых факторов во взаимодействии России и Китая является китайская миграция на российский Дальний Восток. В статье автор анализирует участие китайских мигрантов в социально-экономических и социально-политических процессах на российском Дальнем Востоке, характеризует особенности их жизни и деятельности.

Ключевые слова: Дальний Восток России, Китай, китайские мигранты, российско-китайские отношения.

В настоящее время мир стоит на пороге масштабных изменений и трансформаций. В ходе

глобальных процессов идет формирование планетарного информационного пространства. Меж-

дународное сообщество постепенно превращается в мировое общество. Мир становится все более многообразным, взаимозависимым и неравномерным. Занимающийся проблемой миросистемного анализа, известный современный ученый И. Валлерстайн достаточно давно сделал следующий прогноз: «В период от 1990-х гг. до 2025–2050 гг., вероятней всего, не будет хватать мира, не будет хватать стабильности, не будет хватать легитимности», а грядущие полвека – это период «мирового беспорядка», и «мы уже вступили в него» [1, с. 347–348].

Сегодня возрастает и интенсивность общемировых миграционных потоков, одной из составляющих которых является китайская миграция на российский Дальний Восток. Это значимый фактор во взаимодействии двух крупнейших государств – России и Китая. Для более эффективного использования потенциала китайской миграции, создания сбалансированной системы мер для достижения взаимной выгоды в этой сфере сотрудничества необходимым представляется изучение имеющегося опыта жизни и деятельности китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке – регионе, геополитически тесно соседствующем с Китаем.

Российско-китайские отношения насчитывают уже четыре столетия. Исторический процесс китайской миграции на Дальний Восток России получает свое развитие во второй половине XIX в. После подписания Айгуньского и Пекинского договоров в середине XIX в. началось активное заселение территорий юга российского Дальнего Востока переселенцами из западных регионов России. К началу XX в. сюда вселилось более 500 тыс. российского населения. Сформировались Забайкальское, Амурское и Уссурийское казачьи войска. Были основаны города: Благовещенск, Хабаровск, Владивосток, Николаевск-на-Амуре и др.

Чрезвычайно острой была проблема нехватки рабочих рук. В связи с этим была предпринята попытка найма рабочей силы в географически близком Китае. В середине 1870-х гг. 150 китайских рабочих были выписаны из провинций Шаньдун и Чжили. Вслед за русской администрацией труд китайских подданных стали использовать и частные предприниматели. В свою очередь, в ближайших к России китайских провинциях распространялись сведения об условиях работы и высоких с точки зрения китайцев заработках на российском Дальнем Востоке. Китайские подданные на-

чали приходить в Россию весной, а осенью возвращаться обратно в Китай. Сначала это были преимущественно уроженцы Шаньдуна. После отмены в 1878 г. указов и постановлений, запрещавших или ограничивавших переселение китайцев в Маньчжурию, основным поставщиком китайской рабочей силы на российский Дальний Восток становятся северо-восточные территории Китая.

В силу особенностей своего геополитического положения Дальний Восток России оказался притягателен для китайских мигрантов, стал третьим по привлекательности для них регионом в мире (после Юго-Восточной Азии и Америки). В процессе сельскохозяйственного, промышленного и транспортного освоения приграничных территорий обеих стран началось сближение двух цивилизаций. На геополитическом пространстве Дальнего Востока формируется крупнейшая система межрегионального российско-китайского взаимодействия. Одной из ее подсистем и одновременно самостоятельной системой становятся китайские мигранты на российском Дальнем Востоке.

Китайские отходники прибывали на Дальний Восток России организовано и самостоятельно, в стихийном порядке. Они добирались двумя основными путями: по суше (сначала в Северо-Восточный Китай, затем проникали в Приамурье и Приморье) и морем (из портов Циндао либо Чифу (Яньтая) до порта Владивосток). При переходе границы каждый китайский подданный был обязан предъявить паспорт, выданный ему своим правительством, и получить русский билет (вид на жительство). Если в 1858–1860 гг. на территории Амурской и Приморской областей находилось около 6300 оседлых и 2–3 тыс. бродячих китайцев (не считая «зазейских маньчжур»), то к 1881 г. их количество достигло 15 тыс. с лишним [2, с. 38].

Исходя из рода занятий и степени оседлости, китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке в конце XIX в. можно классифицировать по следующим группам: 1) «зазейские маньчжуры»; 2) торговцы; 3) кустари и ремесленники; 4) рабочие (в том числе приисковые); 5) земледельцы; 6) промысловики, контрабандисты, хунхузы. Китайцы-арендаторы земель в Приамурье и Приморье способствовали дальнейшей земледельческой колонизации региона, крупные и мелкие торговцы снабжали Дальний Восток необходимыми товарами. С помощью дешевого труда китайских рабочих велось строительство городов, дорог, разработка приисков в дальневосточном крае.

Наряду с положительными моментами, китайский миграционный поток привнес ряд проблем, вызывавших серьезное беспокойство у местной русской администрации. Дешевый труд китайских рабочих и земледельцев замедлял процесс колонизации Приамурья русскими. Китайская торговля составляла серьезную конкуренцию русской торговле. Значительное влияние на социально-экономическую ситуацию в регионе оказывали сформировавшиеся криминогенные факторы, связанные с присутствием китайских мигрантов – контрабанда, хунхузничество, возделывание опионого мака и опиекурение, проституция. Массовое расселение китайцев на российском Дальнем Востоке, поощряемое цинским правительством, а затем правительством Китайской Республики, вызывало у русской администрации и общественности опасения о возможной «желтой» опасности. Во время Первой мировой войны зависимость от китайского труда усилилась. Осенью 1916 г. только чанчуньской фирмой «Ичэн» было направлено в Россию на лесозаготовки 20 тыс. китайских чернорабочих [3, с. 6].

После Октября 1917 г. в российско-китайских отношениях наступает кардинально новый этап. Китайских мигрантов, к Октябрю 1917 г. находившихся на советской территории, советское руководство, ориентировавшееся на осуществление мировой социалистической революции, предполагало использовать как участников грядущих классовых битв. В соответствии с принципами советской национальной политики, китайские мигранты приобрели равные с гражданами советского государства права.

Для решения проблем китайских рабочих-мигрантов в апреле 1917 г. в Петрограде был создан Союз китайских граждан в России (Чжунго хуацяо люй Э лянхэхуэй) (во главе с Лю Цзэжуном), в декабре 1918 г. переименованный в Союз китайских рабочих (Чжунго люй Э хуа гун лянхэхуэй). К середине 1920 г. Союз насчитывал более 50 тыс. чел. и имел свои отделения в Самаре, Саратове, Киеве, Мурманске, Вятке, Челябинске, Ташкенте, Екатеринбурге, Томске, Красноярске, Иркутске, Верхнеудинске, Благовещенске, Чите, Хабаровске, Владивостоке и др. городах. Под руководством Союза организовывались кассы взаимопомощи, читались лекции, открывались школы политграмоты и коммунистические ячейки.

25 июня 1920 г. было создано Центральное организационное бюро (ЦОБ) китайских коммуни-

стов в России, которое проводило агитационную и пропагандистскую работу среди живших в России китайских рабочих. Около 1600 китайцев прошли курс обучения в Университете трудящихся Китая, около 500 чел. – в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Китайские студенты получали псевдонимы, под которыми проходили в официальных документах. Многие из бывших студентов затем стали известными революционными и политическими деятелями в Китае (Дэн Сяопин (он же Иван Сергеевич Дозоров), Лю Шаоци, Чжу Дэ (он же Данилов), У Юйчжан (Буренин), Дун Биу (Слухов), Ван Жофэй (Иван Немцов), Ян Минчжай (Шмидт), сын Чан Кайши Цзян Цзинго (он же Николай Владимирович Елизаров), сыновья Чэнь Дусю Чэнь Яньнянь (он же Суханов) и Чэнь Цяонянь (Красин), Лю Боцзянь (Шерстинский), Чэнь Бода (Беринов), Е Цзяньин (Юхнов), Гуань Сяньин (Стеклов), Жэнь Биши (Бринский), и др.). Также для китайских революционеров был открыт прием в Военную академию им. М.В. Фрунзе, Военно-политическую академию им. Н.Г. Толмачева, Высшую артиллерийскую школу, Летную военно-теоретическую школу, Международную ленинскую школу, Центральную комсомольскую школу [4, с. 230–231, 237].

В годы революционных преобразований продолжалась хозяйственная деятельность китайских мигрантов на территории российского Дальнего Востока. Функционировали торговые и мелкие ремесленные китайские предприятия, создавались совместные русско-китайские фирмы, что было необходимым в тяжелейших экономических условиях, в ситуации фактической изолированности дальневосточного рынка от рынков центральной России. Продолжалась вербовка китайской рабочей силы на российский Дальний Восток – только в июле 1919 г. в Харбине, Чанчуне и Сыпине было завербовано и отправлено в Россию 4 тыс. китайцев [5, с. 94].

В 1917–1922 гг. сменявшие друг друга властные органы имели свои подходы в регулировании отношений с китайским населением. В Амурской трудовой социалистической республике китайские мигранты были уравнены в правах с русскими. В годы Дальневосточной Республики (ДВР) китайцам фактически было предоставлено право на культурно-национальную автономию, закрепленное в ст. 113, 121 Конституции Республики.

Значительная часть китайских трудящихся приветствовала Октябрьскую революцию и приняла

активное участие в гражданской войне. Китайцы сражались в составе красногвардейских формирований Гродековского, Уссурийского, Даурского и др. фронтов, участвовали в ликвидации «читинской пробки», освобождении Приморья. Известны имена руководителей китайских вооруженных формирований – Чэнь Бочуаня, Сунь Цзиу, Ван Инзуна, Сань Ху, Ян Дэхая, Ли По, А. Сунфу, Шэн Чэнхо и др. Всего в Красной Армии в годы гражданской войны насчитывалось 30–40 тыс. китайцев.

При наблюдавшемся товарном голоде китайские предприниматели выступали в качестве посредников в торгово-экономических отношениях ДВР и Китая. Так, дрова из Забайкалья в Маньчжурию китайские агенты направляли в обмен на продукты и промышленные товары. В Амурскую область доставка пшеницы, муки и промышленных товаров из Харбина осуществлялась при широкой поддержке китайских торговцев.

Одним из факторов присутствия китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке, как и до 1917 г., была развитая контрабандная торговля. Она носила преимущественно потребительский характер и была вызвана недостатком в снабжении рынка легальными товарами по приемлемым ценам. Спрос российского населения, а также и китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке при недостаточно развитой сети госторгов и потребкооперации в приграничных районах не мог быть удовлетворен внутренним товарным предложением. Высокие ставки железнодорожных тарифов вели к удорожанию стоимости товаров, транспортируемых из центральной России. Достижению эффективного результата в уменьшении объемов контрабанды препятствовали и недостатки в работе таможенных органов, органов госбезопасности и судебных структур. В 1921/22 гг. по Дальневосточному таможенному округу было зарегистрировано более 10 тыс. задержаний контрабанды на общую сумму более 350 тыс. руб. [Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф.Р-2422. Оп. 1. Д.829. Л.Л.29–32]. Контрабанда была доходом, промыслом, способом выживания в существующих экономических и политических условиях и, вместе с тем, одним из сильных связующих звеньев во взаимоотношениях народов двух государств в приграничной полосе.

В период ДВР были намечены ориентиры для дальнейшей работы с китайским населением. Оно было негласно поделено на «трудящихся», в среде

которых были начаты мероприятия по интернационализации и революционизации, и «предпринимателей», которые как будущий революционный авангард на Востоке не рассматривались и продолжали свою деятельность в ДВР в силу социально-экономического положения в дальневосточном регионе и сложившейся практики взаимодействия населения двух стран – России и Китая.

После упразднения ДВР, в период советизации Дальнего Востока, в русле проводимой советским государством национальной политики дальневосточные органы власти создали условия, обеспечивающие сохранение китайского населения на Дальнем Востоке как национального меньшинства, его воспроизводство через систему минимальных гарантий прав национальных меньшинств, национальное самовыражение (газеты, театры, прочие культурные мероприятия и институты).

Пристальное внимание со стороны региональных органов различных уровней власти уделялось разработке и осуществлению форм и методов культурно-просветительной работы и образования среди китайских трудящихся. Были достигнуты определенные результаты – в крае развернута сеть пунктов по ликвидации неграмотности среди китайских трудящихся, открыты клубы (в конце 1920–1930-х гг. на Дальнем Востоке функционировали 6 клубов для восточников, с общим количеством членов 1945 чел., преимущественно, китайских рабочих) [Государственный архив Хабаровского края (далее – ГАХК). Ф.П-2. Оп. 11. Д.193. Л.17], организовывались партийно-просветительные курсы, создавались библиотеки для китайских рабочих.

Было организовано издание газет на китайском языке, развернуто распространение латинизированного алфавита среди китайских трудящихся. В составе китайского населения формируется группа интеллигенции. Для детей открывались китайские школы (к 1927/28 уч.г. в ДВК уже насчитывалось 4 государственных китайских школы 1-й ступени), для взрослых – рабфаки, отделения при высших учебных заведениях. К 1 января 1932 г. во всех учебных заведениях края обучалось всего 809 китайцев и 3828 детей китайских мигрантов [ГАХК.Ф.П-2. Оп. 9. Д.73. Л.126]. Проводилась и внешкольная работа с китайскими детьми – в форме китайских детских площадок и китайских пионерских отрядов. Уникальным опытом явилось функционирование Дальневосточной крае-

вой высшей китайской ленинской школы, образованной 1 марта 1933 г.

Китайские трудящиеся вовлекались в профсоюзное, кооперативное и стахановское движение. В 1931 г. из 50 тыс. китайских рабочих края было зарегистрировано 6300 чел. – членов профсоюзов (12,6%), а также около 3 тыс. китайских мигрантов, занятых в кустарной промышленности [ГАХК. Ф.П-2. Оп. 9. Д.73. Л.191].

В восстановительный период на Дальнем Востоке, в условиях осуществления НЭПа, китайское население активно участвовало в социально-экономической жизни региона. Органами власти осуществлялось правовое регулирование хозяйственной деятельности китайских мигрантов. Китайские трудящиеся занимались ремесленным производством и кустарничеством. При функционировании государственных и частных предприятий сохранялась потребность в китайской рабочей силе.

В категорию «китайские трудящиеся» на советском Дальнем Востоке входили и китайские колхозники – в 1930-е гг. китайские мигранты в сельской местности, находясь на территории советского государства и подчиняясь его законам, объединялись и вступали в колхозы. В 1932 г. в крае насчитывалось 13 китайских колхозов, в которых были объединены около 3 тыс. китайцев. Центральные и региональные советские властные органы предоставили китайским колхозам равные права с русскими коллективными хозяйствами. Признавая выработанные годами китайские приемы обработки земли, за китайскими колхозами была негласно закреплена прерогатива выращивания овощей. Были приняты меры стимулирования китайцев к разведению традиционных восточных культур.

Уникальным и, вместе с тем, закономерным явлением в общем процессе развития дальневосточной региональной культуры стало создание и достаточно длительное функционирование китайских театров на советском Дальнем Востоке. Наиболее плодотворной была деятельность китайского театра во Владивостоке. 19 марта 1931 г. при Владивостокском китайском театре был создан единственный в СССР китайский театр рабочей молодежи (ТРАМ).

Дальнейшее обострение в середине 1930-х гг. международной обстановки окончательно вынуждает советское руководство выбрать приоритетным направлением обеспечение безопасности региона. Китайские мигранты были подвергнуты репрессиям, в правовом положении они были ис-

ключены из категории «национальное меньшинство» и более не играли какой-либо заметной роли в социально-экономических процессах на советском Дальнем Востоке. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в регионе их остается до 5,5 тыс. чел.

Следует отметить, что исторический период второй половины XIX – первой трети XX вв. характеризуется глубокими общественно-политическими трансформациями в российском дальневосточном регионе; в развитии российского общества сменяется несколько этапов: период капитализма, революционных преобразований и строительства социализма. Происходит стремительное формирование и структурирование принципиально нового дальневосточного территориального паттерна, и одним из его заметных историко-географических образов были китайские мигранты. Китайских мигрантов на Дальнем Востоке России в означенный период следует рассматривать как многоаспектное явление в истории российско-китайских отношений и истории дальневосточного региона; как важнейший составляющий элемент дальневосточного общества, который до начала масштабных репрессий в отношении китайских граждан оказывал влияние на социально-экономическую обстановку в дальневосточном регионе и одновременно являлся объектом политики органов власти.

После образования КНР вплоть до конца 1950-х гг. советско-китайские отношения развивались в соответствии с принципами дружбы и сотрудничества. В целях частичного восполнения недостатка рабочей силы в дальневосточном регионе СССР было решено привлекать рабочих из КНР. Согласно плану набора на май – июль 1955 г., в Хабаровский край для министерства строительства направлялась партия в 1 тыс. чел. (500 чел. – в стройтрест № 6 г. Комсомольска-на-Амуре, 500 чел. – в стройтрест № 35 г. Хабаровска). В дальнейшем, китайская рабочая сила использовалась в различных регионах Советского Союза (вследствие своей низкой квалификации – в строительстве, лесозаготовительных работах, сельском хозяйстве и т.п.), но в приграничные районы китайских рабочих больше не направляли. В 1959 г. численность китайского населения в СССР составила 25,8 тыс. чел., а после ухудшения отношений с Китаем в 1960-е гг. привлечение китайцев для работы в Советском Союзе прекратилось. По данным общей переписи СССР 1979 г., на территории советского Дальнего Востока проживало 1742 китайца [6, с. 104].

В 1980-е гг. в советско-китайских отношениях наметился значимый переход от напряженности к диалогу. В рамках начавшегося экономического сотрудничества между двумя странами весной 1989 г. в Хабаровский край приехал отряд китайских строителей в количестве 1 тыс. чел. По контракту, заключенному на два года, китайцы работали на строительстве Дома Радио в Хабаровске, детского сада и жилого дома в Амурске. В 1989 г. в Комсомольск-на-Амуре прибыла еще одна группа китайских рабочих из провинции Хэйлунцзян, которые также трудились в жилищном строительстве. После визита М.С. Горбачева в КНР в мае 1989 г., в ходе которого были подписаны соглашения о привлечении и использовании китайских граждан на предприятиях и организациях РФ, поток китайской трудовой миграции на российский Дальний Восток возрастает. В 1989 г. на всем Дальнем Востоке в строительстве было занято 2363 китайских рабочих. На российской территории китайцы начинают осваивать сферы торговли и бытового обслуживания [7, с. 218].

Межправительственное соглашение между Россией и КНР «О принципах направления и приема граждан на предприятиях, объединениях и организациях России», а также соглашение «О безвизовом групповом туристическом обмене», подписанные в 1992 г. упростили пересечение границы и привели к резкому увеличению численности китайских мигрантов на Дальнем Востоке. Это привело к активному муссированию в ряде дальневосточных СМИ тезиса о «желтой опасности», не имеющему под собой, однако, никаких оснований. По оценкам П. Минакира, в 1992–1993 гг. размеры китайского присутствия на российском Дальнем Востоке не превышали 50–80 тыс. чел., включая примерно 10–15 тыс. трудовых мигрантов по контрактам и 10–12 тыс. чел., приехавших в регион на учебу более чем на один год [8, с. 283]. Около 85% потока китайских рабочих на Дальнем Востоке принадлежали к категории неквалифицированной рабочей силы, а, в свою очередь, 60% из них являлись выходцами из провинции Хэйлунцзян [9, с. 17].

В начале XXI в. китайская миграция окончательно становится одним из факторов социально-экономической жизни дальневосточного региона России. Как и в конце XIX в., дальневосточная экономика по-прежнему нуждается в китайских товарах и рабочей силе. Однако существенное отличие российско-китайских отношений сегодняшнего

времени от взаимодействия России и Китая в веке девятнадцатом заключается в том, что Китай ныне является уже не полукOLONиальной отсталой страной, а, напротив, обнаруживает поразительные экономические успехи, беспрецедентными темпами развивает технологии и производство. Геополитический сосед России на Дальнем Востоке непрестанно идет вперед, обгоняя Россию и органично встраиваясь в стремительно трансформирующееся мировое сообщество, охваченное глобальными процессами.

Сегодня, в условиях глобализации, китайская миграция активно формирует транснациональный рынок и трансграничное общество в дальневосточном регионе. Китайские мигранты как структура устойчиво «вросли» в существующую систему трансграничных предпринимателей, сферой деятельности которых являются: торговля, общественное питание, строительство и ремонтные работы, сельское хозяйство, добыча ресурсов, сбор вторсырья, посреднические услуги.

На рубеже XX–XXI вв. на юге Дальнего Востока постоянно находились 30–35 тыс. китайцев. К середине десятилетия эта цифра возросла до 40–45 тыс. чел. за счет более широкого привлечения контрактных рабочих из КНР. На сопредельных территориях юга Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая сформировалась зона приграничного взаимодействия, в которой, благодаря китайской миграции, сложился сегмент китайского населения, ориентированный на Россию, и сегмент русского населения, для которого присутствие китайцев в России является источником существования [10, с. 396, 402].

Дальневосточники сегодня готовы вновь, как и в период второй половины XIX – первой трети XX вв., научиться жить в этой контактной зоне, в контрастной этнокультурной среде. Китайские мигранты, их численность не являются сегодня угрозой для дальневосточных территорий. Наибольшая опасность заключается в стойком отношении власти к Дальнему Востоку как к окраинному региону, в неумении (или нежелании) организовать поступательный и эффективный процесс развития экономики дальневосточных территорий, создать условия для прекращения миграционного оттока россиян в западные регионы страны, в расхищении и распродаже природных богатств, прикрываясь китайской экспансией. Провозглашенные в стратегиях развития Дальнего Востока мероприятия не реализуются или реа-

лизуются бессистемно. К сожалению, сегодня мы наблюдаем дальнейшее превращение российского Дальнего Востока в сырьевой придаток, прежде всего, сырьевой придаток Китая. С углублением и усилением этого процесса китайская миграция, действительно, может превратиться в угрозу национальной безопасности страны. Однако вина за это должна быть возложена отнюдь не на китайских руководителей, китайское приграничное население или китайских мигрантов.

В заключение отметим, что китайские мигранты на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XXI вв. являлись важным составляющим компонентом межрегионального и межгосударствен-

ного уровней российско-китайских отношений. Основные вехи их присутствия, особенности хозяйственной деятельности обусловлены изменениями в характере взаимосвязей двух стран – России и Китая, социально-экономическими трансформациями на Дальнем Востоке. В различных социально-политических условиях они и адаптировались среди российского населения, и интегрировались в дальневосточном обществе, а в целом постоянно активно участвовали в трансформационных процессах в дальневосточном регионе, формируя его историко-географическое пространство, обеспечивая симбиоз геополитически соседствующих этносов двух держав – России и Китая.

*****

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуации в современном мире. – СПб.: Университетская книга, 2001.

2. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). – М., 1989.

3. Ли Цзягу. Китайско-советские отношения (1917–1926) (на кит. яз.). – Пекин, 1996.

4. Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). – М., 2001.

5. Ли Юнчан. Китайские рабочие в России накануне Октябрьской революции (на кит. яз.)//Шицзе лиши. 1987, № 5.

6. Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимо-

действия. – Владивосток, 1998.

7. Власов С.А. Миграция и современность: рабочая сила из стран АТР на Дальнем Востоке России (80–90-е гг. XX в.)//Российский Дальний Восток в АТР на рубеже веков: Политика, экономика, безопасность. Вып. 2. – Владивосток, 2008.

8. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е гг. XX – начало XXI в.). – М., 2005.

9. Гао Юйхай, Фэн Пэнфэй, Дэн Пэн. Изучение сотрудничества провинции Хэйлуцзян по поставкам рабочей силы в Россию (на кит. яз.)//Сиболия яньцзю. 2002, № 3.

10. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI вв. – Владивосток: Дальнаука, 2006.

ОПТИМИЗАЦИЯ СТРУКТУРЫ И СОДЕРЖАНИЯ КВАЛИФИКАЦИОННЫХ ТРЕБОВАНИЙ К ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ЗНАНИЯМ И НАВЫКАМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

Столярова В.А., Вашаломидзе Е.В.

В статье показаны результаты научного исследования проблем повышения эффективности аналитических решений, принимаемых государственными и муниципальными служащими по обеспечению улучшения уровня жизни населения регионов России. В ней также представлены основные факторы, влияющие на результаты профессиональной служебной деятельности работников органов государственного и муниципального управления. Особое внимание уделено вопросам оптимизации структуры и содержанию квалификационных требований к образованию, стажу государственной и муниципальной службы, а также к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения ими служебных обязанностей в современных условиях реформирования и развития отечественной экономики.

Ключевые слова: уровень жизни населения, эффективность труда государственных и муниципальных служащих, профессиональная служебная деятельность, структура и содержание квалификационных требований, реформирование экономики, развитие экономики, образование, стаж работы, профессиональные знания, профессиональные навыки, современные социальные стандарты, государственные и муниципальные решения, методы оценки.

Согласно Указу Президента Российской Федерации 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направле-

ниях совершенствования системы государственного управления» предусматривается наряду

с основными мероприятиями по совершенствованию систем государственного управления в рамках реформирования и развития государственной гражданской службы¹:

до 1 сентября 2012 г. – предусмотреть возможность участия на паритетных началах представителей общественных советов при органах государственной власти Российской Федерации в деятельности конкурсных и аттестационных комиссий этих органов;

до 1 декабря 2012 г. – представить в установленном порядке предложения по совершенствованию системы оплаты труда государственных гражданских служащих, позволяющие учитывать состояние рынка труда, в том числе по отдельным профессиональным группам, и стимулировать их антикоррупционное поведение;

до 1 февраля 2013 г. – организовать повышение квалификации государственных гражданских служащих, принимающих участие в предоставлении государственных услуг;

до 1 июля 2012 г. – представить в установленном порядке предложения, предусматривающие введение нового порядка выдвижения кандидатов на замещение должностей Председателя и аудиторов Счетной палаты Российской Федерации, формирования списка членов Общественной палаты Российской Федерации, утверждаемых Президентом Российской Федерации;

до 1 июля 2012 г. – представить в установленном порядке предложения по внедрению новых принципов кадровой политики в системе государственной гражданской службы, предусматривающие:

- создание объективных и прозрачных механизмов конкурсного отбора кандидатов на замещение должностей государственной гражданской службы, включая проведение дистанционных экзаменов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и информационных технологий и формирование единой базы вакансий;
- расширение практики использования испытательного срока при замещении должностей государственной гражданской службы;
- формирование кадровых резервов посредством подбора, подготовки и карьерного роста кандидатов на замещение должностей государственной гражданской службы и их активное практическое использование;

формирование перечня квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской службы на основе компетентного подхода – в зависимости от конкретных должностных обязанностей и функций, а также от принадлежности к определенным профессиональным группам;

- расширение использования механизма ротации применительно к государственным гражданским служащим, замещающим должности большинства категорий и групп должностей государственной гражданской службы (каждые 3–6 лет);

- развитие института наставничества на государственной гражданской службе;

- установление особого порядка оплаты труда государственных гражданских служащих в зависимости от достижения показателей результативности профессиональной служебной деятельности, а также единого подхода к осуществлению выплаты государственным гражданским служащим премий за выполнение особо важных и сложных заданий по результатам работы;

- применение системы комплексной оценки деятельности государственных гражданских служащих с использованием ключевых показателей эффективности и общественной оценки их деятельности, в том числе на базе социальных сетей и с учетом мнения сетевых сообществ;

- совершенствование системы материальной и моральной мотивации государственных гражданских служащих, доведение уровня оплаты их труда до конкурентного на рынке труда, увеличение в оплате труда государственных гражданских служащих доли, обусловленной реальной эффективностью их работы;

- введение на государственной гражданской службе системы профессионально-функциональных групп, предусмотрев классификацию должностей государственной гражданской службы с учетом особенностей деятельности государственных органов, отражающую отраслевую структуру государственного управления;

- до 1 декабря 2012 г. – представить в установленном порядке предложения: по корректировке перечней должностей федеральной государственной службы и должностей в го-

¹ Указ Президента Российской Федерации 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».

сударственных корпорациях, замещение которых связано с коррупционными рисками; по установлению дополнительных требований о раскрытии лицами, замещающими указанные должности, сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также иной информации, позволяющей оценивать соблюдение установленных законодательством Российской Федерации ограничений в отношении федеральных государственных служащих, замещающих данные должности, в том числе после увольнения с государственной службы; по внедрению системы мониторинга исполнения должностных обязанностей федеральными государственными служащими и работниками государственных корпораций, деятельность которых связана с коррупционными рисками;

- до 1 сентября 2012 г. – принять меры по повышению доступности правосудия для граждан, организаций и объединений граждан при рассмотрении споров с органами государственной власти Российской Федерации, обеспечив внесение в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих совершенствование административного судопроизводства;
- до 1 января 2013 г. – представить в установленном порядке предложения, направленные на совершенствование системы размещения судебных решений с использованием сети Интернет и обеспечение доступа к этим решениям;
- до 1 ноября 2013 г. – представить в установленном порядке предложения о возможности трансляции судебных заседаний с использованием сети Интернет и публикации отчетов о них;
- до 1 декабря 2013 г. – предусмотреть внесение в законодательство Российской Федерации изменений, направленных на обеспечение права общественных объединений обращаться в суды общей юрисдикции или арбитражные суды в защиту интересов своих участников;
- до 1 декабря 2012 г. – принять меры по внесению в бюджетное законодательство Российской Федерации изменений, направленных на повышение бюджетной обеспеченности местных бюджетов, обеспечение стабильности объемов региональных фондов финансовой поддержки и софинансирования муниципальных образований;

- до 1 декабря 2012 г. – в рамках работы по повышению бюджетной обеспеченности местных бюджетов принять меры, предусматривающие: совершенствование специальных налоговых режимов для обеспечения приоритетного зачисления поступлений в местные бюджеты; оптимизацию (сокращение) федеральных льгот по региональным и местным налогам на основе их инвентаризации и анализа эффективности; направление в доходы бюджетов поселений и городских округов 100 процентов денежных взысканий (штрафов) за несоблюдение правил благоустройства территорий поселений и городских округов; возможность зачисления в местные бюджеты поступлений от налога на имущество организаций;

- до 1 сентября 2012 г. – представить в установленном порядке предложения о запрете установления органами государственной власти субъектов Российской Федерации показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления и увязки финансирования органов местного самоуправления с выполнением этих показателей.

В государственной кадровой политике в системе государственной службы подбор кадров занимает центральное место. Вместе с тем на этой стадии социально-трудовых отношений между кандидатом на замещение вакантной должности и представителем нанимателя имеется множество нерешенных вопросов. К ним относятся: несовершенство действующего законодательства по конкурсному отбору, отсутствие разработанных организационно-экономических механизмов и нормативов, условий, порядков, правил, регламентов и стандартов по обеспечению реализации принятых нормативных правовых актов по кадровой работе на стадии принятия претендентов на государственную службу, несовершенство систем мотивации и стимулирования государственных служащих из-за все еще низкого престижа государственной службы, большие периоды выслуги лет, чтобы получить соответствующую надбавку к должностному окладу; не мотивирована система дополнительного профессионального образования; надбавки за классный чин имеют лишь символическое значение и другие.

Решение вышеуказанных проблем можно найти в зарубежном опыте.

Мировой отечественный и зарубежный исторический опыт свидетельствует, что основными спо-

собами подбора руководящих кадров и замещения государственных должностей являются: выборы на должность, занятие должности по праву наследования, насильственный способ занятия должности, официальная покупка должности, назначение на должность за личную преданность, назначение на должность за заслуги. Указанные выше способы отбора претендентов на государственные и иные должности носили и носят, как правило, ненормативный характер.

Полезно рассмотреть современный зарубежный опыт подбора и закрепления кадров на государственной службе. Так, в США вопросы кадровой политики в сфере государственной службы находятся в компетенции президента, специальных структурных подразделений, министерств и кадровых служб министерств. Основное из этих подразделений – это Федеральное управление кадров и Совет высших руководителей.

Главными принципами кадровой политики в системе госслужбы США при подборе и продвижении персонала является строгое правовое регулирование этой кадровой работы на основе «системы заслуг» (meritsistem).

Система заслуг учитывается при наборе, продвижении чиновников по служебной лестнице и включения их в кадровый резерв. В основе этой системы лежит конкурсный экзамен. Система заслуг включает основные правила кадровой работы, которые законодательно закреплены Сводом законов США. Они включают:

- отбор на госслужбу должен производиться из квалифицированных лиц различных слоев общества на основе справедливого и открытого конкурса;
- ко всем претендентам на замещение государственной должности независимо от их политической принадлежности, расы, вероисповедания, пола, семейного положения, возраста или физических недостатков должно проявляться справедливое отношение при решении любых вопросов управления персоналом при полном уважении их частной жизни и конституционных прав;
- за равную работу должна быть обеспечена равная оплата с учетом как федеральных, так и местных ставок оплаты труда для служащих частного сектора, а для высококачественной

работы должны быть предусмотрены соответствующие стимулы и поощрения².

- все государственные служащие должны заботиться об общественных интересах;
- сохранение должностей государственными служащими зависит от результатов их деятельности; деятельность, не соответствующая установленным требованиям, должна быть скорректирована; следует выявлять тех государственных служащих, которые не способны или не желают улучшать качество своей работы;
- следует обеспечить эффективную подготовку и повышение квалификации госслужащих при условии, что их обучение имеет своей целью улучшение показателей их профессиональной служебной деятельности.

Законодательство США также достаточно четко формулирует понятие и признаки «запрещенной кадровой политики». Так, например, при подборе, расстановке и закреплении кадров ответственные должностные лица США не имеют права проявлять дискриминацию в отношении какого-либо госслужащего или кандидата на замещение государственной должности по признаку расы, цвета кожи, вероисповедания, пола, национального происхождения; по признаку семейного положения или политической принадлежности; влиять на какое-либо лицо при приеме на работу таким образом, чтобы оно отказалось от участия в конкурсе на замещение какой-либо должности в целях улучшить или ухудшить перспективы других лиц при найме на госслужбу и др.

В середине 90-х гг. XX в. комиссия по реформированию государственной службы утвердила новую систему отбора персонала на госслужбу. В этот период по новой схеме было принято в федеральные органы власти около 60 тыс. человек. Для этой работы было создано 650 отборочных комиссий с делегированными им экзаменационными полномочиями, действовавших от имени различных правительственных органов. Эти комиссии использовали два метода оценки: письменные тесты и заочные конкурсные экзамены. Письменные тесты применялись для подбора на должности младших и средних рангов. Для более высоких рангов применялся метод заочных конкурсных экзаменов. Федеральная Служба управления персоналом выполняет функции

² Отчет о научно-исследовательской работе «Разработка современных методик проведения конкурсов на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы Министерства обороны Российской Федерации» (шифр «конкурс – 2009»). – М, 2009. С. 70–75.

обучения и консультирования отборочных комиссий.

Выше приведенный опыт США по подбору кадров на госслужбу имеет ряд положительных аспектов, которые можно преломить на отечественную практику.

Интересным с точки зрения использования в отечественной практике является опыт Германии. Здесь для приема на государственную службу существуют специальные федеральные и земельные (региональные) конкурсные кадровые комиссии, подчиненные Федеральному комитету по кадрам. Таким образом, в самих государственных органах конкурсные комиссии не создаются. Законодательство Германии очень детально регламентирует порядок приема на государственную службу. При этом существуют два варианта: назначение непосредственно по конкурсу и зачисление через кадровый резерв.

Государственным служащим в ФРГ может стать тот, кто имеет немецкое гражданство, дает гарантию выступать в поддержку свободного демократического порядка, имеет необходимый специальный уровень образования. Принцип служебной карьеры в Германии устанавливает подробные требования к уровню образования претендентов на занятие государственных должностей низшего, среднего, высокого и высшего ранга. Так, например, для занятия должности высшего ранга необходимо иметь университетское образование, сдать государственный конкурсный экзамен, пройти 2-х летнюю подготовительную практику, а для прохождения госслужбы нижнего ранга требуется лишь успешное окончание общеобразовательной школы и подготовительная практика для работы. В некоторых случаях для подтверждения квалификации и профессионального опыта претенденту требуются рекомендации федеральных или земельных кадровых комиссий.

Служебная карьера чиновника в Германии основывается на принципе его регулярного и последовательного продвижения. При этом соблюдается строгая иерархия. Условием каждого повышения в должности является выслуга лет и успешная сдача специального экзамена.

Во Франции проведение политики в сфере государственной службы осуществляет Премьер-министр. Он контролирует исполнение положений статуса о государственных служащих. Координа-

цией и выработкой кадровой политики занимается Генеральное управление администрации и государственной службы. Управление организует межведомственные конкурсы на замещение должностей, формирует кадровый резерв. Важнейшую роль в координации всей политики в области государственной службы играет Министерство государственной службы, которое является одним из подразделений секретариата Премьер-министра.

Согласно законодательству на госслужбу Франции гражданин определяется принципом равенства, когда все граждане «в равной мере допускаются ко всем постам, публичным должностям и занятиям сообразно их способностям без каких-либо различий». Важным принципом приема на госслужбу во Франции является конкурс. Здесь существуют три основных вида конкурса: «внешний», «внутренний» или «конкурс чиновников» и «смешанный». Конкурс проводит независимый коллегиальный орган – жюри.

В Италии, Японии и других зарубежных странах с развитыми рыночными отношениями также основным принципом отбора кадров на государственную службу является конкурс.

Китайский мыслитель Конфуций (551–479 г. до н.э.) в своем труде «Беседы и суждения» сформулировал систему требований к тем, кто принимает участие в управлении государственными делами. Значительный вклад в обоснование необходимости отбора граждан на различные государственные должности внес древнегреческий философ Платон (427–347 г. до н.э.) в своем труде «Государство». К правителям государства он предъявлял высокие требования: прежде всего, они должны быть философами (в нынешнем понимании – всесторонне образованными людьми), то есть, управлять, опираясь на философию, науку. Позднее в работах мыслителей Западной Европы эпохи Ренессанса (Н. Макиавелли) и эпохи Просвещения (Ш. Монтескье, Ж. Руссо, Д. Локк и др.) можно найти более обстоятельное обоснование необходимости тщательного отбора граждан на государственную службу.

Примерами оценки уровня знаний и навыков государственных служащих могут служить методы оценки претендентов на замещение вакантной должности при их конкурсном отборе. К основным из них относятся следующие методы³:

³ Отчет о научно-исследовательской работе: «Разработка квалификационных требований к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей государственными гражданскими служащими». – М.: 2012. – С. 121–137.

Индивидуальное собеседование. Основные цели индивидуального собеседования:

- выявить степень соответствия кандидата на вакантную должность по профессиональным показателям и квалификационным требованиям;
- расширить и подтвердить первичную информацию о кандидате, взятую из содержания анкеты, обратив внимание на профессиональные успехи, достижения и недостатки кандидата;
- определить степень эффективности его предшествующего труда;
- убедиться в желании и готовности кандидата успешно выполнять функции по замещаемой должности;
- убедиться в том, что кандидат обладает достаточными способностями и потенциалом для успешной деятельности и профессионального роста в замещаемой должности;
- определить соответствие личностных качеств кандидата целям государственного органа и его структурного подразделения.

Основные принципы индивидуального собеседования включают:

- целенаправленность, понятность целей собеседования;
- законность, правовое регулирование на основе действующего законодательства;
- научность, использование современных методик оценки;
- добровольность и заинтересованность сторон;
- активность кандидатов и доброжелательность проводящих собеседование;
- конструктивность;
- предварительная подготовка обеих сторон и хорошая организация;
- объективность и беспристрастность в оценке и ранжировании качеств претендентов;
- обязательность выполнения решений конкурсной комиссии.

При проведении индивидуального собеседования рекомендуется соблюдать следующие требования. Наличие высокопрофессиональных оценщиков – членов конкурсных комиссий. Лица, проводящие собеседование, должны уметь грамотно формулировать вопросы в соответствии с целями беседы, доброжелательно слушать людей, контролировать направление беседы, ее ход, выявлять и обсуждать наиболее сложные вопросы,

понимать психологическое состояние собеседника, учитывать особенности его личности. Хорошее знание членами конкурсной комиссии содержания служебной деятельности, должностного регламента вакантной должности гражданской службы дает возможность профессионально глубоко оценить способности претендента, позволяет исчерпывающе ответить на уточняющие вопросы претендента; создание на заседании конкурсной комиссии нормальных, комфортных условий для собеседования, снятие напряжения собеседника, создание обстановки откровенности; четкое определение того, какие профессиональные, деловые и личностные качества человека требуются для замещения данной вакантной должности; предварительное внимательное ознакомление с документами и биографией претендента на должность и определение примерного перечня вопросов, которые необходимо задать; ясная, одинаковая по сложности и недвусмысленная формулировка вопросов, задаваемых всем претендентам на замещение должности.

Методика тестирования. В практике профессионального отбора могут применяться следующие тесты: профессиональных знаний; общих и специальных способностей; личностные тесты; мотивационные тесты; интеллектуальные тесты и другие.

Технологию составления тестов рекомендуется строить по единой схеме: определение целей теста; составление проекта теста; апробация проекта теста на выборке испытуемых и исправление недостатков; разработка шкалы измерений (на основе качественных соображений и статистической обработки результатов) и правил интерпретации результатов.

Методика оценки реферата. Слово «реферат» носит латинские корни и происходит от слова «referre», что в буквальном переводе означает «докладывать, сообщать».

Цель написания реферата: продемонстрировать знания по конкретной проблеме и практические навыки анализа научной и научно-методической литературы, а также готовность к выполнению определенной работы.

Содержание работы над рефератом в обязательном порядке должно раскрывать обоснование избранной темы, опираться на знание актуального состояния рассматриваемого вопроса и в то же время содержать уже известные и подтвержденные факты и результаты, в полной мере отражать

ссылки на работы (исследования) ученых, изучавших данный вопрос, и цитируемые литературные источники, предоставлять материалы, подтверждающие практическое или научное значение исследуемого вопроса. Компонентами реферата являются: титульный лист; план-оглавление; вступление (введение); основная часть; заключение; список использованной литературы.

При работе над рефератом важна определенная последовательность. Прежде всего, следует сформулировать (подобрать) тему, которая должна быть не только интересной и оригинальной, но и актуальной по своей значимости. Далее – выбор источников (обычно в пределах восьми – десяти работ) и их подробное изучение. Следующий этап – работа с библиографическим списком, систематизация и обработка полученной информации. Написание реферата в обязательном порядке предваряет составление его плана для дальнейшего руководства. Завершающим этапом проделанной работы является представление реферата лицу, руководившему всей деятельностью, либо в качестве личного открытого выступления перед публикой.

При выставлении оценки за реферат учитываются следующие требования:

- актуальность темы, глубина и полнота раскрытия темы, адекватность передачи первоисточника;
- целостность: соответствие реферата теме, логичность, связность, доказательность;
- структурная упорядоченность (наличие введения, основной части и заключения, их оптимальное соотношение), смысловая завершенность;
- оформление (соответствие требованиям, наличие плана, языковая правильность, наличие и эстетика иллюстративного материала, списка литературы, культура цитирования, сноски и т.д.);
- представление на процедуре защиты (как держится докладчик, насколько свободно ориентируется в тексте реферата, как реагирует на вопросы и т.п.).

Методика оценки компетентности и профессионализма государственных служащих посредством групповой дискуссии. **Групповые дискуссии** проводятся в форме свободной беседы с кандидатами по теме их будущей работы и не должны выходить за пределы должностного регламента.

Проведение дискуссий основывается на практических вопросах – конкретных ситуациях, зара-

нее подготовленных соответствующим структурным подразделением, на замещение вакантной должности которого претендует кандидат. Тема групповой дискуссии должна отвечать таким требованиям, как:

- должна быть в достаточной степени актуальной, отражающей реальные проблемы профессиональной деятельности, что обеспечит желаемое отношение к ситуации групповой дискуссии (как к рабочей, а не игровой ситуации).
- должна быть проблемной, то есть содержать в себе нерешенную задачу;
- должна быть спорной, чтобы участники могли высказать полярные мнения по решению данной проблемы;
- не должна быть слишком размытой и общей, то есть для ее разрешения необходимо сформулировать более или менее определенный ответ;
- не должна быть слишком конкретной и узкой, то есть для ее решения должно быть достаточно специальных профессиональных знаний;
- должна подразумевать в качестве итога дискуссии некоторый перечень, список возможных решений, из которого впоследствии группой выбирается оптимальное решение для его представления в докладе.

Проведение процедуры групповой дискуссии включает следующие правила:

- участники групповой дискуссии должны находиться за круглым столом, с целью обеспечения условий эффективного межличностного взаимодействия.
- ведущий групповой дискуссии должен построить работу группы таким образом, чтобы дать возможность максимально проявиться самим участникам групповой дискуссии.
- наблюдатели (эксперты) не должны включаться в процесс групповой дискуссии и не должны самостоятельно воздействовать на конкретного участника или групповой процесс в целом.
- коррекцию группового поведения может осуществлять только ведущий групповой дискуссии.

Каждый эксперт с помощью шкалы оценок, оценивает всех кандидатов по критериям процедуры групповой дискуссии, используя при этом соответствующий бланк оценки.

Примерная шкала оценки по результатам групповой дискуссии:

Примеры оптимальной дифференциации методов оценки профессионализма служащих

№ п/п	Наименование категорий	Наименование группы должности	Методы оценки	
			знаний	навыков
1	Руководители	высшая	Индивидуальное собеседование тесты групповая дискуссия реферат	групповая дискуссия реферат
2	Руководители	главная	индивидуальное собеседование групповая дискуссия	групповая дискуссия реферат
3	Руководители	ведущая	индивидуальное собеседование	групповая дискуссия
4	Советники	высшая	Индивидуальное собеседование тесты групповая дискуссия реферат	групповая дискуссия реферат
5	Советники	главная	индивидуальное собеседование тесты групповая дискуссия	групповая дискуссия реферат
6	Советники	ведущая	индивидуальное собеседование	групповая дискуссия
7	Помощники	высшая	индивидуальное собеседование тесты, групповая дискуссия	групповая дискуссия
8	Помощники	главная	индивидуальное собеседование тесты	групповая дискуссия
9	Помощники	ведущая	индивидуальное собеседование	групповая дискуссия
10	Специалисты	высшая	индивидуальное собеседование тесты групповая дискуссия реферат	групповая дискуссия реферат
11	Специалисты	главная	индивидуальное собеседование тесты групповая дискуссия	групповая дискуссия реферат
12	Специалисты	ведущая	индивидуальное собеседование групповая дискуссия	реферат
13	Специалисты	старшая	индивидуальное собеседование	групповая дискуссия
14	Обеспечивающие специалисты	главная	индивидуальное собеседование тесты групповая дискуссия	групповая дискуссия реферат
15	Обеспечивающие специалисты	ведущая	индивидуальное собеседование групповая дискуссия	реферат
16	Обеспечивающие специалисты	старшая	индивидуальное собеседование	групповая дискуссия
17	Обеспечивающие специалисты	младшая	индивидуальное собеседование	индивидуальное собеседование

– 5 баллов, если кандидат последовательно, в полном объеме, глубоко и качественно раскрыл содержание практического вопроса, правильно использовал категории, понятия и термины, в ходе дискуссии проявил высокую активность, показал высокий уровень профессиональных знаний в соответствующей сфере, аналитические способности, навыки аргументировано отстаивать собственную точку зрения и ведения деловых переговоров, умение обоснованно и самостоятельно принимать решения, готовность следовать взятым на себя обязательствам;

– 4 балла, если кандидат последовательно, в полном объеме раскрыл содержание практического вопроса, правильно использовал категории, понятия и термины, но допустил неточности и незначительные ошибки, в ходе дискуссии проявил активность, показал достаточный уровень профессиональных знаний в соответствующей сфере, аналитических способностей, навыков отстаивания собственной точки зрения и ведения деловых переговоров, умение самостоятельно принимать решения, готовность следовать взятым на себя обязательствам;

– 3 балла, если кандидат последовательно, но не в полном объеме раскрыл содержание практического вопроса, не всегда правильно использовал категории, понятия и термины, допустил неточности и ошибки, в ходе дискуссии проявил низкую активность, показал средний уровень профессиональных знаний в соответствующей сфере, аналитических способностей, навыков отстаивания собственной точки зрения и ведения деловых переговоров;

– 0 баллов, если кандидат не раскрыл содержание практического вопроса, при ответе неправильно использовал основные категории, понятия и термины, допустил значительные неточности и ошибки. Кроме того, кандидат в ходе дискуссии не проявил активность, показал низкий уровень профессиональных знаний в соответствующей сфере, аналитических способностей, отсутствие навыков отстаивания собственной точки зрения и ведения деловых переговоров, неготовность следовать взятым на себя обязательствам.

В качестве вспомогательных средств в процессе групповой дискуссии с кандидатами на замещение вакантной должности государственной гражданской службы рекомендуются: составле-

ние диаграммы, отражающей связи между участниками в процессе дискуссии, частоту высказываний каждого и их соответствие теме; анализ роли участника (по балльной системе): инициативная, стимулирующая, критическая, аналитическая, руководящая, решающая роль при раскрытии темы дискуссии.

Решение комиссии оформляется протоколом, который подписывается всеми членами комиссии, принимавшими участие в ходе групповой дискуссии.

В отличие от имеющейся практики, когда все методы оценки представлены в Положении о конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации, утвержденном соответствующим Указом Президента Российской Федерации⁴.

В ниже представленной таблице приведены примеры дифференциации методов оценки уровня компетентности и профессионализма в зависимости от категории и группы должностей государственной службы, на замещение которой претендует оцениваемый кандидат.

Анализ методов оценки профессиональных и личных качеств кандидатов на замещение вакантных государственных должностей при их конкурсных отборах и аттестациях показал: 1) они не увязаны с квалификационными требованиями к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей государственными гражданскими служащими с учетом задач и функций соответствующего государственного органа; 2) в Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁵ обобщены профессиональные обязанности государственных служащих, замещающих государственные должности государственной службы, категорий «помощники» и «советники»; 3) в перечнях квалификационных требований к уровню знаний и навыков в нормативных актах государственных органов не учитываются требования к знаниям современных технологий выполнения функций государственного менеджмента таких, как: планирование, организация, координация, регулирование, контроль и анализ; 4) методы оценки уровня компетентности и профессионализма при конкурсе на замещение вакантных должностей государственной службы при аттестации государственных служа-

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № 112 «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации».

⁵ Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

щих и квалификационном экзамене не дифференцированы по категориям и группам должностей; 5) в приказах федеральных органов государственного управления по нормативному обеспечению разработки квалификационных требований к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей государственными гражданскими служащими, указываются требования к уровню основного профессионального образования, а не соответствующих функций и полномочий государственного органа.

Рекомендуется дальнейшее совершенствование структуры и содержания квалификационных требований к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей государственными гражданскими служащими с учетом категорий и групп замещаемых должностей государственной службы, с учетом современных условий развития отечественной государственной службы.

*****

1. Указ Президента Российской Федерации 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».

2. Отчет о научно-исследовательской работе «Разработка современных методик проведения конкурсов на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы Министерства обороны Российской Федерации» (шифр «конкурс – 2009»). – М, 2009.

3. Отчет о научно-исследовательской работе: «Разработка квалификационных требований к профессио-

нальным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей государственными гражданскими служащими». – М.: 2012.

4. Указ Президента Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № 112 «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации».

5. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР РОСТА ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ

Куклин А.А., Леонтьева А.Г., Никулина Н.Л.

Статья посвящена проблеме социальной защиты населения в условиях повышения неустойчивости регионального социально-экономического развития. Актуальность проблемы определяется необходимостью восстановления положительной динамики в процессах воспроизводства населения и повышения безопасности проживания людей на конкретной территории. Представлена модель, демонстрирующая связь факторов социальной защищенности населения в различных сферах жизнедеятельности с показателем ожидаемой при рождении продолжительности жизни. Продемонстрирован опыт использования данной модели на примере Тюменской области.

Ключевые слова: социальная защита населения, ожидаемая продолжительность жизни, социально-экономические риски жизнедеятельности, демографическая ситуация.

В современных условиях приоритетным направлением деятельности региональных законодательных и исполнительных органов власти становится обеспечение устойчивого развития региона на долгосрочную перспективу. Процессы глобализации увеличивают масштабы социально-экономических рисков жизнедеятельности людей, а сами риски диверсифицируются. Данное обстоятельство повышает значимость региональных систем социальной защиты, организация которых должна учитывать специфику многомерного проявления социальных угроз безопасной жизнедеятельности. Так, например, состояние здоровья населения связано не только с состоянием системы здравоохранения, но и уровнем и качеством

жизни населения, условиями трудовой деятельности и бытовыми традициями, экологической обстановкой в регионе. Поэтому в ситуациях, порождающих такие угрозы, необходимы комплексные меры социальной защиты. Это достигается согласованным и однонаправленным изменением политики в области занятости, образования, охраны окружающей среды, здравоохранения, пенсионного обеспечения, развития социальной инфраструктуры, адресной социальной защиты, развития различных типов социальных учреждений.

Реализация комплексных социальных программ в регионе представляет собой социальную защиту в широком смысле слова, как совокупность институтов и комплекс экономических,

социальных и правовых мер экономической политики, направленных на предупреждение или смягчение негативных последствий действия факторов социального неблагополучия (экономических, социальных и экологических рисков), ухудшающих условия жизнедеятельности индивидов и нарушающих стабильность общественного развития, регулирование условий жизнедеятельности отдельных социальных групп, общества в целом, обеспечивающих гражданам равные возможности для сохранения уровня жизни не ниже минимально допустимых норм и устойчивое развитие личности.

Так, эффективная семейная политика в комплексе с эффективными природоохранными мерами, охраной правопорядка, здоровья населения позволяет снизить угрозы здоровью, связанные с плохой экологией, распространения хронических и инфекционных заболеваний, наркоманией и алкоголизмом, других социальных болезней; угрозы, связанные с обострением криминогенной ситуации в обществе, ростом преступности; угрозы, связанные с деградацией среды обитания и жизнедеятельности населения, в совокупности подрывающие механизмы воспроизводства человека и социума.

Ключевым результатом комплексных мер социальной защиты, то есть социальной защиты в широком смысле, является улучшение условий и повышение безопасности проживания людей на данной территории, а также повышение устойчивости регионального социально-экономического развития, снижение вероятности социальных конфликтов и социальных протестов, следствием чего является улучшение демографической ситуации в регионе [1, с. 320–326; 2, с. 93–98]. Этот вывод позволяет вывести демографический фактор в число главных факторов влияния социальной защиты населения на социально-экономическое развитие региона и главных критериев эффективности реализуемых в регионе программ социальной защиты (рис. 1).

Косвенным показателем изменения уровня социальной защиты населения в регионе можно считать ожидаемую при рождении продолжительность жизни. Правомерность такого предположения доказывает практика: страны с высоким уровнем развития национальных систем социальной защиты демонстрируют высокую продолжительность жизни своих граждан. Принятая в нашей стране концепция демографической политики предусматривает с помощью различных мер, на-

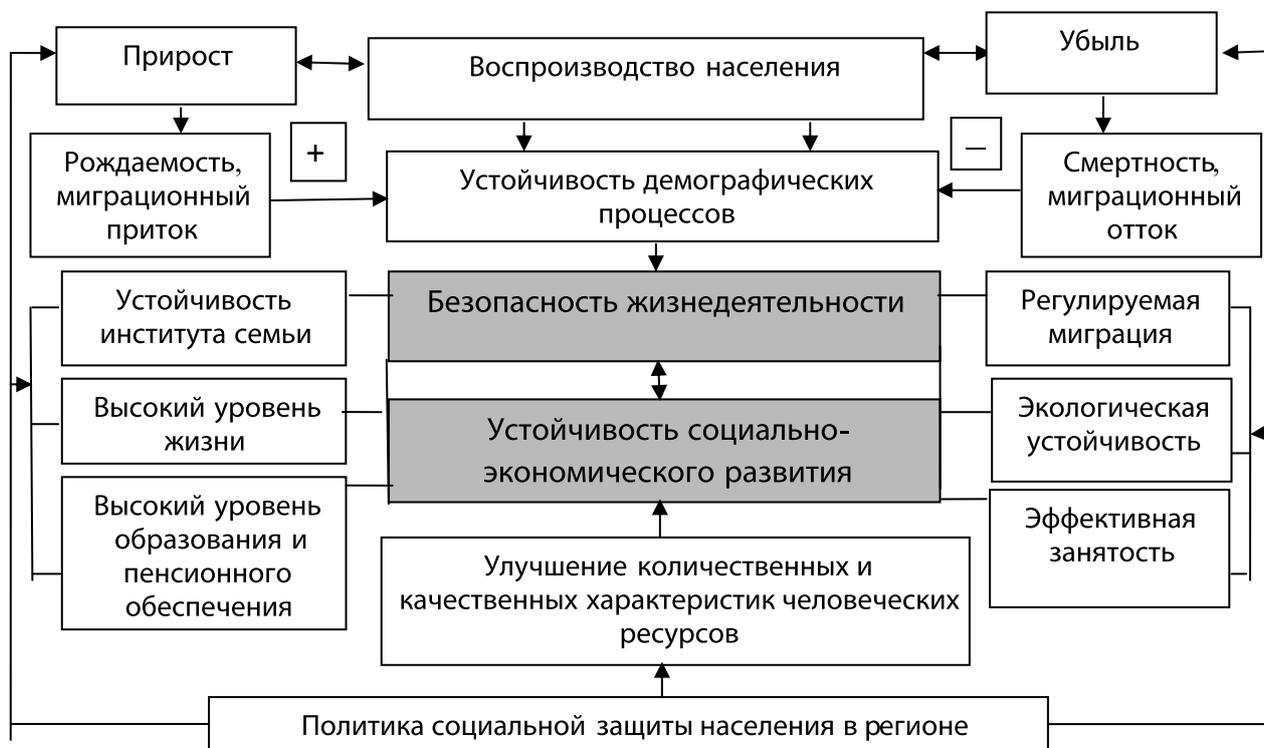

Рис. 1. Влияние демографического фактора на устойчивость социально-экономического развития региона

Таблица 1

Ожидаемая продолжительность жизни в Тюменской области [4]

	1992	1995	2000	2002	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Тюменская область	67,0	63,7	67,7	66,7	66,8	68,0	68,6	68,9	69,5	69,59*
в том числе:										
ХМАО	61,2	61,9	65,9	66,9	67,9	68,8	69,4	69,9	70,5	70,75*
ЯНАО	63,7	63,5	66,7	66,8	68,2	68,9	70,2	70,3	71,3	71,41*
Справочно по России:	67,8	64,5	65,4	65,0	65,3	66,6	67,5	67,9	68,7	68,8

*Оценочные данные.

правленных на улучшение социально-экономического положения населения, значительно увеличить среднюю ожидаемую продолжительность жизни [3].

Тюменская область принадлежит к тем немногим российским регионам, численность населения которых имеет положительную динамику. За последние 20 лет ожидаемая продолжительность жизни при рождении возросла более чем на два года. В 2009 г. ожидаемая продолжительность предстоящей жизни населения в Тюменской области составила 69,5 года. Хотя это на 2,3 года выше, чем в среднем по России, тем не менее, ниже уровня развитых стран мира. При этом в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах данный показатель составил 70,5 и 71,3 соответственно (табл. 1). На юге области ожидаемая продолжительность предстоящей жизни существенно ниже северных автономных округов (всего 67,9 года).

Поскольку восстановление положительной динамики в процессах воспроизводства населения и противодействия негативным последствиям провала в демографической сфере в 1990-х и первой половине 2000-х гг., является одной из самых главных проблем развития России, определение прогнозных значений в изменении продолжительности жизни населения, в том числе, в результате улучшения в сфере социальной защиты, представляется весьма актуальным направлением исследований.

Для оценки результатов изменения в сфере социальной защиты населения в Тюменской области и ее северных округах нами построена модель, демонстрирующая связь факторов социальной защищенности населения и ожидаемой при рождении продолжительности жизни. Модель строится на гипотезах, представленных в исследованиях Быстрая Г.П., Куклина А.А., Никулиной Н.Л. [5–8]. Временным интервалом для анализа послужил

период 2000–2010 гг. В качестве экзогенных параметров модели предлагается рассмотреть комплекс показателей, характеризующих социальную защищенность в разных сферах жизнедеятельности региона: занятости, доходов, жилищной обеспеченности, здравоохранения, правопорядка, экологической безопасности, а также бюджетных расходов на социальную защиту.

При этом необходимо учитывать разнонаправленную динамику выбранных показателей: одни из них увеличиваются при повышении уровня социальной защищенности, другие, наоборот, снижаются. Поэтому все показатели были разбиты на две группы, а прогнозирование изменения ожидаемой продолжительности жизни при рождении в результате действия факторов, связанных с социальной защитой населения, проведено в двух вариантах.

По первому варианту были проанализированы следующие показатели:

- расходы на выплату пособий и социальную помощь в общем объеме расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ, % (X1);
- расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на социально-культурные мероприятия в объеме ВРП, % (X2);
- отношение среднего размера пенсии по старости к прожиточному минимуму пенсионеров, % (X3);
- реальные денежные доходы населения, % к базовому периоду (X4);
- отношение числа семей, получивших жилье и улучшивших жилищные условия в отчетном году к числу семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, % (X5);
- соотношение среднемесячной заработной платы к величине прожиточного минимума, % (X6).

Общей для выбранных факторов характеристикой является то, что все они имеют тенденцию

Таблица 2

Расчет интегрального фактора X (F) с учетом влияния факторов социальной защиты населения в Тюменской области

Годы	X ₁	F ₁	X ₂	F ₂	X ₃	F ₃	X ₄	F ₄	X ₅	F ₅	X ₆	F ₆	X (F)
2000	1	0,2	1	0,16	1	0,16	1	0,16	1	0,16	1	0,16	1
2001	1,081		0,819		0,924		1,19		1,262		0,934		1,037
2002	1,189		0,847		0,956		1,214		1,354		0,998		1,097
2003	1,135		0,75		0,987		1,347		1,015		1,026		1,047
2004	0,919		0,736		1,083		1,442		1,077		1,055		1,047
2005	1,108		0,764		1,158		1,586		0,738		1,041		1,068
2006	1,243		0,792		1,021		1,839		0,877		1,055		1,142
2007	1,784		0,889		1,134		2,060		0,8		1,099		1,314
2008	1,811		0,889		1,173		2,287		0,8		1,109		1,364
2009	2,838		0,875		1,329		2,081		0,892		0,997		1,555
2010	2,973	0,847	1,480	1,977	1	1,027	1,608						

к повышению с увеличением уровня социальной защиты.

Представленные расчеты позволяют прогнозировать развитие ситуации в сфере уровня и качества жизни населения на основе прогнозирования увеличения или уменьшения ожидаемой продолжительности жизни при рождении на период до 2015 г. в результате действия факторов, связанных с социальной защитой населения. Ниже представлен алгоритм расчетов [5, 6, 7, с. 103–114, 8].

Расчет выполнен с помощью программного комплекса, разработанного Быстрыем Г.П.

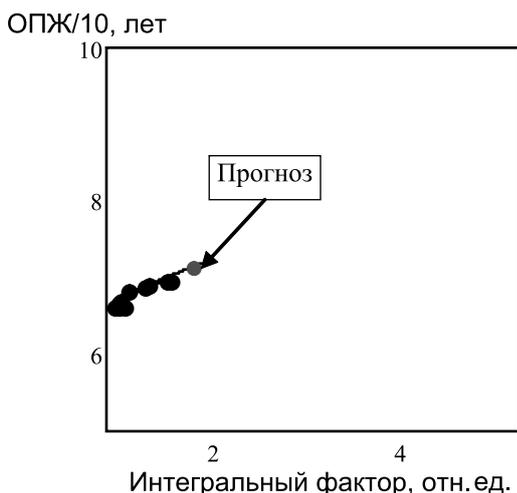
1. Приводим каждый фактор влияния к безразмерному виду:

$$X_i(t) = \frac{Z_i(t)}{Z_i(t_0)}, \tag{1}$$

где $Z_i(t)$ – значение i -го показателя в момент времени t ; $Z_i(t_0)$ – значение i -го показателя в базовый момент времени t_0 .

Рис. 2. Результаты моделирования влияния факторов социальной защищенности на ожидаемую продолжительность жизни населения в Тюменской области

Рис. 3. Корреляционная зависимость ожидаемой продолжительности жизни от факторов, определяющих социальную защищенность населения в Тюменской области

2. Интегральный фактор $X(F)$ зависит от веса каждого фактора F , определяемого экспертом самостоятельно (2); $X(F)$ – ограниченная во времени функция (3).

$$X(F) = \sum_{i=1}^n X_i(t) \cdot F_i, \tag{2}$$

$$\frac{dX(F)}{dt} = LX(F) - M(X(F))^2, \tag{3}$$

где L, M – параметры, определяющие динамику интегрального фактора $X(F)$.

Полученные расчетные величины $X(F)$ влияния интегральных факторов и каждого фактора F в отдельности (в относительных единицах) для Тюменской области приведены в таблице 2.

3. Ожидаемая продолжительность жизни населения при рождении на территории Тюменской области есть ограниченная во времени функция, обозначим ее y . Скорость прироста показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении (4) зависит от величины интегрального фактора. Чем больше величина интегрального фактора $X(F)$, тем выше dy/dt .

$$\frac{dy}{dt} = L_1y - M_1y^2 + Q_1yX(F), \tag{4}$$

где L_1, X_1 – параметры, определяющие ожидаемую продолжительность жизни при рождении; Q_1 – коэффициент, характеризующий влияние $X(F)$ на y .

Коэффициенты подбираются таким образом, чтобы кривые наилучшим образом описывали статистические данные в рассматриваемом интервале лет.

Рассмотрим систему двух нелинейных дифференциальных уравнений (5):

$$\begin{cases} \frac{dX(F)}{dt} = LX(F) - M(X(F))^2 \\ \frac{dy}{dt} = L_1y - M_1y^2 + Q_1yX(F) \end{cases}, \tag{5}$$

Результаты решений системы динамических уравнений (5) по территории Тюменской области представлены в виде кривых (рис. 2).

Графическое изображение указанных зависимостей (точка прогноза – 2015 г.) представлено на рис. 3.

Второй вариант расчета прогнозной динамики ожидаемой продолжительности жизни связан с выбором факторов, имеющих тенденцию к понижению с увеличением уровня социальной защиты:

Таблица 3

Прогноз ожидаемой продолжительности жизни населения Тюменской области до 2015 г.

Субъект РФ	2011	2012	2013	2014	2015
первый вариант					
Тюменская область	69,87	70,23	70,6	70,97	71,34
в том числе:					
ХМАО – Югра	70,99	71,45	71,92	72,39	72,86
ЯНАО	71,99	72,56	73,15	73,73	74,32
второй вариант					
Тюменская область	69,96	70,34	70,71	71,09	71,47
в том числе:					
ХМАО – Югра	71,25	71,74	72,23	72,73	73,22
ЯНАО	71,51	72,04	72,56	73,09	73,62

Источник: [расчеты авторов]

- заболеваемость населения туберкулезом, чел./100 тыс. населения (X_1);
- уровень преступлений с нанесением вреда здоровью человека, чис./100 тыс. населения (X_2);
- удельные выбросы вредных веществ в атмосферу, отходящих от стационарных источников загрязнения на территории, т/10000 населения (X_3);
- доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения, % (X_4);
- уровень безработицы, % (X_5).

Аналогичные расчеты, представленные в первом варианте, проведены и по второму варианту. Коэффициенты Q , и L в системе уравнений (5) будут меньше 0, так как значения показателей, характеризующих влияние различных факторов, уменьшаются, а ожидаемая продолжительность жизни увеличивается.

В результате всех расчетов имеем прогноз ожидаемой продолжительности жизни при рождении для субъектов УрФО до 2015 г., данные представлены в таблице 3.

Сопоставляя оба прогнозных варианта изменения показателя ожидаемой продолжительности жизни, следует отметить устойчивую положительную динамику. Это является косвенным свидетельством эффективности мероприятий, направленных на улучшение жизненных условий населения, здоровья и повышения качества медицинского обслуживания населения, оптимизации миграционных процессов населения, мер семейной политики, реализуемых в регионах Тюменской области. Прогнозные цифры могут быть использованы при составлении программ социально-экономического характера, реализация которых будет способствовать улучшению демографической ситуации в стране.

*****

1. Леонтьева А.Г. Демографические аспекты социальной защиты населения региона//Экономика региона. – 2012, № 2.

2. Куклин А.А., Леонтьева А.Г. Дифференциация доходов населения и проблема бедности (на примере Тюменской области)//Экономика региона. – 2011, № 1.

3. Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2025 г. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru>.

4. Статистический ежегодник: стат. сб. в 4 ч./Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2011. Ч. 1 (I), с. 123; Ч. 2. с. 109; Ч. 3, с. 103.

5. Куклин А.А., Быстрой Г.П., и др. Проблемы исследования наркотизации регионов России. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2005.

6. Экономическая синергетика: Вопросы устойчивости/О.М. Белоцерковский, Г.П. Быстрой, В.Р. Цибульский. Новосибирск: Наука, 2006.

7. Быстрой Г.П., Коршунов Л.А., Лыков И.А., Никулина Н.Л., Охотников С.А. Методы нелинейной динамики в анализе и прогнозировании экономических систем регионального уровня//Журнал экономической теории. – 2010.

8. Никулина Н.Л. Экологические аспекты экономической безопасности региона. Дисс. ... канд. экон. наук. 08.00.05.

<p>Авдеев Юрий Алексеевич</p> <p>U.A. Avdeev</p>	<p>Ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Тихоокеанский институт географии» Дальневосточного отделения РАН, кандидат экономических наук 690041 г. Владивосток, ул. Радио, д. 7 Тел./факс: +7 (902) 524-56-38 e-mail: avdyural@mail.ru <i>Leading researcher of Pacific Geographical Institute, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, PhD in Economical Sciences</i></p>
<p>Аносова Светлана Владиславовна</p> <p>S.V. Anosova</p>	<p>Научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт комплексного анализа региональных проблем» Дальневосточного отделения РАН (ИКАРП ДВО РАН) 679016, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, д. 4 Тел./факс: +7 (42622) 2-05-39 e-mail: sanosova@yandex.ru <i>Scientist Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (ICARP FEB RAS)</i></p>
<p>Бардаль Анна Борисовна</p> <p>A.B. Bardal</p>	<p>Заведующая сектором транспортной инфраструктуры Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт экономических исследований» Дальневосточного отделения РАН, кандидат экономических наук, доцент 680042 г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153 Тел.: +7 (4212) 22-57-03 e-mail: bardal@mail.ru <i>Head of the Transport Infrastructure Department, Economical Research Institute, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (FEB RAS), PhD in Economical Sciences, Associate Professor</i></p>
<p>Байков Николай Михайлович</p> <p>N.M. Baykov</p>	<p>Заместитель директора по научной работе Дальневосточного института управления – филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», доктор социологических наук, профессор 680000 г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33 Тел.: +7 (4212) 30-59-91 e-mail: npro@dvags.ru <i>Deputy Director for Science, Far Eastern Institute of Management – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Sociology, Professor</i></p>
<p>Березутский Юрий Владимирович</p> <p>Yu.V. Berezutsky</p>	<p>Начальник отдела организации и координации научных исследований Дальневосточного института управления – филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», кандидат социологических наук, доцент 680000 г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33 Тел.: +7 (4212) 32-67-54 e-mail: uriy@dvags.ru <i>Head of the Organization and Coordination of Research, Far Eastern Institute of Management – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, PhD in Sociological Sciences, Associate Professor</i></p>
<p>Бобков Вячеслав Николаевич</p> <p>V.N. Bobkov</p>	<p>Генеральный директор ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор 105043 г. Москва, 4-я Парковая ул., д. 29 Тел./факс: +7 (499) 164-99-64, 164-97-64 e-mail: info@vcug.ru <i>General Director of PJSC «Russian Centre of Living Standard», Honored worker of science of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor</i></p>

<p>Вашаломидзе Елена Валерьевна</p> <p><i>E.V. Vashalomidze</i></p>	<p>Заведующая отделом аспирантуры НИИ труда и социального страхования, кандидат экономических наук 105064 г. Москва, ул. Земляной вал, д. 34 Тел./факс: +7 (495) 917-23-81 e-mail: rich123098@mail.ru <i>Head of postgraduate Department, Institute of Labor and Social Insurance, PhD in Economical Sciences</i></p>
<p>Данилова Ирина Андреевна</p> <p><i>I.A. Danilova</i></p>	<p>Заведующая сектором Лаборатории народонаселения и демографии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат экономических наук 127282 г. Москва, Заревый пр-д, д. 7, кв. 37 Тел./факс: +7 (826) 831-40-77 e-mail: irindanilova@mail.ru <i>Head of Sector of the Research laboratory for Population and Demography, Economical faculty, Moscow State University by M.V. Lomonosov, PhD of Economical Sciences</i></p>
<p>Джанаева Наталья Георгиевна</p> <p><i>N.G. Janaeva</i></p>	<p>Старший научный сотрудник Лаборатории экономики народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат экономических наук 121248 г. Москва, Кутузовский проспект, д. 9, корп. 2, кв. 14 Тел./факс: +7 (903) 127-78-17 e-mail: janaeva@econ.msu.ru <i>Senior staff scientist of the Research laboratory for Economic of the Population, Economical faculty, Moscow State University by M.V. Lomonosov, PhD of Economical Sciences</i></p>
<p>Елизаров Валерий Владимирович</p> <p><i>V.V. Elizarov</i></p>	<p>Руководитель Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат экономических наук 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, дом 1, стр. 46 Тел./факс: +7 (495) 939-33-76 e-mail: vcug@info.ru <i>The Head of the Centre for Study of Problems of the Population, Economical faculty, Moscow State University by M.V. Lomonosov, PhD of Economical Sciences</i></p>
<p>Залесская Ольга Владимировна</p> <p><i>O.V. Zalesskaya</i></p>	<p>Заведующая кафедрой китаеведения Благовещенского государственного педагогического университета, доктор исторических наук 675000, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Ленина, д. 104, кафедра китаеведения Тел./факс: +7 (962) 284-73-75 e-mail: olgazallesskaya@gmail.com <i>The Head of Sinology Department, Blagoveschensk State Pedagogical University, Doctor of History</i></p>
<p>Заусаев Вадим Константинович</p> <p><i>V.K. Zausaev</i></p>	<p>Директор Федерального автономного учреждения «Дальневосточный научно-исследовательский институт рынка», доктор экономических наук, профессор 680030 г. Хабаровск, ул. Запарина, д. 67 Тел.: +7 (4212) 30-64-29 e-mail: zausaev_inst@mail.ru <i>Director of PAI «Far Eastern Research Institute of the Market Economy», Doctor of Economics, Professor</i></p>
<p>Куклин Александр Анатольевич</p> <p><i>A.A. Kuklin</i></p>	<p>Руководитель Центра экономической безопасности Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29 Тел./факс: +7 (343) 371-07-19 e-mail: alexkuklin49@mail.ru <i>Head of the Center for Economic Security, Institute of Economics, the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor</i></p>

<p>Леонтьева Алла Геннадьевна</p> <p>A.G. Leontieva</p>	<p>Профессор кафедры математических методов, информационных технологий и систем управления в экономике Тюменского государственного университета, кандидат экономических наук 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16 Тел./факс: +7 (3452) 45-14-87 e-mail: leonteva-ag@rambler.ru</p> <p><i>Professor of Department of Mathematical Methods, Information Technology and Control Systems in the Economy, Tyumen State University, PhD in Economical Sciences</i></p>
<p>Маликов Николай Серафимович</p> <p>N.S. Malikov</p>	<p>Кандидат философских наук 105043 г. Москва, 4-я Парковая ул., д. 29 Тел./факс: +7 (915) 234-60-91 e-mail: nsmalikov@yandex.ru</p> <p><i>PhD in Philosophical Sciences</i></p>
<p>Марков Дмитрий Николаевич</p> <p>D.N. Markov</p>	<p>Ведущий экономист Федерального автономного учреждения «Дальневосточный научно-исследовательский институт рынка» 680030 г. Хабаровск, ул. Запарина, д. 67 Тел.: +7 (4212) 30-62-68 e-mail: d.n.markov@mail.ru</p> <p><i>Leading economist of PAI «Far Eastern Research Institute of the Market Economy»</i></p>
<p>Мищук Светлана Николаевна</p> <p>S.N. Mishchuk</p>	<p>Старший научный сотрудник ФГБУН «Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук» (ИКАРП ДВО РАН), кандидат экономических наук 679016, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, д. 4 Тел./факс: +7 (42622) 2-05-39 e-mail: Svetamic79@mail.ru</p> <p><i>Senior staff scientist of the Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (ICARP FEB RAS), PhD in Economical Sciences</i></p>
<p>Мотрич Екатерина Леонидовна</p> <p>E.L. Motrich</p>	<p>Заведующая сектором проблем социального развития, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт экономических исследований» Дальневосточного отделения РАН, доктор экономических наук 680042 г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153 Тел./факс: +7 (4212) 22-48-89 e-mail: motrich@ecrin.ru</p> <p><i>Head of Sector of the Population, Employment and Social Problems, Leading researcher of Economical Research Institute, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics</i></p>
<p>Мошков Анатолий Владимирович</p> <p>A.V. Moshkov</p>	<p>Ведущий научный сотрудник ФГБУН «Тихоокеанский институт географии» Дальневосточного отделения РАН, доктор географических наук 690041 Владивосток, ул. Радио, д. 7 Тел./факс: +7 (4232) 37-59-28 e-mail: mavr@tig.dvo.ru</p> <p><i>Leading researcher, Pacific Geographical Institute, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (FEB RAS), Doctor of Geography</i></p>
<p>Найден Светлана Николаевна</p> <p>S.N. Naiden</p>	<p>Заведующая отделом научно-образовательных проектов ФГБУН «Института экономических исследований» Дальневосточного отделения РАН, кандидат экономических наук 680042 г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153 Тел./факс: +7 (4212) 22-56-63 e-mail: nayden@ecrin.ru</p> <p><i>Head of the Research and Education Projects Department, Economical Research Institute, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (FEB RAS), PhD in Economical Sciences</i></p>
<p>Никулина Наталья Леонидовна</p> <p>N.L. Nikulina</p>	<p>Заведующая сектором, старший научный сотрудник Центра экономической безопасности ФГБУН «Институт экономики» Уральского отделения РАН, кандидат экономических наук 620014 г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29 Тел./факс: +7 (343) 371-57-01 e-mail: nikulinanl@mail.ru</p> <p><i>Head of the Department, Senior staff scientist of the Institute of Economics, the Ural Branch, Russian Academy of Sciences, PhD in Economical Sciences</i></p>

<p>Романов Матвей Тихонович</p> <p>M.T. Romanov</p>	<p>Заведующий Лабораторией территориально-хозяйственных структур ФГБУН «Тихоокеанский институт географии» Дальневосточного отделения РАН, доктор географических наук 690041 г. Владивосток, ул. Радио, д. 7 Тел./факс: + 7 (423) 237-59-28 e-mail: romanov@tig.dvo.ru <i>Head of the Laboratory of Territorial-Economical Structures, Pacific Geographical Institute, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (FEB RAS), Doctor of Geography</i></p>
<p>Сидоркина Зинаида Ивановна</p> <p>Z.I. Sidorkina</p>	<p>Старший научный сотрудник ФГБУН «Тихоокеанский институт географии» Дальневосточного отделения РАН, кандидат географических наук 690041 г. Владивосток, ул. Радио, д. 7 Тел./факс: +7 (423) 232-06-68 e-mail: zsidorkina@mail.primorye.ru <i>Senior staff scientist of the Pacific Geographical Institute, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (FEB RAS), PhD in Geographical Sciences</i></p>
<p>Синица Арсений Леонидович</p> <p>A.L. Sinitsa</p>	<p>Научный сотрудник Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат экономических наук 119991 г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, 3-й новый учебный корпус, Экономический факультет Тел./факс: +7 (495) 939-30-94 e-mail : arcia.msu.e.05@mail.ru <i>Scientist of the Centre for Study of Problems of the Population, Economical faculty, Moscow State University by M.V. Lomonosov, PhD of Economical Sciences</i></p>
<p>Столярова Валентина Александровна</p> <p>V.A. Stolyarova</p>	<p>Профессор Финансового Университета при Правительстве РФ, доктор экономических наук 125993 г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49 Тел./факс: +7 (915) 410-62-82 e-mail: rich123098@mail.ru <i>Professor Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economics</i></p>
<p>Сукнева Светлана Александровна</p> <p>S.A. Sukneva</p>	<p>Заведующая отделом НИИ Региональной экономики Севера Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова, доктор экономических наук, доцент 677000 Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, д. 58 Тел./факс: +7 (4112) 35-48-99 e-mail: sukneva@mail.ru <i>Department head of the Research Institute of the Regional Economy of the North by Ammosov, North-Eastern Federal University, Doctor of Economics, Associate Professor</i></p>
<p>Сухомиров Григорий Исакович</p> <p>G.I. Sukhomirov</p>	<p>Старший научный сотрудник ФГБУН «Институт экономических исследований» Дальневосточного отделения РАН, кандидат сельскохозяйственных наук Тел./факс: +7 (4212) 22-58-66 e-mail: Sukhomirov@ecrin.ru <i>Senior staff scientist of the Economical Research Institute, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (FEB RAS), PhD</i></p>
<p>Ушакова Валентина Леонидовна</p> <p>V.L. Ushakova</p>	<p>Научный сотрудник ФГБУН «Тихоокеанский институт географии» Дальневосточного отделения РАН 690041 г. Владивосток, ул. Радио, д. 7 Тел./факс: +7 (950) 296-29-09 e-mail: ushakova@tig.dvo.ru <i>Scientist of the Pacific Geographical Institute, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences</i></p>

01/2013 (179)

**«LIVING STANDARD OF THE POPULATION
IN THE REGIONS OF RUSSIA»**

Theoretical and practical journal

DEMOGRAPHY AND LIVING STANDARD OF THE POPULATION OF FAR EAST

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES OF STUDING OF QUALITY
OF LIFE AND LIVING STANDARD**

V.N. Bobkov	Theoretical and Methodological Issues of Determination of Life Quality and Living Standard of the Population and their Evaluation in the Far Eastern Federal District of Russia	4
<p>In the article the author considers categorical apparatus of the study of the level and quality of life, it is carried out the estimation of the quality of the population, the level of consumption and its differentiation in the regions of the Far Eastern Federal district.</p> <p>Key words: the quality of life of the population, living standards of the population, the number and the quality of the population, the social structure of the population by the level of material wealth, poverty, economic disparities, the index of development of human potential.</p>		
V.N. Bobkov V.V. Elizarov N.G. Dzhanayeva I.A. Danilova N.S. Malikov A.L. Sinitsa	Methodological Basis of Development of Regional Programs of Demographic Development with Account of Regional Peculiarities (on the Example of the Far Eastern Federal district)	10
<p>The article is devoted to methodological bases of the development of regional programs of demographic development. Noting the progress achieved by the state authorities in the field of demographic policy for the last time, the effectiveness of such programs can be increased. The article deals with the principles, on which to build a development of regional programs of demographic development. Special attention is paid to the demographic expertise as one of the most important stages of the development of the programs.</p> <p>Key words: the regional programs of demographic development, socio-economic policy, the demographic expertise.</p>		
E.L. Motrich, S.N. Naiden	Living Standard of the Population and the Potential of Social Sphere in the Russian Far East Regions	18
<p>The article deals with the dynamics of incomes and living standard of the population in the Far East. Parameters of spreading and development of social infrastructure fields in the subjects of the Far Eastern Federal district were analyzed. Possibilities and housing accessibility for the Far East residents depending on the level of existing income were evaluated.</p> <p>Key words: migration, income(s) of the population, living standard, social sphere, housing accessibility.</p>		
E.L. Motrich	Migration in Reproduction of the Population in the Russian Far East	25
<p>The article examines the role of migration in reproduction of the population in the Russian Far East. Possible forecasts of the population size are given, depending on the level of comfort of life in the given region.</p> <p>Key words: reproduction of population, human migration, migration efficiency, population forecast, population income and standard of living.</p>		
DEMOGRAPHICAL DEVELOPMENT OF SUBJECTS OF THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT		
S.A. Sukneva	Demographic Development of Republic of Sakha (Yakutia): State and Prospects	33
<p>The article describes the features of development of population of the Republic of Sakha (Yakutia). The structure of demographic potential is presented and reasons of his losses are analyzed. It analyzed the dynamics and components of changes in population size and structure for the period from 1985 to 2010. It is offered measures on strengthening of demographic factor of socio-economic development of republic.</p> <p>Key words: population, demographic potential, fertility, mortality, migration, demographic behavior, population by age, population projection.</p>		

Yu.A. Avdeev V.L. Ushakova	The Demographic Structure of the Population of the Region and its Influence on Indicators of Standard of Living	41
<p>The changes in the demographic structure of population and their influence on indicators of a standard of living in the region are considered. Dynamics of reproductory and migratory processes, age, educational structure of the population and their interrelation with structure of employment of the population and distribution of the income is analyzed.</p> <p>Key words: demographic structure of the population, living standards of population of region.</p>		
S.N. Mishchuk S.V. Anosova	Migration in the Jewish Autonomous Region, as a Reflection of Social-Economical Processes in the Autonomy	47
<p>In the paper it is analyzed the main showings of social-economical development and migration processes in the Jewish autonomous region for the period of 2000–2010. It is shown that the population movement showings deterioration is caused by the stagnation in regional industry and agriculture.</p> <p>Key words: Jewish autonomous region, social-economical development, migration, living standards.</p>		
A.V. Moshkov	Population's Living Standard as the most Important Component of Strategy of Social-Economical Development of the City (by Example of Vladivostok)	54
<p>The presented work is based on economic-geographical analysis of the Concept of social and economic development of Vladivostok and Vladivostok agglomeration in long-term prospect.</p> <p>Key words: population's living standard, strategy of social and economic development, SWOT-analysis of directions of the development of a municipal union, the model of city development.</p>		
STANDARD AND CONDITIONS OF LIVING IN THE RUSSIAN FAR EAST		
Z.I. Sidorkina, M.T. Romanov	Regional Features of Employment and Living Standard of Population in the Far Eastern Macroregion	61
<p>The article is devoted to the problems of employment and living standard of population of the Far Eastern macroregion at a critical stage of its development. Contradictions between the developed structure of employment, living standard of population there and arising regional large-scale economic and geopolitical problems are marked. The perspectives of demographic development, living standard of population in the region are estimated, taking into account geographical features of territories and preplanned diversification of economy.</p> <p>Key words: employment structure, living standard, a labor market, payment, nature-resource potential, economy structure, diversification, a region, perspective of development, average expenses per one person and population incomes.</p>		
A.B. Bardal	Ensuring the Transport Mobility of the Population in the Far Eastern Federal District	71
<p>The article deals with the dynamics of transport mobility of the population in the Russian Far East over the last decade. The basic elements of organizing the passenger traffic by separate means of transport in the region, occurring changes and its causes were presented.</p> <p>A comparative analysis of transport mobility of the population was conducted and the common negative declining tendency of this indicator was shown.</p> <p>Key words: the Russian Far East, passenger traffic, transport of mobility of the population.</p>		
N.M. Baykov	Social Well-Being of Older People as Integral Indicators of Vitality the Far East Region	82
<p>Objective and subjective indicators of social well-being of older persons based on the results of comparative social science research in the Khabarovsk Territory (1999, 2011), discusses the positive and negative changes in social consciousness studied category of citizens, provides options to optimize social policy this category of citizens.</p> <p>Key words: elderly people, social well-being, values, family status, social and material assistance.</p>		
V.K. Zausaev D.N. Markov	Multiplicate Nature of Tourism Impact in Region Economy	88
<p>In article to be told that highly effective branches need to develop for fix people on territory of the Far East. Now development of tourist branch is one of leading projects therefore authors created the methodical recommendations, which allows to define multiplicate effect of tourism and to use reasonable management of development of this branch.</p> <p>Key words: population, Far East, impact of tourism, methodical recommendations.</p>		

Yu.V. Berezutsky	Social Development of Young People the Far East Region in the Sociological Dimension	95
<p>The article presents the sociological assessment characteristics of the social development of the youth of one of Russia Far East – the Khabarovsk region. Social development of youth is disclosed by means of the social transitions, which are significant for it: training, the beginning of labor activity, adoption of healthy way skills of life, marriage, civic stand formation. The analysis has allowed doing a conclusion that quite often the social transitions to a desirable condition have a spontaneous character they don't coincide with the real needs of the person and the regional development.</p> <p>Key words: youth, social development, the state youth policy, values of youth, consciousness and behavior of youth, social transitions.</p>		
G.I. Sukhomirov	Food Security in the Russian Far East	101
<p>The article examines the dependency of food security and life quality of the population in the Russian Far East on the current level and development prospects of the agricultural sector according to two options.</p> <p>Key words: food security, agricultural sector, consumption, life quality, innovation.</p>		
S.N. Naiden	People Expenses for Household Running Costs: Spatial Differentiation in Russian Far East	108
<p>This article is devoted to the spatial differentiation analysis of household running costs including the Russian Far East central cities and regions by comparison with aggregated indicators of Russian Federation. Author suggested the method of assessment of people actual expenses for household running costs.</p> <p>Key words: people income, consumer expenditure, housing and communal services and costs, spatial differentiation, the Russian Far East.</p>		
O.V. Zalesskaya	Chinese Migrants in the Russian Far East in the Second Half of XIX – the Beginning of XXI Centuries: the Main Marks of the Presence and Activities	115
<p>One of the significant factors in the interaction of Russia and China is the Chinese migration to the Russian Far East. In article the author analyzes the participation of the Chinese migrants in social, economic and political processes in the Russian Far East, characterizes the features of their life and activity.</p> <p>Key words: the Russian Far East, China, the Chinese migrants, Russian-Chinese relations.</p>		
PUBLICATIONS OF THE APPLICANTS OF THE DEGREE		
V.A. Stolyarova E.V. Vashalomidze	Optimization of Structure and Content of Qualification Requirements for Professional Knowledge and Skills of State Civil Servants	121
<p>The article shows results of scientific study of problems of improving analytical decisions made by state and municipal officials to ensure the improvement of living standard of Russian regions. It also presents the main factors affecting results of professional performance of employees of state and municipal government. Special attention is paid to the optimization of structure and content of qualification requirements for education, experience of public and municipal services, as well as professional knowledge and skills necessary to perform their duties in modern terms of reforming and development of domestic economy.</p> <p>Key words: living standard, efficiency of state and municipal employees, professional service activities, structure and content of qualifications, economical reform, economical development, education, work experience, professional knowledge, professional skills, advanced social standards, state and local solutions, methods of estimation.</p>		
A.A. Kuklin, A.G. Leontieva, N.L. Nikulina	Social Protection of Population as a Factor of Growth in Life Expectancy	130
<p>The research paper is devoted to social protection in environment of increased volatility of the regional socio-economic development. The relevance of the problem is determined by the necessity to restore the positive dynamics in the processes of reproduction and safety of people living in a particular area. The authors propose a model. It shows connection of the factors of social protection for people in the different spheres of life with life expectancy indicator. Calculations are made on the example of the Tyumen region.</p> <p>Key words: social protection, life expectancy, socio-economical risks of life, demographical situation.</p>		

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ ЖУРНАЛА**Правила по комплектности рукописей и их оформлению для журнала
«Уровень жизни населения регионов России»**

Общими критериями материалов, принимаемых для публикации в журнале «Уровень жизни населения регионов России», являются актуальность, новизна материала и его ценность в теоретическом и/или прикладном аспектах.

Комплектность рукописи

1. Рукопись с личной подписью автора представляется в редакцию журнала в одном отпечатанном экземпляре и в электронной копии (текстовый редактор Word 7.0).
2. л/7.2-5 предоставляются отдельным файлом:
3. Справка об авторе на русском и английском языках с указанием фамилии, имени, отчества (полностью), должности, звания, учёной степени, места работы, электронного адреса, телефона.
4. Название статьи на русском и английском языках.
5. Аннотация на русском и английском языках (200–400 знаков с пробелами).
6. 4–6 ключевых слов на русском и английском языках (до 100 знаков с пробелами).
7. Аспиранты предоставляют не менее двух рецензий на статью из разных организаций.

Правила оформления рукописи

1. Текст, включая сноски, печатается через одинарный межстрочный интервал. Шрифт ARIAL, кегль 11. Поля: верхнее и нижнее – 2,5 см, боковые – 2,2 см.
2. Год (годы), век (века) сокращать (1950 г., 90-е гг., XIX–XX вв.)
3. Интервалы между годами, веками, страницами, процентами – тире без пробелов (1980–1985 гг., XIX–XX вв., с.113–121).
4. При написании процентов с числительными использовать знак % без пробела (4%).
5. При употреблении сокращений млн, млрд точка не ставится.
6. Имя и отчество пишутся без пробела, пробел ставится между именем и фамилией (В.В. Иванов, Д. Петров).
7. Число таблиц – не более 3, иллюстраций (графиков) – не более 3, количество цитированных источников – не более 10. Самоцитирование – не более 10% от всех источников. Каждая таблица должна быть напечатана на отдельной странице, иметь номер и название. Кегль 10. Все графы в таблице должны иметь заголовки. Сокращения слов в таблице допускаются в соответствии с ГОСТ 1-5-68, прочие должны быть расшифрованы в подстрочнике.
8. Список литературы составляется в порядке упоминания. Ссылки на литературу, цитируемую в тексте статьи, даются нумерацией в квадратных скобках обязательно с указанием страниц [1, с. 16].
9. Тип издания отделяется двоеточием; редактор и др. авторы отделяются «/», издание, в котором находится данная статья – «//»; перед местом издания ставится тире «-», если есть издательство – ставится «:».

Примеры оформления списка литературы:

1. Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2001.
2. Васильцов С.И. Фактор лидерства в современном политическом развитии // Рабочий класс и современность. – М., 1989.
3. Букато В.И. Банки и банковские операции в России / Под ред. М.Х. Лapidуса. – М.: Финансы и статистика, 2001.

В случае несоблюдения настоящих правил по оформлению рукописи редакция журнала оставляет за собой право ее не рассматривать. Рукописи, неприятые к печати, не возвращаются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных и прочих сведений.

Адрес редакции: 105043, г. Москва, Парковая 4-ая ул., д. 29

Телефон редакции: 8–499–164–95–94

E-mail адрес для авторов: vkudashova@yandex.ru

ЗАКАЗ на издательскую продукцию

Открытого акционерного общества «Всероссийский центр уровня жизни»
105043, г. Москва, 4-я Парковая ул., д. 29; тел. 164-97-64, 164-99-64

Я, (Ф.И.О.) _____
настоящим прошу подписать меня на издательскую продукцию ВЦУЖ согласно
отмеченным в таблице обозначениям.

«Уровень жизни населения регионов России» в количестве _____ экз.
 печатное издание   электронное издание
на: номера 2013 года;   1-е полугодие 2013 г.;   2-е полугодие 2013 г. (нужное
отметить)
Стоимость подписки:
Печатное издание 1 экз. – **450 руб.**; на полугодие – **2700руб.**; на год – **5400 руб.** (вкл. НДС 10%)
Электронное издание 1 экз. – **400 руб.**; на полугодие – **2400 руб.**; на год – **4800 руб.** (вкл. НДС 18%)

«Мониторинг доходов и уровня жизни населения» в количестве _____ экз.
 электронное издание
на: номера 2013 года;   1-е полугодие 2013 г.;   2-е полугодие 2013 г. (нужное
отметить)
Стоимость подписки:
На электронное издание 1 экз. – **750 руб.**; на полугодие – **1500 руб.**, на год – **3000 руб.**,
(вкл. НДС 18%)

**) Стоимость почтово-экспедиторских расходов – 50,00 руб. за один экземпляр
журнала. Заказанную подписку, согласно моему выбору:*

1. Следует направлять по почте по адресу:

_____
(Страна, город, полный почтовый адрес и телефон)

_____
(Деньги в сумме _____, включая оплату
почтово-экспедиторских расходов по пересылке каждого
экземпляра _____ перечислены в адрес:

ОАО «ВЦУЖ», ИНН 7719674629, КПП 771901001;

РС № 40502810838290000124

в ДО № 1683 Московского банка Сбербанка России ОАО

КС № 30101810400000000225, БИК 044525225

платежным поручением № _____ от « ____ » _____ 201__ г.

*2. Подписанные экземпляры я намерен(а) получать непосредственно во ВЦУЖ,
поэтому вышеуказанная оплата не включает оплату почтово-экспедиторских
расходов.*

Копия платежного поручения № _____ от _____ 201__ прилагается.

Дата _____

Подпись _____

**ВНИМАНИЕ!!! ПРИ ПОДПИСКЕ ВО ВСЕРОССИЙСКОМ ЦЕНТРЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ (ВЦУЖ)
НЕОБХОДИМО ВЫСЛАТЬ В НАШ АДРЕС ЗАПОЛНЕННЫЙ ЗАКАЗ, С ПРИЛОЖЕНИЕМ КОПИИ
ПЛАТЕЖНОГО ПОРУЧЕНИЯ, ПО ПОЧТЕ, ПО ФАКСУ: (495) 164-99-64 ИЛИ ПО ЭЛЕКТРОННОЙ
ПОЧТЕ: info@vcug.ru.**

**РАССЫЛКА ИЗДАНИЙ ПРОИЗВОДИТСЯ ТОЛЬКО ПОСЛЕ ПОСТУПЛЕНИЯ СРЕДСТВ НА СЧЕТ
ОАО «ВЦУЖ» И ПОЛУЧЕНИЯ ЗАКАЗА С УКАЗАНИЕМ РЕКВИЗИТОВ.**